

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

КОНАН

НЕ ЗНАЮЩИЙ СТРАХА

Джон
Мадлоке
Робертс

Ему было
всего семнадцать лет,
но он сумел
пройти дорогой
места до конца.

Днем и ночью преследует семнадцатилетний Конан банду убийц, которые вырезали целый киммерийский род. Дорога мести ведет юного киммерийца сквозь Офир и Стигию за реку Стикс. Там ему предстоит сразиться с предводителем банды — Тахаркой. Сами древние боги оживают, чтобы принять участие в схватке, и победа становится опаснее поражения. Может быть, именно после этого боя его стали называть Конан не знающий страха.

- [Конан — не знающий страха](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
-

Взошло солнце. Поднявшись, оно осветило небольшую вырубку и на ней — становище, укрывшееся среди низких лесистых холмов.

Во дворе становища, опираясь на копье, стоял хозяин, Халга, и провожал взглядом своих троих сыновей, выгонявших на пастбище скот.

Старик стоял и думал о том, что зима выдалась мягкая, стадо умножается ежедневно, деревья шумят яркой листвой, в ручьях плещется рыба — стало быть, на смену холодному и голодному времени пришло время изобилия. Халга был доволен.

Из дверей каменного дома вышел юноша, и Халга перевел взгляд на него. Легким размашистым шагом юноша двинулся в сторону Халги. Он шел свободно и, казалось, совсем не чувствовал боли. Но в этом можно было усомниться. Ведь не так уж много времени прошло с тех пор, как он, тяжело раненный, появился в становище Халги. Несколько дней он провалялся без сознания под присмотром женщин. Потом встал.

Выхаживание раненых по-киммерийски не отличалось особой затейливостью. В основном все сводилось к смыванию ран. Самые глубокие зашивали через край конским волосом, и, если организм был достаточно вынослив, человек выживал. Выжил и юноша. Ведь он был киммерийцем. Имя ему было — Конан.

Конан пришел в себя и заговорил. И тогда выяснилось, что пришел он с северо-восточных гор, что ему семнадцать лет от роду и, значит, он моложе сыновей Халги. Правда, когда Конан наконец-то встал, оказалось, что он выше их на целую голову.

В теплую погоду Конан одевался просто: кожаные штаны до колен да сандалии. Пояс для меча на бедрах и короткое охотничье копье наперевес дополняли картину.

— Пришла пора охоты, Конан?

— Меня уже достало нытье женщин. Засиделся я что-то. Слышно, на холмах водятся королевские олени, а на болотах обитает дикий бык. Так, по крайней мере, говорят твои сыновья.

— Займись лучше оленем. Ты едва очухался, куда тебе в одиночку на быка. А вот оленинка после зимней говядины да баранины — не помешает! Счастливой охоты!

Юноша не ответил. Провожаемый взглядом старика, он двинулся к воротам. А мысли Халги приняли иное направление. Он думал о том, что, вот, незаметно подросла Наэфа, его дочь, и что пора бы ей замуж, и весьма кстати, что именно она ухаживала за Конаном все это время.

По обычаю, девушкам—киммерийкам полагалось выходить замуж в другой семейный клан. Так что вовремя оказался здесь этот чужак. Парень он хоть куда, даже по здешним меркам. Вон как быстро встал на ноги! А уж если киммериец выжил, ни одна зараза к нему не пристанет. Халга вспомнил, как юноша, еще толком не окрепнув, победил его и сыновей в шуточной схватке на мечах. Быстрый клинок Конана до сих пор мелькал в глазах старика. И хотя парень действовал не по правилам, смекалки у него хоть отбавляй.

"Конан возмужает, — думал Халга, — и, окажись рядом толковая жена, со временем из него получится настоящий вождь, отец и защитник всего племени. Ведь кругом полно пиктов и боссонитов".

Теперь лето — время очередного набега на вражеские земли, когда соседи—соплеменники, собравшись вместе, наносят упреждающий удар по врагу.

"Впрочем, — думал Халга, — в этом тоже что-то есть". Ведь для них, мирных скотоводов, возможность и поразвлечься, и оружием побряцать, и снискать себе ратную славу слегка разнообразит похожие друг на друга медленно текущие дни.

Конан тем временем миновал ворота и вышел за добротную бревенчатую стену становища.

Мысли одолевали и его. Как сложится теперь его житье-бытье? Как поступить, на что решиться?

Конан оглянулся на становище. Здешние киммерийцы вынуждены возводить высокие стены, чтобы защищаться от воинственных соседей. Потом несколько семей объединяются и вместе строят центральную цитадель, где прячут во время набегов женщин и детей. Конану, выросшему в горах, все это было в диковинку.

С копьем на плече шел Конан к холму, где, по всем приметам, мог обитать олень. Последнее время, уже основательно окрепнув, он не раз заводил разговоры об уходе. И все же не уходил. Больше всего на свете хотелось ему путешествовать, повидать много разных земель и племен, много диковин, неведомых его горным и равнинным сородичам. И чем старше он становился, тем сильнее крепла в нем тяга к странствиям.

Однако сомнения впервые обуревали Конана. Стоит ли ему отправляться дальше? Остаться? От этих раздумий Конан все больше мрачнел.

Он мысленно представил себе Наэфу, дочь Халги. А ведь она не прочь выйти за него замуж. Да и ему девушка пришлась по сердцу. И, может, в этом-то и есть правда жизни: оставить скитанья, жениться, народить ребятишек и, наконец, стать вождем племени. Чем не завидная доля для истинного киммерийца?

Жизнь стоила дешево в этой дремучей хайборийской глухомани. Мужчины гибли во время кровавых набегов. Женщин и детей ожидало рабство. Однако женщины предпочитали рабству смерть.

Так вот и жили. Сообща перемогались долгими голодными зимами, теплые выдавались крайне редко. И детей рожали много. Авось кто-нибудь да выживет.

Жестокий естественный отбор правил жизнью киммерийцев. И они стали такими, какими стали: искусными воинами, крепкими и выносливыми, ненавидящими рабство. И это дало им шанс оставить след в истории эпохи.

Конан продолжал думать о девушке. Почему бы не жениться? Нет ничего позорного в том, что он останется в клане жены. Ведь он одинок. Уход Конана из родных мест был на руку вождям его племени. А Халга стал для него родным. И Наэфа...

Устав от сомнений, Конан направил свои мысли по иному руслу.

Он заметил оленя. Наконец-то он займется настоящим делом! Это был след огромного зверя, а ворсинки, зацепившиеся за древесную кору, указывали, что животное молодо и полно сил. Конан почувствовал во рту вкус жареной оленины и сглотнул слюну.

Здорово будет идти назад, в становище, неся на плечах тушу убитого зверя.

Конану уже слышались восторженные крики всего семейства. Соблазнительная перспектива для юнца, собравшегося покорить мир.

Вот так, с надеждой на романтическое возвращение в сердце и азартом преследования в крови, двигался Конан по следу зверя.

А из лесной чащи чьи-то глаза следили за Конаном. Среди деревьев мелькнула тень. Принадлежала она коренастому, но очень подвижному человеку. Это был пикт. Представитель расы, древность которой могла соперничать с возрастом самой Земли.

Совершенно бесшумно крался пикт по пятам молодого киммерийца.

Солнце было уже в зените, когда Конан выследил наконец оленя. Животное мирно паслось на лесной поляне. Олень был хорош. Под тонкой шелковистой шкурой угадывался жирок, нагулянный после теплой зимы.

Припадая к земле, ступая легко и бесшумно, Конан то двигался, то замирал на пути к зверю. Олень, подняв голову, монотонно двигал челюстями. Конан знал, что сможет приблизиться к оленю почти вплотную. Главное, чтобы примитивный глаз животного не засек движения. Медленно передвигаясь, Конан любовался изогнутой шеей зверя, блеском его глаз, новыми бархатистыми рожками. Так постепенно приблизился Конан к оленю на полет копья.

Вот зверь снова пригнул шею к земле, Конан выбросил вперед руку, и копьё бешено просвистело в воздухе. Метание копья в цель — труднейшее из боевых искусств, и Конан владел им в совершенстве.

Обычно охотники целятся в область лопатки, там совсем рядом сердце. Но даже если рука дрогнет и копьё попадет в легкое или в брюхо — догнать и добить раненого зверя — дело минутное.

Конан предпочитал честную игру: либо мгновенная смерть, либо чистый промах.

За ухом зверя темнело пятнышко. В него-то и целился Конан. Задача была трудной. Это признал бы любой опытный боссонский лучник. Вряд ли стоило рисковать. Но Конан рискнул.

Копьё попало в цель. Олень рухнул на передние ноги. Потом медленно завалился на бок. Конан ринулся вперед, чтобы добить зверя. Но это было излишне.

Не спеша принялся Конан свежевать тушу. Для удобства он снял с себя широкий ремень с мечом и зацепил его за ближайшую корягу. Рядом он положил копьё.

Олень был наполовину освежеван, когда рядом послышался шорох. Конан подскочил с зажатым в руке окровавленным ножом.

Человек, лениво прислонившийся к дереву, был ниже Конана на фут, но столь же широк в плечах и крепок телом. Волосы у них были одного цвета, но глаза преследователя и его кожа были заметно темнее.

"Ну и болван же я!" — пронеслось в голове Конана. Человек держал в руках его пояс и окровавленное копьё. Это был пикт. Кровный враг всех киммерийцев.

— Цена глупости — жизнь, — сказал пикт.

— Даже с мечом против ножа тебе меня не убить, поганый пикт! — отозвался Конан. От сознания позора у него запыхлала уши.

Пикт улыбнулся во весь рот, и боевая окраска на его лице превратилась в забавную гримасу:

— Возможно. Однако ты слишком быстро забыл мои уроки.

Конан снова принялся свежевать тушу:

— Забыл, как же... Оружие должно лежать не дальше расстояния вытянутой руки. Еще отец учил меня этому.

— Ты, видно, о бабах размышлял. Да только трупы они ни к чему. Любой пикт мог сейчас запросто прикончить тебя.

Конан только головой мотнул в ответ.

Это случилось пару месяцев назад, когда киммериец пробирался среди холмов по Дебрям Пиктов. За ним гнался отряд черногорцев. Дело было уже совсем дрянь. Вдруг Конан увидел неприметную, хорошо укрытую в горных складках пещеру. И в этой-то пещере встретил он пикта из Большой Долины. Звали пикта Тахач. Спасаясь от другой банды черногорцев, он уже вторую ночь отсиживался в этой пещере.

Трое суток вынужденного бездействия они провели, треплясь о своих ратных и охотничьих подвигах. А когда опасность миновала, еще пару недель они вместе мотались по Черногорью в поисках добычи.

Тахач, вознамерившись как-то стать членом почитаемого среди пиктов Волчьего братства, шатался по свету, ища приключений на свою голову, дабы снискать себе славу.

Конан вынужден был сознаться, что рядом с пиктом он слабак. Тот мог запросто обставить Конана и во время разбойных вылазок, и в знании леса.

Скитаясь в поисках пропитания, они, как самые завзятые мародеры, грабили редкие становища. На их поимку был снаряжен специальный отряд. Именно тогда и получил Конан свое ранение. Именно эти раны врачевала Наэфа, дочь Халги.

Тогда пикт пропал из поля зрения Конана. Был ли он вообще жив? Конан не знал.

И вот теперь Тахач стоит перед ним, живой и невредимый, лоснящийся от медвежьего жира.

— Олень что надо.

— Бери. Мне все равно не унести одному.

Пикт нагнулся к оленю, достал из его брюха кусок печени, взял ее в обе руки и принялся с аппетитом за еду. Конан всегда хотел перенять кое-то из боевых приемов пиктов, их умение читать лесные тропы. Но представления о вкусной и здоровой пище у них были разные.

— Как же ты спасся?

— Я день просидел с головой в болоте. Дышал через сухой тростник. Этот трюк хорошо знаком равнинным обитателям. Горцы его не знают.

Тахач нагнулся за следующим куском. Кровь брызнула на ожерелье, закрывавшее большую часть груди пикта. Ожерелье было отличным, состояло оно из множества медвежьих клыков. Запястье пикта украшали браслеты из кабаньих бивней, а роскошную волчью шкуру, наброшенную на плечи, венчала ужасная оскаленная пасть. Когда пикт бежал и ветер задувал в открытую волчью пасть, та издавала нечто душераздирающее, очень похожее на волчий рык. В общем, пикт был отличным охотником, и ему хотелось, чтобы это дошло до ума каждого

встречного.

Конан порубил тушу на части. Тот кусок, который в силах был поднять, взвалил себе на плечи. Поскольку копье и меч уже изрядно оттягивали плечо, ноша показалась Конану тяжелой.

Пикт сыто и довольно отрыгнул:

— Если тут рядом, я могу помочь.

Он легко взвалил на плечи остаток туши. Смрадный запах его, казалось, не беспокоил, а кровь, размазанную по рукам и ногам, он и вовсе не замечал.

— Где твоя нора?

— Тут, рядом. В становище киммерийцев. Мы успеем туда еще до заката.

— Ну, только не я. Меня свои же и пристукнут: виданное ли дело — иметь в друзьях киммерийца!

Халга увидел бегущих к становищу сыновей и понял: что-то случилось.

— Всадники! Человек тридцать! — крикнул, вбегая в ворота, старший.

— Пикты?

— Да еще работоторговцы, сволочь наемная; пара боссонитов, гандеры... еще кто-то...

"Вот бы Конана сюда!" — пронеслось в голове Халги. И впрямь, быстрый клинок Конана пришелся бы как нельзя кстати. Даже родные стены становища не помогут четырем воинам в битве с тридцатью вооруженными до зубов головорезами.

— Наемники слишком трясутся за свою шкуру. Кишка у них тонка. Двоих—троих пристукнем, остальные хвост подожмут, — сказал, вынимая меч из ножен, младший сын Халги.

— Возможно. Но все же будем готовы к худшему. — И, повернувшись к старшим сыновьям, Халга добавил: — Тогда, дети, вам придется позаботиться о своих женщинах.

— Если мы умрем, Конан отомстит за нас, — сказала отцу темноглазая Наэфа.

— Да уж, худо будет тем, кто попадет в лапы этого мальчишки.

Про себя же Халга подумал: "Как же ему, пешему, угнаться за конными бандитами? И как ему напасть на след именно этой банды... А впрочем, Конан парень что надо, хоть и молод. На него вполне можно положиться. Мы будем отомщены. Да только это не слишком-то хорошее утешение. Слава Крому, младших детей отослали в цитадель..." Старик вернулся во двор становища и поднялся на стену. Всадники уже приблизились. Их действительно было тридцать.

Лучи заходящего солнца осветили сторожевую башню становища, оцетинившуюся копьями.

От группы бандитов отделился всадник, очевидно главарь, и подъехал к стене. Человек, сидящий в седле, был высок. Его золотые доспехи сверкали. Не меньшим блеском сверкали на его удивительно смуглом лице злые глаза. Два гандера следовали за ним.

— Здорово, киммериец, — белозубо улыбнулся всадник, — я Тахарка, офицер армии Кешана. Я и мои ребята, мы охотничья экспедиция. За двуногой добычей.

— Чужак, мне понятны ваши намеренья. Но здесь вас ждет только смерть. Ничего другого мы предложить не можем.

— Ты спешишь с ответом. Раскинь лучше мозгами: жизнь раба — это какую-нибудь жизнь. — Улыбка сползла со смуглого лица Тахарки.

Халга перегнулся через ограду и сплюнул:

— Такая жизнь не для меня.

— Говорят же, что все киммерийцы тупы и самонадеянны, — лицо офицера искажилось от злобы, — но такого я не ожидал...

— Ты еще не все знаешь: будь ты поумнее, ты сделал бы большой крюк, объезжая мое становище.

— Какого рожна мы здесь треплемся, начальник, — подал голос один из гандеров. — Мужиков перебьем, а барахло и баб возьмем. Надо пошевеливаться, а не то они сами перебьют своих женушек, лишь бы нам не достались.

— Дикари, — процедил сквозь зубы Тахарка. — Ничего не смыслят в устройстве мира.

Нормальное общество не может обойтись без рабов. Кто-то раб по рождению, кого-то берут в плен, других продают голодающие родители... Что же тут особенного. Если раб послушен и прилежен, он добивается почета, и хозяин возвышает его. А кто станет возвышать бедняка, даже если он свободен?

— Хозяин, вы правы. Но этим варварам ничего не вдолбишь. Перережем всех — и дело с концом.

— Отлично. Пошли внутрь наемников. Пусть перебьют мужчин. Сами пока не суйтесь. Мы здесь по делу, зачем же попусту бряцать оружием? Ведь придворных стихоплетов мы с собой не захватили.

Два белобрысых бандита бросились исполнять приказ. Тахарка улыбался.

Эти безрадостные скудные края чем-то завораживали южанина. Он шел сюда опасным извилистым путем, чудом спасаясь от смерти и рабства. Бежав от властей Турана, он пристал к банде охотников за живым товаром, обитавшей близ Танасула. Там из опустившихся бродяг и головорезов сколотил Тахарка свой отряд. Выродки, подавленные силой его воли и блеском учености, подчинялись безропотно.

Первый рейд по северо-западной Немедии дал отличный барыш. Вторую вылазку Тахарка решил осуществить на юго-западе Киммерии.

Ведь киммерийские дети стоили больших денег. Всем было известно об их выносливости. На невольничьем рынке это очень ценилось.

Тахарка был высок и хорош собой. Чем он не упустил случая воспользоваться. Кожа его была смуглой, но не темнее кушитской. Тонкий с горбинкой нос удачно сочетался с благородным овалом лица. Внешне он походил на стигийца, жителя южного берега Стикса. Тщеславному Тахарке всегда хотелось, чтобы его принимали за аристократа, хотя в жилах его не было и капли голубой крови.

Отец Тахарки, не слишком удачливый лавочник, сумел вовремя разглядеть незаурядные способности сына. Отказывая себе во всем, старик откладывал деньги. Его заветной мечтой было дать Тахарке подходящее образование. Старания лавочника увенчались успехом. Находчивый Тахарка умел при случае блеснуть знаниями. К тому же он всегда знал, с кем и как себя вести. Короче, вскоре сметливого молодого человека взяли на королевскую службу. И все же плебейское нутро давало о себе знать: ни таланты и ни ученость не смогли скрыть прискорбного факта — о таких понятиях, как честь, долг и добродетельность, Тахарка не имел ни малейшего понятия. Все это не замедлило сказаться в самых неподходящих условиях. Во время одного жестокого боя Тахарка бессовестно бежал, бросив товарищей. Таким образом судьба его определилась, он сам выбрал свой путь. Путь преступника, за поимку которого было обещано солидное вознаграждение. И, наконец, путь этот привел Тахарку к стенам киммерийского становища.

Для старого Халги смуглолицый всадник был всего лишь бандитом, одним из многих. По передвижению гандеров Халга понял, что схватка близка. Исход битвы уже не имел никакого значения: он был предрешен. Однако дешево отдавать свои жизни было у киммерийцев не в правилах. По-северному бесстрастные и миролюбивые, во время битвы киммерийцы впадали в неистовство и превращались в опаснейших соперников.

Окружать становище бандиты не стали, и Халга в душе поблагодарил их за это: где же им, четверым защитникам форта, держать круговую оборону. В долю секунды пронеслась мысль, что хорошо было бы построить настоящую крепость, как у гандеров или боссонитов, тогда легче было бы обороняться. Однако, истинные дети природы, киммерийцы

предпочитали не отгораживаться от нее, справедливо полагая, что в трудную минуту она им поможет.

Между тем несколько наемников уже достигли стены и, накрывшись щитами, присели у самого ее основания. Таким образом образовалось что-то вроде ступени из щитов, на которую вскочила следующая шеренга нападавших.

Головы этих подонков показались над стеной становища. В тот же миг вся ярость Халги и его сыновей обрушилась на них.

Половину черепа зингарийского пирата снес, по самые брови, бешеный меч Халги. В это время перед его младшим сыном вырос немедиец и взмахнул искривленным мечом. Юноша сжимал в каждой руке по копью, и, пока немедиец замахивался, одно из копий пробило его челюсть чуть выше завязок шлема и прошло через основание языка прямо в мозг.

Юноша склонился вслед падающему трупу, чтобы вторым копьем достать того, кто служил ступенью немедийцу. Копье поразило цель. Но и самого юношу зацепило: стоявший у основания стены боссонит полоснул его по руке мечом. Молодой воин не проронил ни звука, но окровавленное копьё выронил, изготовив для боя здоровую руку.

Меч Халги взвивался одновременно с мечами старших сыновей. Это напоминало какой-то ритуальный боевой танец. Выпад. Синхронное движение назад. И трое захватчиков упали замертво.

— Эй, лучники, вперед! Стреляйте! — крикнул, сдвигая со лба на затылок защитный шлем с нащечными пластинами, белобрысый гандер. Этого Халга и боялся больше всего. Стоять на стене, отражая атаки наемников, и при этом еще уклоняться от стрел было гиблым делом. А в воздухе уже проносились с шипеньем, точно голодные змеи, боссонские стрелы.

Халге удалось прикончить еще двоих ублюдков, прежде чем стрела пронзила ему бок. Старик машинально обломал древко стрелы, чтоб не мешало, оставив наконечник в теле. Так можно было продержаться еще какое-то время. Понимая, что еще несколько минут — и все будет кончено, — Халга обратился к младшему сыну:

— Сынок, — голос Халги звучал буднично и твердо, — я и твои братья, мы должны исполнить последний наш долг... Задержи еще чуть-чуть эту ораву.

— Ступайте! — отозвался юноша, и одновременно в его здоровой руке мелькнул меч, перерубивший аквилонскому наемнику руку. — Видишь, вся эта сволочь не стоит одного покалеченного киммерийца.

Обломок стрелы в боку причинял жгучую боль, и Халга придерживал кровоточащую рану рукой. Не боль была страшна; впиваясь все глубже в тело, наконечник усиливал кровотечение. А сейчас силы, как никогда, нужны были старику. Халга вышвырнул от себя меч, оскверненный кровью врага. Для исполнения последнего долга ему нужно было иное оружие, и он взял свое обоюдоострое копьё.

В последний раз переступил Халга порог своего жилища. В последний раз последовали сыновья его примеру.

Когда, пошатываясь, вышел Халга из дома, его обоюдоострое копьё было красным от крови. Теперь он мог умирать спокойно. Долг был исполнен, честь семьи и рода — спасена.

Халга увидел, что враги уже ворвались в становище. Сгрудившись, они вонзали свои копья во что-то, бездвижно распластанное по земле. С иступленным, почти радостным возгласом ворвался Халга в этот круг, разя ублюдков наповал. За ним следовали его сыновья. И каждый успел нанести последний удар, прежде чем каждого настиг последний удар.

Во дворе становища стоял Тахарка и молча созерцал результаты побоища.

— И все это дело рук четырех человек? Старик, мальчишка и два молодых воина сделали все это? А наши потери?

— Двадцать два человека, — отозвался гандер.

— А сколько рабов взяли?

— Ни одного! — заорал аргосиец с изуродованным страшными пыточными шрамами лицом. — Ни одного! Детей здесь вообще не было, а своих четырех женщин они сами прикончили, пока брали стену.

— Правду говорят, что искать рабов среди киммерийцев — зряшная трата сил...

— Так какого же черта ты сюда нас тащил!.. Ведь это ты нас сюда тащил! Морочил голову болтовней о легкой добыче!

— Ну, первым-то походом вы, кажется, были довольны? — Голос Тахарки звучал угрожающе-спокойно. Взбешенный аргосиец пропустил это мимо ушей.

— Подумаешь! Одна удачная вылазка! А об этом что скажешь? — Он приблизился к Тахарке. И вот они уже стоят лицом к лицу.

— Тоже мне начальник! Слабый на голову... — это были последние слова аргосийца.

Свою цепкую пятерню Тахарка запустил в волосы бунтаря и рывком развернул его к оставшимся в живых наемникам. Стилет, внезапно оказавшийся в руке, Тахарка воткнул в правое ухо аргосийца и вращал до тех пор, пока окровавленное лезвие не вышло из левого. Еще одно резкое движение руки вниз — и шея была рассечена. Теперь только хребет соединял голову с туловищем. Из рассеченного нутра хлынула кровь и непереваренная пища. Воздух со свистом вырвался из легких вместе со зловонной розовой пеной.

Тахарка отшвырнул от себя еще дергающееся тело.

— Итак, нас семеро. Подходящее число. Будем считать, что основа для новой, по-настоящему сильной команды — уже есть. Смотрите сами, ведь погибли самые слабые. И это, в сущности, совсем неплохо. Разве недоноски вроде перебитых — подходящая компания для таких бравых ребят? — Тахарка почти любовно, как старший брат — младших, оглядел оставшихся в живых наемников. Лица их постепенно светлели.

Этой дешевой уловке Тахарка обучился еще в королевской армии: что угодно стерпят люди, намекни им только на их превосходство. О боги, как же примитивны эти убудки!

Тахарка выдержал приличествующую данному случаю паузу и уже на ходу бросил:

— Посмотрим, чем все же здесь можно поживиться. На сей раз мы просчитались. Но сколько еще богатых добычей уголков ждут не дождутся нас. Отсюда рукой подать до границ с Аквилонией. Не заглянуть ли нам туда? Думаю, что-нибудь и для нас там найдется.

Солнце уже почти опустилось за лес, когда Конан заметил вьющийся над деревьями дымок. Поначалу он решил, что это дымит очаг, но тут же понял свою ошибку и ужаснулся: слишком черны и тяжелы были клубы поднимающегося дыма. Тахач тоже заметил дым. Безошибочный нюх охотника сразу сообщил ему, что же случилось на самом деле.

— Так. Горит солома, прутья орешины, шерсть... Дом горит, приятель...

Но Конан уже бежал, бросив свою оленину. Пикт последовал его примеру, но чуть медленнее. Ему хотелось по возможности уразуметь, какого рода неприятности ждут их на лесной вырубке.

Они приближались к цели. Первым добежал Конан и остолбенел от ужаса. Даже подходить ближе ему не понадобилось для того, чтобы понять — в живых он никого не застал. Конан увидел обгоревшие тела и содрогнулся, до того они были обезображены. Перед тем как продолжить свой кровавый путь, бандиты побросали мертвых киммерийцев друг на друга и подожгли. С трудом опознал Конан тело Наэфы...

Когда Тахач достиг становища, Конан накрывал обгоревшие трупы кусками материи. Мертвые бандиты валялись поблизости.

— Не позавидуешь им, глянь, как изуродованы, — указал на них Тахач. — Достойная жатва для четырех воинов. Даже члены Волчьего братства могут позавидовать.

Конан распрямылся:

— Теперь мой долг предать их земле. И каменное надгробье тоже должен сделать я.

Воткнутое в косяк двери ритуальное копьё с запекшейся почерневшей кровью привлекло внимание Тахача.

— Что это означает?

— Таким образом мертвые напоминают мне о моем долге: “Отомсти за нас. Наша кровь взывает к тебе!” Таков обычай нашего народа. Этим копьём Халга убил Наэфу.

— Что же ты собираешься делать?

— Клянусь Кромом, дурацкий вопрос!

Трудно было понять, чего больше сейчас в лице Конана: решительности или скорби.

— Лучше идти по свежим следам. Отправляйся, пока из соседних становищ не пришли родичи, дым-то виден издалека.

— Это правда. Ты со мной?

— Ну нет. Мертвые киммерийцы для меня всего лишь мертвые киммерийцы... А вот в родных краях я давненько не бывал.

— Не уходи так. Помоги мне разобраться в следах, тогда мне будет легче догнать этих подонков и расправиться с ними.

— Это запросто. — Тахач начал осмотр становища. Он оглядел и обнюхал каждую мелочь, каждый клочок ткани, каждый обломок копья, каждый след — все, на что Конан не обратил бы по неопытности внимания. Потом, взобравшись на стену, Тахач обошел становище кругом.

— Бандиты двинулись на юг.

— Пойдем глянем, нет ли чего там, где стояли их лошади...

По траве тянулись кровавые дорожки. Это была кровь раненых налетчиков. Неподалеку от становища приятели обнаружили поляну со следами лошадиного навоза. Поляна, укрытая за небольшой скалой, оставалась незаметной для защитников становища. Тахач исследовал все вдоль и поперек.

— Отсюда ушли семеро. Один ранен. Два боссонита, лучники, живы и тоже ушли: их нет среди трупов.

— Почему именно два?

— Ну, это проще простого, приятель. Вот обломки стрел. Один — с наконечником из рыбьей кости, другой — из оленьего рога. Стало быть, они принадлежали разным лучникам.

Конан знал, что боссониты весьма придирчивы в выборе оружия, и согласился с умозаключениями Тахача.

— Часть лошадей подкована по-гандерски, однако гандеров нет среди убитых. Конечно, лошади могли быть и краденными.

— Были ведь у них свежие лошади, но уехали они на усталых. Похоже, ты прав. Два гандера тоже были в банде. Что тут еще есть?

Тахач покачал головой:

— Двое отстали от группы. Об остальных я ничего не знаю. Кто они, откуда родом? — Тахач подобрал с земли обрывок красной ткани. — Этот узор и раскраска мне не знакомы. Смотри! — Тахач указывал на лист с прилипшим к нему волосом. — Это волос из чьей-то бороды. Уж не знаю, кто этот тип, но борода его черна и курчава.

— Этих сведений достаточно, — сказал Конан, — я отправляюсь. Будет разумно, если я нагоню вырожденков еще до того, как они разбредутся кто куда.

Тахач еще раз огляделся:

— Мне тоже пора сматываться. Вот-вот нагрянут твои родичи. Ты бы дождался их: теряя во времени, ты можешь приобрести соратников для погони.

— Это заблуждение. Конечно, каждый киммериец месть за убитых соплеменников почитает делом чести. Однако если для этого дела надо покинуть родное становище — они еще пять раз подумают. Для меня это слишком долго. Справлюсь и в одиночку. Тахач, я твой должник. Ты и твоя родня, я всегда в вашем распоряжении, если что. Я вернусь.

— Прощай, Конан. И удачи тебе.

Тахач еще не закончил говорить, а киммерийца уже и след простыл. Он словно испарился в воздухе, и Тахач, похоже, вовсе не рассчитывал снова увидеть его живым. Еще раз обойдя кругом становище, пикт двинулся на поиски брошенной оленины.

Всю ночь и половину следующего дня бежал Конан. Неутомимой киммерийской рысью мерил он холмы родной страны, пока не оказался на равнине, пограничной с боссонскими топиями. Конские следы образовали что-то вроде непрерывного ручейка, хорошо различимого в тусклом лунном свете. Именно по этим следам двигался Конан.

Он рассчитывал, что всадники наконец остановятся и разобьют ночлег. Однако надежды его не сбылись. Трусливые наемники справедливо опасались задерживаться в киммерийских пределах. Но когда граница будет пересечена, они расслабятся и не будут так гнать лошадей. Этим-то и хотел воспользоваться Конан, без усталости меря милью за мильей.

Низкие тонкие облака нависали над равниной, по которой мчался Конан, и сквозь них сильно припекало солнце. Теперь Конан пожалел, что, подчиняясь первому порыву, он сразу рванул в погоню, не прихватив в становище еды и питья.

Понятно, что даже самый средний киммериец был на порядок выносливее обычного человека. Но и киммериец нуждался в подзаправке. Еще несколько часов такой гонки, и темп снизится сам собой. Силы действительно иссякнут. Хорош же он будет тогда один против семерых, пусть и усталых, бандитов.

Занятый этими мыслями, он едва не наскочил на распростертого в траве человека. Человек, как можно было заметить, еще дышал. На нем была одежда немедийца.

Конан молча лицезрел своего врага, чуть живого, но еще вполне пригодного для акта возмездия. В боку немедийца зияла смердящая рана. Видно, получена она была около суток назад.

Конан скользнул взглядом и по кровотокащим, разорванным мочкам ушей, и по содранной коже на пальцах рук и запястьях. “Эти вырожденные не могут расстаться даже с маломальски нужными вещами”, — ухмыльнулся он про себя.

Удирая, кто-то из наемников в припадке неуместного человеколюбия оставил умирающему флягу с водой, немного вяленого мяса и сыра.

Конан глотнул из фляги. Потом, сквозь сжатые губы, обрызгал лицо умирающего. Тот моргнул и вполне осмысленно уставился на Конана. Спутанная борода лежащего была черной, но не кудрявой.

— Меня убили, — пробормотал бандит.

— Точно. И случилось это не далее как вчера. — Конан оглядел рану, зияющую в боку умирающего. — Похоже, это дело рук Мурчи, среднего из семейства Халги.

— Эти сволочи бросили меня здесь, точно я падаль какая-то... Митра покарает их...

— Раньше Митры надеюсь добраться до них я. Ну и кто же эти смельчаки?

— Чего ради я стану распинаться? Дай спокойно подохнуть.

— Ничего. Несколько часов ты еще протянешь, и каждый покажется тебе вечностью, ублюдох.

Покрытое смертной испариной лицо бандита стало совсем белым:

— Разве киммерийцы пытаются?

— Лично я не испытываю от этого никакого удовольствия. Тем более когда речь идет о такой мертвечине, как ты. И тем не менее — дело не в моем желании или нежелании. Ты и

твои дружки-ублюдки перебили моих родичей. Теперь моя обязанность — мстить. А ты упираешься, молчишь и задерживаешь меня. Мне просто придется тебя побеспокоить.

Конан подождал, пока смысл сказанного дойдет до самого сердца бандита.

— Для чего запирается? Эти выродки бросили тебя умирать. Разве друзья так поступают?

— Э, пропади все пропадом... Разрази их Сэт! — простонал немедиец, даже в этой критической ситуации показав себя приверженцем официальной религии. — Без меня их теперь шестеро. Муртан и Баллан — боссонские лучники, обычные воры. Потом гандеры: братья Гюнтер и Вольф. Эти опасны. Настоящие головорезы. У себя на родине они в розыске. — Лицо говорящего перекошилось от боли. Конан переждал, пока пройдет спазм.

— А остальные?

— Еще аквилонец. Зовут — Аксандриас. Хитрый, как бес, и изворотливый, как ядовитый змей. Базарный фокусник и шарлатан. Дурит мозги, что обладает какой-то магической силой.

— Дальше!

— Последний?.. Плюнул бы ему в рожу, если б смог. Начальничек... Из-за него-то мы и оказались в этой заднице. Тахарка, Сэт его побери. Он из Кешана. Лицо темное, как дубленая кожа. Но не кушит. Держится как генерал, болтает как король, а на деле дерьмо дерьмом, висельник вроде нас...

— И куда же он дернул?

— Были разговоры об Офире. Там сейчас война. В мутной воде проще всего сколотить команду из подонков. Под шумок всегда проще сорвать хороший куш.

— Ну что же, — Конан поднялся, — еда тебе не понадобится.

— Ты ведь должен убить меня.

— Пожалуй, оставлю-ка я тебя наедине с твоей смертью. Ты заслужил.

— Но ведь ты должен отомстить. Так убей же меня. — В голосе умирающего слышалась надежда.

— Ну, во-первых — лежачего не бьют. Во-вторых, я обещал не мучить тебя, только и всего. Ничем я тебе не обязан. Подумай лучше о своих грехах, пока за тобой не пришли *оттуда*.

И Конан двинулся дальше. Стоны и плач умирающего неслись ему вслед.

Теперь, когда у него появились еда и питье, пусть даже очень мало, он чувствовал себя уверенней. Походная жизнь приучила его довольствоваться крохами. Вяленое мясо и заплесневелый сыр тоже могут поддержать его силы. А сейчас, чтобы осуществить свою месть, только силы ему и необходимы.

Тахарка чувствовал себя превосходно. Ему все нравилось: земля кругом цвела, воздух был свеж и приятно охлаждал легкие, лошадь под ним была отменной, и здоровье его не беспокоило. Все это позволяло ему находиться в благодушном настроении. И мысли Тахарки были все больше о приятном: о легкой добыче, о красивых женщинах, об игристом вине и вино-алых потоках вражеской крови.

Настроение всадников, следовавших за ним, резко отличалось от его собственного. Это не ускользнуло от внимания Тахарки и только лишний раз убедило, насколько сам он тоньше этих примитивных существ. И то верно, разве можно позволять обстоятельствам брать над

собой верх? Ничто не должно отравлять ощущения радости жизни!

Аксандриас из Аквилонии нагнал Тахарку, и Тахарка улыбнулся ему. Из всего этого сброда только аквилонца считал Тахарка спутником, достойным себя. Он безошибочно разгадал в нем бесчувственного и безнравственного человека, корыстолюбивого и коварного. Это их роднило.

Для угрюмых и строгих гандеров, для трусоватых боссонитов все же какие-то правила игры существовали. Аквилонец же все, что стояло на пути к удовлетворению своих низменных инстинктов, считал химерой. О законобоязни и порядочности он знал понаслышке.

— Командир! Наши спутники разочарованы. Из тяжелого похода они возвращаются с пустыми руками.

— Пустой кошелек всегда повод для расстройства, — отвечал Тахарка. — Но это поправимо. И вообще, нашей жизни можно даже позавидовать: мы не ищачим с утра до ночи, чтоб заработать себе на лишний кусок в старости. Наш удел — благополучие в обмен на минуту риска. В этом-то вся и прелесть. Видишь тот холм? Не исключено, что за ним мы найдем свое богатство.

— Я согласен, хозяин.

Аквилонец провел рукой по своей обильно умащенной ароматическими маслами светловолосой голове. Легкая шелковая безрукавка лишь подчеркивала мужественную красоту его загорелого торса.

— Они темные и безграмотные бродяги и мало смыслят в жизни. Не то что мы с вами, хозяин. Вот теперь они решили, что удача навсегда отвернулась от нас.

Вольно или невольно аквилонец попытался поставить себя на одну доску с Тахаркой. Подобная нелепица развеселила господина. Он ехал и улыбался в свою красивую бороду.

— Так смотрят на жизнь глупцы. Смерть сотоварищей они считают неудачей. А вот о том, что сами уцелели, они почему-то забывают.

— Ну, я-то это понимаю. Однако стоит ли быть слишком строгим к этим беднягам. Они просто отстали от жизни. Да и понять их все же можно. Когда нас было тридцать — это была сила. И опасность для нас представляли разве что регулярные войска. Но встреча с ними маловероятна. Теперь нас шестеро. Мы стали уязвимей. Ну так что же? — Аквилонец, подражая своему господину, благодушно улыбался, всем своим видом показывая, сколь мало волнуют его подобные проблемы. Его красные бархатные штаны были кое-где заляпаны грязью. Узкий аквилонский меч и кинжал, украшенные драгоценными камнями, блестели на солнце. Всем своим видом он старался подчеркнуть свое привилегированное положение второго в банде.

— Они не в состоянии правильно оценить положение вещей, — опять заговорил Тахарка. — Действительно, в Киммерии нам досталось. И что с того? Ничего на свете не восстанавливается с такой быстротой и легкостью, как люди. Каждый мнит себя незаменимым, но это не так. — Тахарка разглагольствовал со вкусом. — Дорогой мой Аксандриас, знай, сколько бы человек ни было у тебя в подчинении — десяток или десятки тысяч, рабы или свободные, — все они мусор, ничто. И если тебе для достижения твоих целей необходима их смерть — они должны умереть. Если тебе нужна их жизнь — бери ее.

Так, покачиваясь в седлах, беседовала меж собой эта милая парочка.

— Мудрые слова, господин.

— Вот и здесь мы должны раздобыть поживу. Надо все хорошенько разнюхать. Говорят,

здешние земли богаты.

— Но охраняют их крепко. Я хорошо знаю эти места, недаром имя мое выбито на стене самой знаменитой местной тюрьмы.

— Вот оно что! Но ты был молод и глуп. Рядом не оказалось доброго советчика. Сейчас ведь другое дело. Послушай, — Тахарка стал серьезным, — мы наверняка уже оторвались от возможных преследователей... — Он быстро нагнулся и вытянул из стремени запутавшийся там полевой цветок, потом, поднеся цветок к лицу, с удовольствием втянул медовый аромат.

— Так оно и есть, скорей всего. Обычно киммерийцы даже ради мести не покидают пределов родины. Разве что в виде исключения...

Тахарка потянулся в седле:

— Тогда пора малость подразмяться. В конце концов, чтобы выиграть, надо рискнуть, а воровская стезя — беспокойная, это всем известно.

— Если мы попадемся в лапы местных жителей, кого-нибудь из нас непременно вздернут. Даже в родных землях мы остаемся чужаками. Хорошо бы выбраться отсюда поскорее. Немедия — подходящее место для того, чтоб расслабиться, и Офир близко...

— Чушь все это собачья. Нам необходимо взбодриться. Слабакам, которые не в состоянии облапошить здешних простофиль, не место в моем отряде. Я знаю слабую точку моих людей: их надо поощрять, а не запугивать. Надо поднять боевой дух, даже если это сопряжено с риском. А уж потом продолжим наш путь!

Аквилонец с улыбкой кивнул, подумав при этом, что подобный сентиментальный бред может прийти в голову лишь тому, кого разыскивают в других краях. К тому же Тахарка был главным, да и расправа его со злополучным аргосийцем была еще свежа в памяти. И Аксандриас благоразумно промолчал.

— Муртан, Баллан, — бросил через плечо Тахарка. — Гоните вперед да разнюхайте, нет ли здесь какой легкой добычи. Если что-нибудь заметите — живо к нам. Приглядывайтесь к небольшим группкам купцов, кто путешествует со своим товаром. А если поблизости есть город — нам больше ничего не надо. Имейте в виду, мы — почтенные торговцы лошадьми.

Когда Тахарка вновь обернулся к аквилонцу, всадников уже и след простыл.

— Упавших духом людей надо всегда чем-то занимать. Что-то для поднятия настроения — ну, маленький разбой, например. Это восстановит чувство юмора. Вот доберемся до ближайшего базара, сплавим лошадей, деньжата и заведутся.

— Жду не дождусь, хозяин, — отозвался с улыбкой аквилонец.

Шестые сутки преследовал Конан убийц. Наконец набрел на следы их разбойной деятельности. В сущности, ничего, кроме сотен и сотен безымянных отпечатков ног и копыт, на дороге не было. Но в воздухе витал запах смерти. Конан внимательно изучил дорогу. В одном месте следы лежали особенно густо. Кое-где были заметны припорошенные землей кровавые пятна. Видно, кому-то было выгодно, чтобы пятна остались незамеченными. И все же они проступали сквозь землю, и жирные рои мух кружились над ними. По запаху и по особенно шумному кружению мух набрел Конан на канаву и еще издалека увидел брошенные в ней трупы. Жертвами бандитов на сей раз оказались купец с женой и двое их слуг.

Даже издалека было видно, что вся их одежда испачкана кровью. Видимо, поэтому грабители не сняли ее. Остальным они не побрезговали: судя по характеру повреждений —

кольца и серьги они сдирали с живых людей.

Еще раз оглядев печальную картину, Конан поспешил прочь. Ему совсем не улыбалась возможность быть застигнутым местными королевскими гвардейцами. Им только дай волю: хватают первого попавшегося и волокут в тюрьму. Чаще всего они бывают правы. Но кто станет разбираться и докапываться до истины в случае с оборванным и по самые уши грязным варваром, каким и был сейчас Конан. Да и души убитых сейчас наверняка рыщут по округе, следует опасаться их мести.

"Что ж, чем больше трупов оставят на своем пути эти ублюдки, тем проще будет найти их", — решил про себя Конан. О такой вещи, как закон, киммериец имел весьма смутное представление. Однако неоправданная жестокость и необузданная жадность были ему отвратительны. Поквитаться с этим человеческим отребьем — вот цель его жизни. "Это будет настоящий подвиг!" — подумал Конан и с новыми силами рванулся в погоню.

Больше всего Конан опасался, что следы бандитов потеряет из виду. Или что бандиты разбредутся кто куда. Поди тогда ищи их по всему свету! Вот попалась бы на пути гора, он моментально выследил бы их с вершины.

Наверняка бандиты сбавили темп. "Теперь необходимо знать, какое нас разделяет расстояние. А то, не ровен час, наткнушь на них в темноте", — думал Конан. Он прекрасно сознавал всю опасность своего положения, ведь здесь, на равнине, вряд ли ему одному удалось бы одолеть шестерых.

Так, идя по склону, набрел Конан на городские стены. Построен город был своеобразно: приземистые крепостные стены соседствовали с треугольными очертаниями высоких и узких домов. Городские ворота тоже были треугольной формы. Перед воротами простирался широкий зеленый луг. Горожане использовали его как выгон для скота.

Похвастаться опытом городской жизни Конан, естественно, не мог. Но он сообразил, что скот, пригнанный путешественниками или кочующими торговцами, должен пастись тут же, вместе с общественным.

Теперь его задачей было выяснить, здесь ли находятся лошади бандитов. Однако Конан не спешил проявлять интерес. Это могло вызвать подозрения и спугнуть его врагов. И, с подчеркнуто равнодушным видом отвернув лицо от пастбища, Конан последовал к городским воротам.

В воротах Конана остановил страж. Он внимательно оглядел юношу, его оружие.

— Кто ты, киммериец, и что тебе надо в нашем городе?

Конан с усилием подавил в себе желание проткнуть копьём брюхо этого нахального сторожевого пса. Пропламливает ему череп близлежащим бульжником он тоже не стал.

Конан трезво подумал о том, что, кроме неприятностей, ничего с этого не поймёт. Да и вряд ли он что-то сможет доказать горожанину, ведь понятия о чести в городе совсем иные. К тому же перспектива отсидки в местной тюрьме не прельщала Конана, ведь его цель — погоня.

— Я — Конан. И нужен мне кое-кто, прошедший недавно через эти самые ворота. Не встречался ли тебе темнокожий тип, а с ним аквилонец, двое гандеров и двое боссонитов? Похоже, они привели сюда на продажу лошадей.

— Что-то странное ты говоришь, парень.

Об убийствах неподалеку от города Конан решил пока промолчать.

— Дело у меня к ним. Ничего противозаконного, можешь не беспокоиться.

— Мне ничего не известно, но ты можешь войти в город. И лучше помалкивай о тех людях, а не то накличешь на себя беду. Хотя не исключено, что я знаю одного человека и, не исключено, ему интересно будет поболтать с тобой о тех, кого ты разыскиваешь.

Конан был слегка озадачен. В задумчивости прошел он через арку с треугольным навершием в туннель, ведущий сквозь крепостную стену в город. Было ясно, что страж о чем-то умалчивает. Интриги и недомолвки цивилизованного мира были чужды Конану и раздражали его. Потому он решил, что вечером еще вернется к городским воротам и вытрясет из охранника всю правду.

Все эти дни погони Конан много бегал и мало ел. Его мучила жажда, а кожа обтягивала кости. В котомке, которую подобрал он возле умирающего бандита, нашлось несколько монет.

"Самое время отдохнуть и подкрепиться", — решил порядком измотанный юноша.

У первого встречного выяснил он, что единственная в городе таверна расположена тут же, рядом, у ворот. Таверна оказалась приземистым зданием из камня и дерева. Маленькие окна тускло поблескивали, а из трубы в дальнем конце крыши валил дым.

Входя, Конан едва не стукнулся лбом о притолоку и вовремя пригнулся. Выбрав уголок потемнее, Конан прислонился к стене и огляделся. Когда глаза его привыкли к скудному освещению, он смог разглядеть большое помещение с двумя широкими длинными столами посередине. С одной стороны был очаг, над которым жарилось на вертеле мясо. С другой — занавесь, отделяющая часть комнаты. У этой занавески, в самом углу, заметил Конан чью-то скрюченную, обмотанную тряпками фигуру. Сверху на нее было брошено еще что-то вроде одеяла.

К Конану приближался хозяин таверны.

Короткий передник, о который хозяин вытирал мокрые руки, едва прикрывал жирную грудь и волосатый живот.

Толстяк подозрительно оглядел полуголового киммерийца, покачал головой и спросил:

— Тебе чего, чужестранец?

— Поесть и место для ночлега. Деньги у меня есть.

— Мясо еще не готово, — хозяин указал на вертел, — хлеб вот-вот доставит пекарь, так что подожди немного, а вина могу тебе принести, это у нас в любое время — пожалуйста.

Пить Конану хотелось давно, и все же вино натошак — гиблое дело.

— Покажи, где я могу лечь. Посплю несколько часов, потом поем. Мне предстоит погоня, надо беречь время.

— Как скажешь. Идем, покажу место для сна.

И хозяин повел Конана в тот конец помещения, где была занавеска, именно туда, где заметил он скрюченную фигуру. Хозяин отдернул занавеску, и Конан увидел дверь. В этот момент фигурка вздрогнула. Конан, к своему удивлению, обнаружил, что это женщина со светло-коричневыми волосами, вернее даже, девушка одних с ним лет. Черты ее лица поражали значительностью и правильной красотой, которую портил кружок черной кожи, закрывавший левый глаз девушки.

Взгляд Конана задержался на сидящей, та в свою очередь как-то чудно глянула на киммерийца.

Комната, в которую ввел Конана хозяин, была разгорожена занавесками. Хозяин зажег свечу, и Конан бросил на пол свои вещи.

— Неплохо. А что это за девка у двери? Как-то странно она посмотрела на меня.

— Ерунда. Это Сумасшедшая Калья. В этих краях ее хорошо знают. Всех мужчин она считает подлецами, так-то...

— У нее взгляд ястреба. Видел я однажды такого. И что же в ней такого особенного?

— Ее считают опасной, и никто не знает, что с ней делать. Вообще-то здесь полно всяких шлюх. Но эта пришла из района боевых действий. Она разыскивает какого-то типа, которому должна отомстить. А может, этот тип существует лишь в ее больном воображении. Королевские гвардейцы ее не трогают, потому что она сумасшедшая, да к тому же благородных кровей. Сюда, ко мне, она навевается лишь изредка. Деньжат у нее хватает, чтоб только заплатить за еду и ночлег, откуда деньги — не наше дело. Она заявила сюда ночью, и до сих пор спала. Она всегда так спит, прислонившись спиной к стенке. — Толстый хозяин ухмыльнулся. — Отмыть ее, так неплохая деваха получится.

Дальше поддерживать разговор Конан не стал. На сумасшедших девиц у него ни сил, ни времени не было.

— Разбуди, когда обед будет, — бросил он, снимая пояс. Предусмотрительно сжав рукоять меча, Конан улегся и тут же провалился в сон.

Проснувшись, киммериец инстинктивно потянул меч из ножен, и этим до смерти напугал пришедшего его будить мальчишку—прислужника.

— Господин, вы просили разбудить вас к обеду.

Кивнув мальчишке, Конан убрал меч. У дверей стоял бочонок с водой. Слегка омывшись и обтеревшись несвежим полотенцем, Конан отодвинул занавеску.

Народу уже набилось прилично. Некоторые посетители с любопытством уставились на Конана. Сумасшедшая сидела у занавески в прежней своей позе, однако голова ее была высоко поднята, и единственным своим глазом она хищно разглядывала посетителей.

Усевшись с краю за стол, Конан взял из общей миски приличный шмат мяса. Неизвестно, когда он снова сможет поесть, поэтому подкрепиться Конан решил солидно. Мальчишка подал ему чашу с красным вином, и Конан принялся за еду.

Конан самозабвенно справлялся с мясом и поначалу не заметил неопрятного человека в потертой шерстяной рубахе, усевшегося напротив. В свою очередь и незнакомец, прежде чем глянуть на Конана, залпом опорожнил чашу с вином, услужливо поднесенную мальчишкой, причем капли вина повисли на его неухоженных усах.

Напившись, незнакомец улыбнулся, обнажив гнилые зубы:

— Я слышал, тебя интересовали некие путники, которые, возможно, провозили на продажу лошадей... Я — Рарио, торговец лошадьми. Не исключено, что я смогу быть тебе полезным...

— Те, кто меня интересуют, — бандиты. Южанина зовут Тахарка, аквилонского выроodka — Аксандриас, еще там двое гандеров...

Собеседник приложил палец к губам, показывая, что надо молчать.

— Потише—ка, приятель. Тут много лишних ушей.

— Тут нет никакой тайны. Эти твари — враги для всех. А мне они сильно задолжали. И никакие боги им не помогут.

— Не горячись, киммериец. И поговорим лучше в другом месте, за пастбищем, к примеру. Шепни охраннику мое имя, и он тебя пропустит. Заканчивай со жратвой и приходи.

Сунув что-то хозяину, Рарио вышел из таверны. Обглодав последнее ребрышко, Конан потянул руку за новым куском и заметил рядом, за своей скамьей, фигуру, закутанную в

темную ткань. Это была Калья. Присмотревшись, Конан понял, что укутана она в широкое одеяло из грубой коричневой холстины, посередине которого проделана дырка для головы. Время от времени одеяло сползало, но даже тогда невозможно было определить, что же надето под ним.

— Давай поболтаем, — прямо заявила она.

В собеседниках Конан сейчас не нуждался, но прогонять сумасшедших в Хайбории было не принято. Он молча кивнул на скамью против себя и велел мальчишке принести еще чашу с вином.

— Я — Калья. Меня считают сумасшедшей, тебе уж, наверно, сказали.

Голос ее напоминал воронье карканье и мало подходил молодой девушке.

В неверном свете сальных свечей Конан разглядел шрамы по обеим сторонам шеи говорившей. Видно, когда-то, когда Калья была еще ребенком, кто-то повредил ей голосовые связки, потому и голос ее стал таким резким. Конан отпил вина. Что ж, мир, в котором они росли и живут теперь, жесток. Мало ли что с кем могло случиться! Его это не касалось.

— Ты знаешь мое имя. Скажи теперь свое. С виду ты киммериец.

— Точно. А зовут меня Конан. — Мальчишка принес чашу с вином и поставил перед девушкой. Сквозь вертикальный прорез в одеянии девушка выпростала левую руку. Конан с изумлением увидел на этой руке перчатку из плотно пригнанных друг к другу металлических пластинок.

— Ты кое-кого ищешь. Я слыхала твой разговор с этой свиньей Рарио. Мне тоже нужен один человек. Судя по всему, он среди тех, кого ищешь ты.

— А мое какое дело? Съешь лучше чего-нибудь. — Конан указал на мясо.

— Мне нечем платить.

— Я угощаю. Люди, которых я ищу, одолжили мне, сами не подозревая того, эти деньги, — хмыкнул киммериец.

Впрочем, угощая девушку вином, Конан надеялся, что, порядком выпив, та уснет и избавит его от не слишком приятной необходимости общаться с сумасшедшей. Однако девушка была голодна и хорошо ела.

Некоторое время они помолчали. Никто из посетителей таверны не изъявлял желания вступить с ними в беседу, и это вполне устраивало Конана.

Хорошо, что он не видел себя со стороны. Мало кто решился бы заговорить с такой веселенькой парочкой: полуголый киммерийский волчонок и сумасшедшая в одеяле... Даже в таверне на большой дороге такое не каждый день встретишь!

Калья, видимо, наелась. Она откинулась и вытерла рот краем грязного одеяла. Все это она проделывала левой рукой, и Конану было любопытно, есть ли вообще у нее правая.

— Ты не ответил, киммериец. Зачем ты идешь по их следу?

— Не ответил и не отвечу.

С чего бы это он стал посвящать кого-то в свои планы. А эту сумасшедшую девчонку и подавно.

— Ты называл Рарио имена. Аксандриас. Это тот, кого я ищу.

То, как девушка подняла голову и взглянула своим единственным глазом, заставило Конана содрогнуться. Сейчас она походила на жаждущего мести демона.

— Об этом человеке я знаю лишь то, что он аквилонец и что зовут его Аксандриас. Но в Аквилонии их сотни, согласись.

— Но это тот. Я знаю. Этот мерзавец морочит народ на базарах. Делает вид, что он

колдун.

— Да, слышал о нем такое, — неохотно поддержал разговор Конан. — Но видеть его не видел. У меня к нему самое короткое дело на свете. Короче не бывает. К нему да к остальным пятерым.

В сильном возмущении девушка так стукнула по столу ладонью, что некоторые посетители обернулись.

— Митра вняла моим мольбам! Скоро я с ним посчитаюсь!

— Это не мое дело. И вообще, я здесь попусту трачу время. — Конан встал. Вслед за ним поднялась и Калья.

— Ты идешь на встречу с Рарио. У меня тоже дело к нему. Я с тобой.

— Это тебя не касается, женщина.

— Касается. Еще как. Расплачивайся — и пойдём.

Спорить было бесполезно. Конан расплатился и вышел в сопровождении Кальи на темную улицу. Конан заметил, как ходит девушка. Тут было над чем подумать. В ее походке не было ничего от кокетства городской красотки, но все от твердой поступи воина. Калья едва доставала своей головой ему до плеча, и тем не менее теперь до Конана дошло, почему хозяин таверны счел ее опасной.

— Ты хочешь отомстить, не так ли, киммериец?

— А тебе-то что?

— Потому что сначала — моя месть!

— Тише. Мы у ворот.

Молча приблизились они к городским воротам. Страж был тот же, что и утром.

— А, это ты, варвар! Кто это с тобой еще? Да это же Калья! Чего тебе здесь...

Легким тычком ладони в лоб Конан пресек словесный поток стражника. Затем схватил его за ворот и пару раз приложил головой о стену позади ворот.

— Ты всегда такой любезный или только по пятницам?

— Но, — стражник едва ворочал языком, — но она-то зачем здесь? — Он снова потерял сознание. Потом, придя в себя, опять заговорил: — Послушай, я тут стою по приказу Рарио. Я обязан ему, он выкупил меня из плена, понимаешь. Сегодня он велел мне отстоять две смены. — Лицо стражника исказилось. Не ясно, что это было — дурнота или страх. Перед ним с каменным выраженьем лица стоял безжалостный дикарь, а из-за плеча его выглядывала сумасшедшая женщина, жаждущая, казалось, свежей крови.

— Да плюнь ты на него, Конан. Хозяином этого пса может стать любой, в чьем кармане водится мелочь. Пойдем искать Рарио, он должен что-то знать.

Конан отбросил обмякшее тело на дощатую мостовую.

— Лежи тихо, а не то...

Ни единого звука не услышали они за собой, выходя за ворота.

Светила луна. В ее свете пастбище отливало сиреневым. Посреди выгона мальчишки-пастухи разожгли большой костер. Его всполохи высвечивали прекрасные силуэты пасущихся лошадей.

Конан и Калья мгновенно оценили обстановку и двинулись к костру.

Пастухи подняли головы.

— Ну что, ребятки! Не пора ли пересчитать лошадей? — Дети встrepенулись, молча поднялись и пошли пересчитывать.

— Аксандриас мой, — коротко бросила Калья. — Остальных бери, а этот — мой, и не

трогай его, понял?

— Девочка, — вкрадчиво начал киммериец, — с тобой однажды дурно обошлись. Конечно, твоя месть справедлива. Но мое право — найти их и перебить всех до одного. И не путайся у меня под ногами.

— Еще чего! Я всю свою жизнь с самого детства посвятила этой мести, — единственный глаз Кальи, казалось, излучал свет ненависти, — и ты думаешь, что теперь, когда цель моя близка, я позволю грязному дикарю вроде тебя помешать мне? Не на ту напал. Ты думаешь, я просто истеричная девка? А ну посмотри, немывтая ты скотина!

Молниеносным движением она скинула через голову одеяло. В руке ее, как по волшебству, оказался меч.

Переход от миролюбивой девушки к разгневанной фурии был слишком неожиданен. Конан остолбенел. Этот воинственный выпад озадачил даже его. Собственно, внешний вид Кальи тоже мог выбить из колеи любого. Под одеялом на девушке почти ничего не было, а то, что было, служило защитой от оружия. Правая рука от запястья до плеча была покрыта маленькими стальными пластинами, металлические щитки закрывали также голени и колени, а правое бедро плотно облегал кусок колец. Правую грудь защищала металлическая чашечка, закрепленная обручем вокруг спины. Перчатку на левой руке Конан видел и раньше. Все остальное было голым, если не считать коротких кожаных штанов и закрепленного вокруг талии широкого кольчужного пояса.

— Берегись, женщина! — крикнул Конан. Первый раз в жизни он был вынужден вступить в схватку с женщиной. Но сейчас терпенье его лопнуло. К тому же в противнике Конана было слишком мало от женщины и слишком много от дикого зверя.

Меч девушки был мал, узок и слегка изогнут. Рукоять прикрывала что-то вроде чашечки из металлических прутьев. Таким образом часть руки была почти полностью защищена. Сразу было видно, что девушка прошла хорошую воинскую школу: она умела выбрать оружие, экипировку. Она знала, с какой ноги лучше выступать. В общем, она была сильным противником. Конан понял это прежде, чем Калья успела скинуть одеяло, и принял оборонительную стойку.

За те доли секунды, пока девушка становилась в позицию атакующего и наступательно, снизу, направляла свой меч, Конан сумел подставить ей подножку. Падая, она выхватила обоюдоострый кинжал и нанесла им удар сверху.

Кинжал прошел в паре миллиметров от горла киммерийца и легко оцарапал висок. Если б Конан хоть чуть-чуть замешкался, он был бы уже мертв.

— О, Кром! Ты что, и в самом деле сумасшедшая? Мы же вроде и не ссорились. Ты просто взбесившаяся девка!

Калья поднялась на ноги.

— Не смей звать меня девкой, придурок! И убери свой меч. Не хочу брать на свою совесть еще один труп.

Остерегаясь внезапного выпада, Конан медленно двигался по кругу. Он хотел встать так, чтобы свет падал девушке на глаза. Калья тоже двигалась по кругу, стараясь при этом всячески избежать попадания света в глаза. Она вся сжалась, чтобы доспехи прикрывали жизненно важные органы. Этим древним способом защиты она владела в совершенстве, и он часто выручал ее.

— Ну, давай, давай! — подзадоривала девушка Конана.

— Давай, киммериец! — раздался знакомый голос.

К дерущимся приближались двое. Еще несколько теней можно было различить поодаль от костра.

Конан выхватил меч. Зубы его радостно блеснули. Наконец-то бредовая ситуация с этой девицей закончилась. Теперь появился действительно достойный противник. На одного из подошедших упал свет костра. Конан узнал Рарио.

— Киммериец, ты приносишь несчастья. Слишком много дурацких вопросов задаешь.

— Я ищу Тахарку и его людей. Скажи мне правду, и я свалю отсюда со всеми своими несчастьями, о которых ты что-то здесь болтаешь. Кстати, что это за несчастья?

— Ты болван или прикидываешься? — усмехнулся Рарио. — Я думаю, твое простодушие просто маска. Мне совершенно ясно, что ты и эта девица, вы сговорились изображать незнакомых людей. Вы в сговоре и хотите выведать что-то, что вас интересует.

— Перестань молоть чушь. Говори лучше, чего тебе надо.

Дикарь казался Рарио слишком наивным.

— Парень, ты что, не понял? Те, кого ты ищешь, — опасные бандиты. Они опасны по всем статьям. Можно схлопотать не только от них самих, но и от властей, которые их разыскивают. И вообще от всех, кто имеет с ними дело. Так что тебе не везет. — Прищурясь, Рарио разглядывал Конана. — А им всего—навсего нужен честный торговец, имеющий на торговлю все права. Им нужно, чтоб не было глупых вопросов, и за ценой они не пойдут. Чего скрывать. Ну, приходил ко мне Тахарка пару дней назад, ну, купил я у него лошадок за хорошую цену. — Рарио усмехнулся, и в ушах его сверкнули золотые кольца.

— Я не спросил ничего особенного. Просто был ли здесь Тахарка, а если был, то в какую сторону отправился.

— Ну вот, малыш, ты опять за свои расспросы. — Клинок сверкнул в руке Рарио. — Торговля лошадьми — дело легкое и прибыльное, пока кто-то не появится да не начнет вынюхивать, откуда лошадки, а вдруг их украли, а может, и что еще похуже. Слово за слово, потом вмешаются власти, и конец моей торговле, да и мне самому. Понятно?

— Так это из-за каких-то не случившихся еще неприятностей потрясаешь ты ножом? Краденые лошади послужили причиной цирка, который ты устроил на потеху своим работникам?

— Хватит, дикарь! У нас тут не принято действовать вот так, в лоб. Не в наших это правилах, и нечего лезть тебе куда не следует. Что-то слишком хлопотно с тобой... Эй, ребята, прочтите-ка этого простачка!

Те, что раньше казались тенями, превратились в трех здоровенных мужиков. К тому же отлично вооруженных. Двое из них напали на Конана. Они здорово поднаторели в своем деле. Видно, торговцу лошадьми часто задавали лишние вопросы.

Атаковали его с двух сторон. Один старался попасть мечом Конану в голову, другой метил по ногам. Вместо того чтобы избавиться сначала от одного из нападавших, Конан вступил в бой сразу с двумя. Он одновременно и подпрыгивал, подтягивая колени к подбородку, чтобы спасти ноги, и отражал удары меча над своей головой. Один из ударов он не блокировал, а успел наотмашь ударить противника по плечу. Рука, все еще сжимавшая рукоять меча, отлетела в сторону. На предплечье киммерийца осталась лишь легкая царапина. Конан еще раз высоко подпрыгнул и, приземлившись лицом к лицу с другим противником, сильно двинул мечом ему в живот. Меч Конана вышел из-под лопатки врага. Вырвав меч, Конан ударил снова, повредив все нутро своего противника. Кровь полилась рекой. Тем временем Конан снес голову с плеч все еще стоявшего в столбняке безрукого

воина: слишком долго он стоял,

потрясенно разглядывая свою отрубленную руку.

Только теперь Конан заметил, что с третьим воином бьется Калья, а на него самого с перекошенным от ненависти лицом прет сам Рарио.

Их клинки скрестились. Конан едва не проткнул торговца, но тот вовремя увернулся. Следующие не слишком сильные удары Рарио более или менее удачно парировал, при этом все больше открывая свой правый бок. Однако последний удар оказался смертельным. Меч Конана через нижнюю челюсть прошел торговцу в горло. Все было кончено.

Вытащив из трупа меч, Конан обернулся в сторону Кальи и застал развязку боя. Поманив противника не защищенным доспехами боком, она перекрестным ударом меча и кинжала, зажатых в обеих руках, разрубила ему шею. Воин качнулся и упал прямо в костер, подняв столб искр.

Отвратительно запахло жженым мясом.

— Пошли отсюда, киммериец. — Калья вытерла лезвие о траву.

— Не слишком-то красиво, но зато как быстро и сильно! Кто учил тебя драться на мечах?

— Учил? Детка, киммериец рождается с умением владеть мечом. И потом, что значит «пошли»? Иду по следу бандитов я. А ты идешь своей дорогой.

Калья опять влезла в свое одеяло.

— Послушай, мы ведь ищем одного и того же человека. Разумней будет объединить усилия. Подумай. У себя в горах или на болотах тебе, может, и правда цены нет. Здешние заставы и кордоны, ты, пожалуй, тоже сможешь обойти. Но путь впереди долгий. Тебя ждут большие города юга. В их каменных стенах ты затеряешься, как дикое животное без роду и племени. Потом тебя схватят, бросят в тюрьму. Потом опоят и продадут в рабство. И все это случится еще до того, как ты найдешь Тахарку. А мне те края хорошо знакомы, я родом оттуда.

Нельзя сказать, чтоб этот поучительный тон пришелся по вкусу Конану. Но здравый смысл подсказал, что девушка права. Как цивилизованному человеку нужен проводник в диком мире, так и дикарю нужен помощник в мире цивилизованном. Пока Конан обтирал о траву свой меч, решение созрело.

— Уговорила. Идем вместе. Ну, до тех пор, по крайней мере, пока я смогу тебя выносить.

— Может, мне раньше надоест. Пойдем глянем, что там за лошадиное мясо пасется, а то, не ровен час, сторож осмелеет и решит взглянуть, что за шум тут был. До тех пор мы должны убраться подальше.

Банда Тахарки продвигалась к восточным границам Аквилонии. Большие города они объезжали стороной: слишком много там королевских войск и королевских соглядатаев. Тахарка был доволен взятым темпом. Подавленность, в которой пребывали пятеро его спутников после неудачи в Киммерии, у них прошла. Несколько новых головорезов вступили в банду. Здешняя земля неплодородна. Много богатых купцов, к тому же они часто путешествуют без охраны. Приходилось действовать чисто. Ни одного свидетеля не должно оставаться в живых, ни одного, кто может поднять тревогу.

У каждого бандита было свое добротное оружие, отменный конь в прекрасной шемитской сбруе. Тахарка был твердо уверен, что ничто не веселит так сердце охотника за легкой поживой, как туго набитый кошелек, хорошая лошадь и красивая одежда.

— Хозяин, — обратился к нему один из гандеров, — сколько времени скачем мы почти без передыху, ночуем под открытым небом. Может, пора и отдохнуть? Потратим часть денежек в ближайшем городе, что скажете?

К этой идее Тахарка отнесся благосклонно. Ведь один из секретов управления людьми в том и состоит, чтобы понемногу уступать их желаниям. От места своего последнего злодеяния они отъехали уже много миль. Погони видно не было.

— Я согласен, — отозвался как можно более душевно Тахарка. — Эй, Аксандриас, есть ли здесь поблизости приличный город?

Польщенный аквилонец приблизился.

— В четверти лиги отсюда — развилка. Если повернем к востоку, окажемся еще дотемна в Кротоне. Он расположен на пограничной земле. И Аквилония, и Немедия зарятся на него, но при этом город никем не контролируется. Разве что бандитами со всего света. Подходящее злачное место, лучшего и желать нельзя.

— То, что надо! — воскликнул Тахарка. — В Кротон!

Бандиты завопили от восторга.

На закате банда въехала в полуразрушенные городские ворота. Кротон вполне соответствовал описанию аквилонца: это был настоящий разбойничий притон. Городская стена была полуразрушена. Возле нее пасся разнообразный скот — лошади, мулы, верблюды. Боссониты и гандеры во все глаза уставились на этих диковинных двугорбых животных. Такого они у себя на родине не видели.

— Сэт их всех разрази! — проворчал Тахарка. — Похоже, здесь пересеклись контрабандные пути всего мира!

— Так точно, хозяин, — немедленно поддакнул Аксандриас.

Никто не обратил внимания на вновь прибывших в этом разношерстном и разноликом городе. Они быстро смешались с толпой. На рынке встретил их разноязыкий гомон. Чьей только речи тут не раздавалось. Преобладали же в общей массе уроженцы Аквилонии и Немедии, но были и шемиты, и офирцы. Можно было встретить гипербореев, нордхаймеров, бритунийцев.

Сам рынок представлял собой сказочное зрелище. Разнообразие красок, запахов и звуков кружило голову. Контрабандисты привозили сюда товар. Изобилие ярких тканей, драгоценности, стеклянная посуда, оружие... Сложные запахи затмевали даже зрительное впечатление. Воздух представлял собой сложную смесь ароматов благовоний, пряностей,

дурманящих зелий. Среди товаров, как и ожидал Тахарка, преобладали контрабандные. Перегнувшись в седле к человеку, разглядывающему прилавок с оружием, Тахарка спросил:

— Приятель, посоветуй, куда направить усталые стопы путешественникам с деньжатами. Хочется отдохнуть и поразвлечься.

Человек махнул рукой в сторону какой-то узкой улочки.

— Вон туда. Улица Тысячи Развлечений. Спросите "Райский приют". Это постоянный двор. Там найдете все, чего ваша душа ни пожелает. Только следите получше за своими шмотками и кошельками, везде полно ворья.

Тахарка поблагодарил, и вся компания двинулась вдоль шумной, заставленной многочисленными лотками улицы. Разнообразие вываленных на прилавки товаров могло привести в восторг любого. Бросались в глаза полуодетые, а то и почти совсем голые женщины, делали призывные жесты с балконов всем проходящим мужчинам.

На каждом шагу встречались подозрительные сооружения вроде небольших храмов. Непристойные скульптуры и изображения на портиках ясно давали понять, что поклоняются здесь самым сомнительным божествам.

Наконец они увидели то, что искали. Постоялый двор "Райский приют". Поскольку город представлял собой большой перевалочный пункт, то и размеры "Райского приюта" поражали воображение. Поручив своих лошадей конюхам, бандиты через широкие ворота ввалились на постоянный двор. Вся постройка напоминала восточный караван-сарай. Первый этаж представлял собой громадный двор под открытым небом. Вокруг двумя ярусами располагались галереи. Пол был вымощен мраморной плиткой. В одном углу двора располагался фонтан, в другом — небольшая арена для гладиаторских боев. Этот вид спорта, запрещенный в Аквилонии и Немедии, здесь вовсю процветал — грубые забавы были особенно по вкусу местной уголовной публике, не отягощенной присутствием строгой власти.

В обширном дворе "Райского приюта" шумело разноязыкое и разноплеменное общество. Отыскав свободный стол, Тахарка со спутниками уселся. Тут же подскочили рабы. Вскоре стол был заставлен едой. Тахарка почувствовал себя вполне в своей тарелке. Вольготно развалясь, он отдавал направо-налево приказания: приготовить место для ночлега, накормить лошадей и главное — поскорее начинайте развлекать! И вскоре перед ними уже сладострастно изгибались обнаженные немедийские танцовщицы.

— Вот как надо жить! — воскликнул Тахарка. — Такая жизнь нам по душе, а? Что скажете? — Тахарка хорошо знал психологию своих сотрапезников, знал, чем можно потрафить их грубому вкусу и низменным инстинктам. Они запомнят и это угощение, и это обращение с ними. Теперь они из кожи вон вылезут, лишь бы угодить хозяину.

— Это уж точно, — довольно отозвался Гюнтер. — Потом взглянул в сторону арены. — Хотелось бы знать, будет ли сегодня гладиаторский бой. Соскучился я по сильным ощущениям!

Тем временем Тахарка внимательно изучал взглядом компанию аргосийских работорговцев, только что ввалившихся на постоянный двор. Молодчики в кожаных поясах, браслетах с модными бляхами и со свернутыми хлыстами — непременным атрибутом их профессии — выглядели весьма свирепо. При виде их мысли Тахарки приняли совершенно определенное направление. Некий план начал немедленно созревать у этого негодяя, и можно не сомневаться, что подобных планов немало роилось уже в этой преступной голове.

— Давай-ка, Гюнтер, посмотрим. А вдруг нам удастся уговорить наших хозяев, и мы

сможем поразвлечь себя достойным зрелищем гладиаторского боя! Мой кошелек в вашем распоряжении, ребята!

Последние слова Тахарки потонули в диких воплях восторга всей оравы. Ублажить их оказалось плевым делом, и это вполне устраивало Тахарку.

Возлияние продолжалось. Ели и пили до отвала. Вставали, уходили куда-то с полуголыми красотками. Возвращались, опять ели и пили. Уже стемнело. Рабы принесли свечи в затейливых подсвечниках. Некоторые свечи были воткнуты в бутылки явно заморского происхождения. Потом над крышей караван-сарая взошла яркая луна. Веселье все продолжалось.

Довольно откинувшись, наблюдал Тахарка за всем, что творилось вокруг. Ел и пил он в меру. И ни с одной из услужливых девиц ни разу не уединился. Эти грубые радости были не для него. Более изысканные удовольствия были ему по нутру. На столе появились кости. Теперь ситуацией управлял великий и коварный случай. И это приятно щекотало нервы. Тахарка решил выждать. Он вступит в игру позже, с трезвой головой, и, глядишь, удача улыбнется ему.

Заметив хозяина постоянного двора, Тахарка пригласил его присоединиться к пирующим.

— Давайте к нам, приятель! Почтите нашу скромную компанию своим присутствием. Пусть слуги покрутятся одни, а вы заслужили отдых!

Хозяин словно только этого и ждал. Тяжело охнув, он с видимым удовольствием опустил на стул, вытянул затекшие ноги и налил себе вина.

— И то верно. Кручусь целыми днями. Все время на ногах. Уже мозоли натер, ублажая посетителей. — Он отпил вина и довольно вздохнул. Рыжая широкая борода лопатой лежала на его груди, почти достигая толстого живота.

Еще не старый, хозяин "Райского приюта" был совершенно лыс, а где-то поверх толстых щек гнездились маленькие глазки. К губам его, казалось, приклеилась добродушная улыбка, неизменный атрибут его профессии.

— Вы довольны, мой господин? Шепните только, и вам будет предоставлено все, что в моих силах. Любое ваше желание — закон для меня.

— Вы очень любезны. Скажите-ка, не намечается ли на сегодня гладиаторский бой?

— Конечно! Раб одного из местных купцов — отличный боец. А как раз сегодня прибыл караван из Заморы, так есть там один, который жаждет поиграть мускулами. Интересная схватка может получиться!

— Значит, всего лишь один бой? — уточнил Тахарка.

— Увы, так. Оказались бы вы здесь пару лет назад! Какой вечер мог бы я вам устроить, — десять боев подряд! Переводятся постепенно люди, способные оценить настоящую мужскую забаву. Не пошли нам на пользу бесконечные военные передраги последних лет... — Хозяин сокрушенно покачал головой.

Оба молча выпили, как бы удрученные современным падением нравов. Потом хозяин вкрадчиво продолжил:

— Обещали мне прислать из Зингары быка да тигра из Гиркании. Но когда это еще будет...

— Да-а... Не слишком хорошо идут тут у вас дела, — протянул Тахарка. — Бой между рабами от случая к случаю, ну, или если кто сам захочет силами померяться. Нельзя сказать, чтобы твое дело было поставлено на широкую ногу. А ведь подобные забавы требуют серьезного подхода и тщательной подготовки, как, например, к этому подходят на юге или

востоке.

— Да, прежде и у нас так было... Бойцов-гладиаторов даже в специальных школах готовили. Мой отец рассказывал, что только в Кротоне их было три. И каждое такое заведение могло похвастаться десятком-двумя профессиональных бойцов, так-то... А теперь... Обходимся малым. Два-три боя в неделю. Большого мы себе не можем позволить.

— А что, бьются до смерти?

— Еще бы! — Казалось, хозяин был оскорблен в лучших своих чувствах. — Времена, конечно, не те, но мы все же стараемся соответствовать.

Тогда Тахарка осторожно закинул удочку:

— Ну, а если бы нашелся человек, организовавший надежную поставку бойцов, скажем, столько, чтоб каждый вечер можно было устраивать пять—шесть боев. Как тебе нравится эта мысль?

Почесывая кудрявую бороду, хозяин задумался.

— Отличная идея! Из четырех городских караван—сараев мой самый большой. Гладиаторские бои будут привлекать внимание приезжих. Да у меня от постояльцев отбою не будет! Они просто и не сунутся в другие места. Сейчас еще только начало сезона. Если вы добудете для меня приличных бойцов, то через три месяца мы смогли бы поделить хороший барыш.

— Слышу разумную речь! Думаю, мы поладим, приятель!

— Только вот что я вам скажу, это должны быть настоящие бойцы, а не какая-то там трясушаяся от страха дохлятина. Хорошая схватка — это мощный напор и бесстрашие. Если из ран захлещет кровяца, а гладиатор все равно готов биться до последнего, — на такой бой и посмотреть приятно. За трусливых и слабых гладиаторов публика нам самим шею свернет.

— В этом полагись на меня, — заверил Тахарка. — Тут я кое-то понимаю. Буду поставлять самых отборных. За билеты назначим плату. Если дело пойдет в гору, поднимем цены. Зрители станут заключать пари, а мы — принимать ставки... Знаешь, это пахнет хорошими деньгами!

Еще некоторое время они беседовали, обсуждали детали будущего совместного дела, наконец, договорившись, видимо, окончательно, скрепили сделку рукопожатием. И хозяин постоянного двора, довольный, вернулся к своим обязанностям.

Аксандриас, который все это время почтительно прислушивался к беседе Тахарки и хозяина постоянного двора, счел возможным заговорить:

— Начальник, похоже, вы придумали отличную шутку, но тут есть кое-какие проблемы.

— А именно?

— Например, предстоящие затраты.

— Объяснял же я тебе как-то, что самый дешевый товар — живой товар.

— Так-то оно так. Но среди рабов настоящий боевой азарт встречается редко. Это и понятно. Воинственный дух надо в них поддерживать, а стоит это недешево. Предположим, нам удастся раздобыть пленников в тех местах, где недавно шла война. Так ведь придется их сторожить, чтоб не сбежали, кормить, чтоб не обессилели, да еще и тренировать, чтоб были в форме. Как мы все это устроим? О своих людях тоже нельзя забывать.

— Своим-то что может в этом деле не понравиться?

— Да как же!.. — Аксандриас пытался получше донести до начальника свои сомнения. — Это... это же почти что честный способ заработать!

Тахарка улыбнулся, хотя улыбка больше походила на гримасу. При этом обнажились его

зубы, в некоторые из которых были вставлены драгоценные камни.

— Не беспокойся, мой дальновидный друг! Наше дело не погрешит избытком честности. Мы потратим мало, а получим много. — В это время раздался шум и громкие приветственные крики. — Ну, вот и сегодняшние бойцы. Пойдем посмотрим, а потом обсудим, что к чему.

Два громилы-тренера вели на цепях своих подопечных. На обоих гладиаторах были металлические ошейники. Именно к ним и крепились цепи. Толпа, через которую они шли, бесновалась от восторга. Вот они приблизились к месту сражения. Ошейники были сняты. Соперники ступили на арену, которая находилась чуть ниже уровня пола. Распорядитель боя выкрикнул имена гладиаторов, и зрители начали поспешно заключать пари. Один из бойцов был смугл, как Тахарка. Другой — светлокожий северянин. На них были надеты кожаные шлемы и набедренные повязки. Руки от запястий до локтей были обмотаны кожаными ремнями. Перчатки, укрепленные с наружной стороны металлическими пластинами, были снабжены, кроме того, в области костяшек пальцев шипами примерно в три дюйма длиной.

Публика продолжала беситься. Кто-то уже бросал на арену деньги.

— Ставлю на северянина двадцать! — проорал Вольф, брат Гюнтера.

— Принято! — отозвался Тахарка.

Пари он заключил, только чтобы поддержать компанию. На самом деле интерес для него представляли только те игры, в которых он сам устанавливал правила. Его не волновала возможность проигрыша. Это все пустяки. Позже, во время игры в кости, когда его подельники будут пьяны и невнимательны, с помощью двух-трех махинаций он вернет свое с лихвой.

Гладиаторы замерли друг против друга в боевых стойках. Гладкие бронзовые шипы на перчатках отражали свет факелов. Прозвучал сигнал к началу схватки, и бойцы двинулись друг к другу.

Инициативу взял южанин. Его мощные удары градом сыпались на противника. Северянин проявлял выдержку. Ударов он не наносил, а только прикрывался обмотанными ремнями руками. И вскорости руки его уже казались сплошной большой раной. Зато голову свою он защищал отлично. И вообще все серьезные удары исправно отражал. Между тем южанин уже начал задыхаться и сдавать прямо на глазах. Руки его в тяжелых бронзовых перчатках еле двигались. Вот тогда северянин и бросился в атаку. Шипы на его перчатках в ключья раздирали грудь темнокожего. Кровь хлестала потоком. Теперь у южанина не хватало сил на защиту. Сначала он открыл живот, в который немедленно последовал удар северянина. Южанин согнулся и открыл голову. Мгновенно в незащищенное место последовал жуткий удар, и бронзовые шипы вонзились в челюсть и щеку.

Вырывая глубоко засевшие шипы, северянин уперся коленом в грудь соперника. Шлем слетел с головы южанина, который был уже в полуобморочном состоянии. Когда победитель приподнял за короткие волосы голову южанина, глаза того закатились, только белки сверкали. У рта и носа пузырилась кровавая пена. Дышал он с хрипом.

Победитель вопросительным взглядом обвел публику. Распорядитель подал какой-то знак. Мелькнули шипы. Послышался выворачивающий душу хруст черепа, и труп упал на арену. Кругом валялись выбитые мозги.

Прямо в них полетели на арену деньги. Их швыряли счастливики, выигравшие пари.

Отсчитав двадцать золотых монет, Тахарка протянул их Вольфу.

— Видишь, — Тахарка указал рукой на арену, где, перемешанные с землей и кровью,

валялись деньги, — убыток — один раб, а сколько прибыли! Мы вот как поступим. Я подойду к работорговцам за тем столом, поболтаю с ними о том о сем. Может, найму кого-нибудь из них. Здесь, по обе стороны от границы, много деревень. Совершим—ка туда вылазку. Нам нужны сильные и здоровые парни. Видел, какие здесь бои: бронзовые шипы на перчатках — все оружие. Обучить такому не составит большого труда. Здесь далеко не всякий понимает толк в настоящем бое на мечях. Им подавай злобу да нахрап. А такие качества легко развить. Для этого есть разные способы.

— Господин, вы говорите о наркотиках?

— А почему бы и нет? Умело подобранное сочетание трав и хорошая доза самого медлительного и добродушного пахаря могут превратить в тигра хоть на какое-то время. А больше и не требуется. Ведь схватки очень короткие. Подготовка не займет много времени. Мы упростим ее. Стрельба из лука, бросание лассо... Без этого в нашем случае можно обойтись. Что-нибудь не слишком притязательное — перчатки с шипами, короткие мечи, кинжалы, а для совсем тупых — дубинки... Всему этому можно обучить за несколько дней. Ну а наркотики довершат обучение.

— Отлично задумано, — кивнул Аксандриас, — но власти нельзя сбрасывать со счетов. Здесь, конечно, беспредел полный, но, если мы зачистим с рейдами по окрестным деревням в поисках бойцов, это может привлечь внимание.

— Это-то и здорово! Надо использовать пограничную ситуацию. Отправляясь в Аквилонию, оденемся как немедийцы. И наоборот. Пусть потом сами разбираются. Прежде чем они нападут на наш след, мы успеем убраться с добычей восвояси.

— Отлично! — воскликнул Аксандриас.

— А теперь, приятель, вот что. Кое-какое представление о наркотиках ты имеешь. Утром пойдешь в город, разыщешь там подходящего для нашего случая знахаря. Обычно они используют в своем деле наркотики. Пусть он объяснит тебе, как и когда их следует применять. Предложи ему хорошую плату. Доход покроет все эти мелкие расходы.

— Будет сделано, — с воодушевлением отозвался аквилонец.

— И не напивайся сегодня. Завтра ты должен быть на высоте, приятель.

— Начальник, знаете, я никогда не злоупотребляю этим зельем. Пьяному вору гораздо проще попасть в лапы закона, чем трезвому.

— И тут наши мнения совпадают. — Тахарка с презрением взглянул на пьяные физиономии своих спутников, потом своими тонкими пальцами потянулся к стаканчику с игральными костями и выразительно потряс его. — Ну что, дорогие мои! Не пора ли нам сыграть в кости? — Потом он опять обернулся к аквилонцу: — Нам бы парочку киммерийцев, и мы сколотили бы тут целое состояние, а!

После бурно проведенной ночи Аксандриас проснулся поздно. А как проснулся, отправился на поиски знахаря. Потолкавшись на рынке среди аптекарей, он направил свои стопы в некий храм. Ему пришлось изрядно поблуждать, прежде чем он вышел наконец на нужную улицу, по обеим сторонам которой тянулись склады. От взгляда аквилонца не ускользнуло, что камни, которыми была вымощена улица, представляли собой почти ровную поверхность, до такой степени были они стерты временем и тысячами подошв. Аквилонец понял, что это была самая старая улица в городе, и в этом явно таилось что-то загадочное. Впрочем, мир полон загадок, и какой смысл разгадывать именно эту...

Храм, который и был нужен аквилонцу, стоял в торце улицы и, похоже, тянулся по обе ее стороны, часто скрываясь за складскими зданиями, построенными здесь значительно позже. На расстоянии примерно двадцати пайсов от храма тянулась городская стена. Фасад храма до такой степени поразил аквилонца, что у того появилось желание поскорее ретироваться.

Каменная резьба фасада была, видимо, очень древней, к тому же сильно пострадала от непогоды. Рассмотреть изображение было трудно, а то, что сохранилось, не имело на первый взгляд смысла. Однако какой-то смысл был, и был он томительно-гнетущий, тяжелый: по бесконечным лабиринтам, которые никуда не вели, неудержимо неслись змееподобные существа, отдаленно напоминающие людей. "Не похоже, чтоб у этого храма было много прихожан", — подумал Аксандриас, глубоко вздохнул и решительно переступил порог храма.

В храме было холодно, особенно это чувствовалось после теплого утреннего воздуха улицы. Скучный свет сочился сверху, сквозь узкие прорези окон.

Через огромный зал, в котором оказался аквилонец, тянулись в два ряда колонны. Верхушки колонн представляли собой грубое подобие людей со змеиными головами. На согнутых плечах они держали потолок, а их немигающие глаза были обращены вниз, прямо на Аксандриаса.

В дальнем конце зала брезжил свет. Внутренне содрогнувшись, Аксандриас, окруженный холодным сумраком, двинулся на свет. Несколько раз он непроизвольно взглядывал на змеиные головы, и они казались ему неподвижными и зловеще—загадочными. Он продолжал идти, одержимый чувством, что головы поворачиваются ему вслед. Пару раз ему померещилось, что их длинные раздвоенные языки на секунду появляются и тут же прячутся.

Свет, замеченный аквилонцем, оказался огнем, горящим в бронзовом сосуде на треножнике. Аквилонец осмотрел сосуд, желая понять, где же находится источник, поддерживающий огонь. Однако, не найдя ничего, решил не переживать: в конце концов, он ведь фокусник, и не к лицу ему пугаться всяких хитроумных изобретений.

Что-то заставило его обернуться. В пятидесяти пайсах от него светился яркий прямоугольник двери. Это удивило аквилонца. Еще снаружи, стоя у входа в храм, он прикинул, что до городской стены не больше двадцати пайсов. Следовательно, храм простирался далеко за городскую стену. Еще одна загадка. Но не до них сейчас было аквилонцу. На загадки подобного рода у него сейчас не было времени.

— Что тебе здесь надо? — прозвучал у него за спиной голос. Резко обернувшись, аквилонец инстинктивно схватился за рукоять меча. Перед ним стоял высокий, очень худой человек в черном свободном одеянии до пола. Голова его была гладко выбрита, а мертвенно-бледное лицо напоминало своей бесстрастностью каменных змей.

Аксандриас облегченно вздохнул и сказал:

— Прошу великодушно меня извинить, ваша милость. Я очень испугался, я не слышал, как вы подошли. Кроме вас, есть еще жрецы в этом храме?

— Нет. Я один. Божества, которым служу я, настолько стары, что люди забыть их успели. — В речи жреца было что-то странное. Странное построение фраз, странный ритм. Сколько аквилонец ни скитался по свету, такого не слышал.

— Может, все еще изменится к лучшему. Я тут по делу. Мне, знаете ли, нужны кое-какие наркотики. А может, вы научите меня заговорам. На рынке люди болтали, что вы настоящий маг, владеете тайными знаниями и знаете, когда какое дурманящее зелье надо принимать...

— А о том, что я не торгош и им не чета, они не болтают?

Аквилонец понял, что надо сменить тон разговора, иначе ему ничего от жреца не добиться. Видывал он разных колдунов и магов. Иные были очень бедны, но, гордые, не хотели сознаться в том, что вынуждены приторговывать своими знаниями и снадобьями, лишь бы не умереть с голоду.

— Мой добрый господин, я не хотел сказать ничего такого. Мне и самому приходилось немного заниматься знахарством. По правде сказать, я только учусь. Но мне пришла в голову мысль написать трактат о действии некоторых снадобий, вызывающих необузданную ярость. И заговоры такого же действия меня тоже интересуют. Но поскольку в предмете надо разобраться досконально, я хочу все проверить на практике и увидеть действие снадобий и заговоров своими глазами.

Жрец кивнул головой в знак согласия:

— Правда твоя. Только так можно знания добыть. Снадобья, нужные тебе, редки в этом захолустье. Их специально привозят из заморских стран. И очень дорого стоят они.

Аксандриас улыбнулся про себя: ну вот, дело дошло и до денег. Однако он продолжал следовать избранному тону почтительного ученика:

— Так я и думал. Но поскольку я из состоятельной семьи, то деньги не могут стать препятствием на пути к знанию.

— Тогда следуйте за мной.

Аквилонец проследовал за жрецом в какое-то длинное помещение. Свет сюда тоже проникал через узкие оконца вверху. Однако что-то было здесь не так. Аквилонец решил, что это из-за освещения.

В комнате было полно каких-то непонятных приспособлений, повсюду были разложены книги. Все это было для аквилонца в диковинку. Еще одним поразительным свойством обладали вещи: от них исходило дыхание какой-то невероятной древности. Аквилонец, онемев от изумления, разглядывал серебряные, золотые и бронзовые вещицы непонятного для него назначения. От обилия драгоценных камней у аквилонца глаза разбегались: он даже представить себе не мог, что подобное существует. Особенно сильное впечатление произвела на него одна древняя книга. Этот фолиант, лежавший на почетном месте, был инкрустирован костяшками человеческого черепа, в пустых глазницах которого сверкали рубины колоссальных размеров.

— Похоже, книга эта обладает невероятной магической силой, — пробормотал Аксандриас, — хотя впечатление на него произвели только рубины.

— Да, велика ее сила, — потусторонним голосом отозвался жрец и открыл первую страницу. Удивительно плотный пергаментный лист цвета слоновой кости был испещрен неведомыми мелкими рыжеватыми письменами. Аксандриас осторожно дотронулся. Пергамент был необыкновенно гладким на ощупь, и аквилонец поинтересовался — что это.

— Это книга заговоров и заклинаний. И написал ее Анчкар, король—чародей. А написал он ее в те времена, когда Атлантиды еще не было, но была империя Валкхов. И тот, кому удастся разгадать эти письмена, сможет вступить в контакт с теми, кто правил Вселенной, когда Земля еще только создавалась. Чародею Анчкару не было равных и сейчас нет. Все зло мира было подвластно ему. И эту книгу писал он во времена своего царствования. Он вынудил подвластных ему королей, а их было пятьдесят, присылать своих дочерей, и было их числом девятьсот. Так вот, страницы эти сделаны из кожи юных принцесс, содранной еще живьем. А письмена эти — кровь инрантов. Он дописал книгу и велел из костей собственного черепа сделать инкрустацию, а переплет — из своей

собственной кожи. И тоже живьем.

Аксандриас отдернул руку от книги, словно она была раскаленной.

— Воистину, добрый господин, — старые времена не чета нашим. Вряд ли нынешние маги отважились бы на нечто подобное.

— Увы, и великое искусство магии пришло в упадок, — нараспев отозвался жрец. — Но вернуться те добрые времена. Многие повидали стены этого храма, и, когда книга сия только писалась, храм стоял уже целые столетия, древностью своей многократно превосходя книгу сию. Поднимались и опускались в глубины морей континенты, а храм нерушимо стоял. Множество городов появлялось и исчезало вокруг него, а он все стоит. И грязный городишка Кротон — лишь один из чреды этих городов. — Глубоко посаженные глаза жреца начали светиться странным огнем. — Прежде, пока хайборийские варвары не захватили эти земли, здесь стоял великий город Карутония. Более миллиона человек жило здесь. И те холмы, которые окружают город, это не что иное, как засыпанные землей и поросшие лесом останки древних величественных храмов и гробниц. И уже тысячи лет никто не догадывается об этом!

— Воистину, — вклинился Аксандриас в словесный поток жреца, так как уверился окончательно, что старик выжил из ума, — воистину это древнее место.

— Древнее? — Жрец издал подобие сухого смешка. — Сама Карутония была лишь юным побегом на развалинах былого. Храм был здесь, когда только пески окружали его, а прежде было время, когда он погружен был в воды внутреннего моря. Миллионы лет пронеслись над храмом, а он почти не изменился. Разве что резьбу на фасаде слегка стерли ветры и дожди, которые огромные горы сумели обратить за это время в груды песка.

— Вот-вот, — опять заговорил аквилонец, пытаясь все же направить беседу в нужное ему русло, — это именно то место, которое я искал. Ведь для человека ваших познаний сущий пустяк научить меня кой-каким мелочам.

Машинально Аксандриас приподнял крышку большого медного сосуда и глянул внутрь. Глянул и задохнулся. Внутри зияла сводящая с ума космическая бездна. Словно сверху заглянул он в исполинский звездный водоворот. Аквилонец резко бросил крышку на место и прикрыл глаза, пытаясь справиться с подступившей дурнотой. Жрец, похоже, ничего не заметил и сказал:

— У меня есть то, что тебе нужно.

Жрец пересек помещение и распахнул покрытые резьбой деревянные двери. Аксандриас вздохнул с облегчением: кроме полок и стеллажей, здесь ничего не было. Комнату наполнял аромат каких-то экзотических растений.

Жрец взял деревянную коробочку и сдвинул крышку. Внутри находились сотни маленьких зеленоватых шариков размером с горошину каждый.

— Снаружи таблетка покрыта смолой дерева юлак. Растет оно на Барахских островах. Смола-то и дает необычайную силу и выносливость. Раньше, отправляясь в сражение, ею пользовались королевские гвардейцы. Смола смешана с секретией жуков-скарабеев. Они водятся только в Стигии. А секретия обладает свойством необычайно убыстрять реакции организма, и двигательные, и зрительные. В середине каждой таблетки находится камедь зеленого мака, она тоже обладает чудесным действием. Принявший ее не ощущает боли и страха, и только одно желание владеет им — желание атаковать.

Жрец поставил коробочку и, взяв в руки кисточку, начал, макая ее в чернила, писать что-то на крышке.

— Если не злоупотреблять пилюлями, они не принесут особого вреда. Конечно, следует проявлять осмотрительность. — Жрец указал на сделанную им надпись. Надпись была на современном аквилонском языке. — Это заклинание. Давая лекарство, произноси его, и действие таблетки многократно усилится. Однако для здоровья человека подобный эффект разрушителен, имей в виду. Если принимать таблетки каждый день, быстрая смерть неизбежна. Поэтому советую давать их только рабам и преступникам.

— Я последую вашему совету. А какова цена лекарства?

— Пятьсот аквилонских монет.

Это были огромные деньги, но, следуя распоряжению Тахарки, Аксандриас дал бы и большую сумму. Из своего туго набитого кошелька аквилонец отсчитал пятьсот монет.

Жрец проводил своего гостя до входа и на прощанье произнес:

— Если понадобится моя помощь, приходи. Мне нравятся те, кто стремится овладеть Великим Искусством Магии.

— Не сомневайтесь, мой добрый господин, если возникнет нужда, я сразу же приду к вам, — ответил аквилонец, а про себя поклялся никогда больше не переступить порога этого жуткого храма.

Почти бегом он ринулся прочь. Стоя на пороге своего храма, жрец провожал аквилонца немигающим взглядом, и подобие ужасной, злобной, насмешливой улыбки искажало его тонкие губы.

Достигнув конца мощеной улочки, Аксандриас обернулся на храм. Затем, движимый каким-то безотчетным любопытством, он отыскал место у городской стены, по которому можно было влезть на саму стену. Забравшись, он пошел по стене в сторону храма. Идти приходилось осторожно, ведь стена была сильно разрушена временем. Наконец он достиг места, откуда хорошо были видны складские помещения, стоявшие по обе стороны храма. Аквилонец взглянул вниз и увидел то, что и должен был увидеть: плоская безликая крыша храма длиной никак не более двадцати пейсов упиралась прямо в городскую стену.

Аквилонец пересек городскую стену шириной около четырех пейсов и, не сомневаясь, что увидит под собой продолжение храма, посмотрел вниз. Но ничего там не увидел. Ничего, ровным счетом, кроме поросшего травой поля да стада быков на нем. Аквилонца начала бить дрожь, и волосы на голове зашевелились. Где же тогда та часть храма, в которой он побывал только что?

В этот вечер, отступив от собственного зарока, он напился до полного бесчувствия.

— На каком же отрезке пути мы потеряли их след? Может, они пошли к Белверусу по большой дороге? — размышляла Калья.

— По мне, так пошли бы они в самую преисподнюю. — Теперь, когда совершенно очевидным стало, что противник ускользнул, Конан постоянно находился в самом скверном расположении духа и базарил по любому поводу. Скоро они достигнут Офира. А там вовсю идет война. Поди тогда отыщи в этой сумятице бандитов. Шансов почти нет.

Поначалу все складывалось так удачно. Что ни день, натыкались они на следы разбойной деятельности Тахарки и его спутников. Обычно это были небрежно спрятанные обобранные трупы, над которыми кружилось воронье. Встречались им на пути и отряды стражников. Они разыскивали убийц, думая, что это дело рук кого-то из местных разбойников. Тахарка был умен и сразу скрывался с места преступления, избегая возможных осложнений.

Конечно, они заблуждались, думал Конан, полагая, что одна решающая схватка позволит им свести счеты с бандитами. На такое длительное преследование они, признаться, и не рассчитывали.

— Этот Тахарка не так-то прост, — заметила Калья. — Он все время меняет тактику. На твоей родине он охотился за рабами, но по пути в Офир стал разбойником с большой дороги. Сдается мне, что-то он еще замышляет.

Конан натянул поводья, и конь его стал. Они находились на вершине холма. Внизу простиралась бесконечная зеленая долина. Спустившись вниз, они уже окажутся в Офире.

— Может, они решили не ехать в Офир?

В ответ Калья пожала плечами:

— Да кто ж их знает! Они ведь точно дети малые: поманит их что-нибудь — они тут же переменяют планы. И гадать, что им взбрело на ум в следующую минуту, совершенно бессмысленно.

В мрачной задумчивости смотрел Конан на зеленые просторы. Вот бы сейчас отпустить поводья и мчаться стрелой по этим далям, проникая в их самые заветные тайны. Однако сейчас только одним чувством должен он руководствоваться, определяя свой путь. Чувством мести.

И Конан развернул коня:

— Вернемся и будем искать их след.

Так прошла еще неделя. Однажды они спешили у небольшой таверны. Здесь можно было поесть самим и дать возможность лошадям отдохнуть: под навесом для них было припасено сено. Перед хибаркой были расставлены грубые столы со скамьями. Над ними тоже был навес.

С полдюжины местных жителей поглощали за этими столами пищу.

Путники досуха растерли лошадей, дали им сена и воды, а потом и сами уселись за стол, приказав подать охлажденного вина. Хозяйка выполнила их просьбу и с интересом взглянула на Конана:

— Ты парень молодой и крепкий. Только вот зря болтаешься по этим краям в одиночку. От этой молоденькой девицы, — женщина кивнула на Калью, — не много проку...

— Что-то мудреное ты говоришь, хозяйка. Разве сила и крепость — это недостатки?

— То-то и оно... Видишь ли, мы как раз перед вашим приходом кое-то тут обсуждали. Поводились в наши края бандиты, нападают на фермы и до поселков добрались. И вот ведь странно — только молодых сильных парней умыкают. Раньше детей и женщин в рабство брали...

— Это правда, чужеземец, — вступил в разговор мужчина, одетый как погонщик скота. — Напали они недавно на караван моего хозяина и всех молодых парней увели.

— Говорят, они немедийцы, — подключился к общему разговору бродячий торговец. Тюк с товарами лежал возле его ног. — Хотя вроде есть среди них и аргосийцы...

Потом заговорил толстяк. Судя по одежде, это был королевский палач:

— Они не только разбойничают, а кое-то и еще... Пришлось мне тут побывать в Волзино, там я должен был вздернуть парочку конокрадов. Так начальник тюрьмы начал голову мне морочить, будто эти молодчики успели с собой покончить в ожидании казни. А я поговорил кое с кем и выяснил, что мерзавец просто—напросто запродавал их этим немедийцам. А я остался без заработка. Каково, а? Ну, это ему с рук не сойдет. Вернусь в столицу и доложу кому следует. — Толстяк, просто задыхаясь от праведного негодования, залпом осушил свою кружку.

— Странно все это, — проговорила в задумчивости Калья. — Сильные мужчины-рабы, конечно, нужны. Но ведь женщины и дети тоже считаются хорошим товаром. По крайней мере, от них легче добиться послушания, да и прокормить их проще. Что-то не доводилось мне слышать о работоторговцах, отказывающихся от детей и женщин. Ну разве что у них какая-то особая цель... Например, король задумал построить что-то грандиозное и ему нужны рабочие руки...

— Нет-нет, — быстро заверил палач, который, видимо, был в курсе всех придворных дел. — Много лет назад построили огромную гробницу для старого короля. И я не слышал, чтоб затевалось нечто подобное. Вот стигийцы, так те постоянно озабочены сооружением чего-то грандиозного... Ну так, пока в Офире идет война, можно запросто покупать любое количество пленных. Вот вам и рабочие руки...

— Да, непонятно это все, — заговорил пастух, от которого запах исходил как от целого стада, — сам-то я старик и никому не нужен, а вот сыновей своих я отправил в горы от греха подальше.

Конан улыбнулся:

— Спасибо, хозяйюшка, да только не стоит сильно обо мне беспокоиться. Не так-то легко взять меня в оборот. Да и спутница моя не промах.

Хозяйка ушла за очередной порцией еды. Посетители вернулись к обсуждению своих повседневных дел.

— Что скажешь? Тут, похоже, не обошлось без Тахарки, — обратился Конан к девушке.

— Не знаю. От этого негодяя всего можно ожидать. Почему они берут только молодых мужчин, вот чего не могу понять. Скорее всего, задумали что-то совсем мерзопакостное. Вот это вполне в духе Тахарки.

— Но ведь говорят, что бандиты из Немедии...

— Большая хитрость раздобыть немедийскую одежду! Давай-ка порыскаем по этой местности. Сдается мне, здесь орудуют именно Тахарка с Аксандриасом.

Пока лошади отдыхали, Конан и Калья пытались выудить из местных жителей нужную информацию. Конан, не привыкший церемониться, несколько раз пытался задавать вопросы в лоб, но всякий раз получал под столом весьма ощутимый пинок ногой. Конан решил не

связываться и предоставил возможность Калье вести разговор. Ее умение выведывать нужные сведения было поразительным. При этом Калья умудрилась не вызвать подозрений. Таким образом, скоро им стало известно, что в дне пути отсюда расположен город Кротон — рассадник бандитов, воров и контрабандистов всего мира. И находится этот город вблизи немедийской границы.

Солнце уже садилось, когда Конан и Калья подъезжали к Кротону. С удивлением уставившись на двугорбых животных, киммериец спросил:

— Это и есть верблюды?

— Да. Сейчас мы приблизились к границам восточных земель. Дальше — Немедия, Бритуния, Коринфия, Замора, Туран и море Вилайет.

— А что за морем?

— Ну, о тех землях известно в основном понаслышке: Гиркания, Кхитай, Вендия. А еще дальше, говорят, лежит громадный океан, а за ним — конец мира.

Мечта о дальних путешествиях вспыхнула в Конане снова, и он пылко воскликнул:

— Мне бы только расправиться с этими ублюдками, и непременно увижу все это своими глазами!

— Чудной ты, Конан, — голос Кальи смягчился, — видела я в своей жизни киммерийцев, не то чтобы много, но даже те, кто мне встречался, больше всего хотели оказаться дома, в родных краях. А ты рвешься путешествовать!

— Я и впрямь отличаюсь от своих соплеменников. Я сопляком еще был совсем и мечта не мог поднять, а подчиняться никому не хотел. И отец, и старейшины колотили меня почем зря, но выбить дурь так и не сумели. И все же им пришлось оставить меня в покое. Это случилось, когда я завоевал себе статус воина... — И как-то неохотно добавил — В Ванариуме дело было...

— Так ты был при Ванариуме! — воскликнула Калья.

Несколько лет назад слухи об этой битве разнеслись и по Аквилонии, и за ее пределами. Еще бы! Громкое было дело. Аквилонцы вторглись на древнюю киммерийскую землю, захватив часть приграничной территории. Там они и основали свой город Ванариум. Свезли туда переселенцев из Боссонских Пределов и Гандерланда. А киммерийцы просто взяли и стерли все это с лица земли, повырезав всех обитателей города.

Лицо Конана искривилось. Видно, не очень-то хотелось ему погружаться в эти воспоминания. И он мрачно заметил:

— Что было, то прошло. Давай-ка лучше разведем, что тут творится. — Он кивнул в сторону Кротона.

Когда они въехали в город, торговля уже подходила к концу. Из окон разнообразных заведений неслась зазывная музыка: дневные хлопоты закончились, и наступало время развлечений. У торговца коврами Калья спросила, где тут можно заночевать. Торговец с сомнением оглядел их запыленные потертые одежды.

— Вообще-то лучшим местом считается "Райский приют", но уж больно там цены подскочили с тех пор, как начались эти представления. Ступайте-ка вы, ребятки, к городской стене. Там вы найдете и пристанище для себя, и конюшню для лошадей. Да и тихо там, не то что в центре. А мухи, знаете ли, они везде кусаются одинаково.

— Спасибо за совет, — отозвался Конан, — но о каких это представлениях в "Райском приюте" ты тут болтаешь?

— Как, вы ничего не знаете? Так ступайте и поглядите сами. Зрелище стоит тех денег,

что за него берут!

Путники отыскивали для себя подходящее жилье. Прямо под их комнатой находилась конюшня, где и стояли их лошади. Потом они отправились в общественную баню, чтобы смыть толстый слой грязи, осевший на них за время странствия.

Час был поздний. Посетителей, кроме них, не было никого. Мужскую и женскую половину бани разделяла простая деревянная перегородка, через которую легко проникал звук.

— Что будем делать дальше? — услышала Калья голос Конана.

— Давай посетим этот "Райский приют".

— Мы что, развлекаться приехали? — съязвил Конан.

— Приятель, разве не ясно, что люди такого сорта, как Тахарка, летят в злачные места, точно мухи на мед. И если в «Приюте» лучшие развлечения во всем городе, то именно там эту банду и следует искать.

— А вдруг женщин туда не пускают, — отозвался Конан после некоторого раздумья.

— И что с того. Туда, где я обучалась владеть мечом, женщин тоже не пускали. Однако я своего добилась.

— Да уж... Уменья добиваться своего у тебя не отнимешь, — парировал киммериец.

— Быть сильной — единственный выход. Хотя совершенно лишнее — оставаться при этом неотесанным варваром, — донеслось до Конана сквозь шум льющейся воды. Он pokrивился:

— Женщина, язык у тебя, что ножовка у оружейника. Ну да я тебя понял. Посетим сегодня этот притон, и тот, кто помешает нам сделать это, пусть пеняет на себя.

— Вот такие слова мне по душе, киммериец, — смеясь, отозвалась Калья.

Однако против присутствия девушки в <Райском приюте> никто не возражал. Почти все оставшиеся деньги они выложили в уплату за вход. Видимо, зрелище того стоило, потому что, несмотря на высокую цену билетов, толпа просто осаждала вход. С трудом отыскав свободное место, Конан и Калья уселись, заказав по кружке эля. Они с интересом оглядывались, недоумевая, что же заставляет зрителей так бесноваться.

Поставив на стол кружки с элем, служанка посоветовала им подняться на галерею. И Конан с Кальей двинулись наверх. Судя по реакции окружающих мужчин, отсутствие глаза совершенно не умаляло привлекательности Кальи. Один тип обратился к девушке с сомнительным предложением, и тут же получил удар поддых от Конана. Согнувшись в три погибели, он долго потом восстанавливал дыхание. Со вторым Калья справилась сама. Ловким взмахом кинжала она распоролa ремень, поддерживавший штаны охальника. Штаны свалились, мужчина рванул резко в сторону от Кальи, потерял равновесие и рухнул с галереи вниз, на стол. Публика покатилаcь со смеху.

Встав у поручней, киммериец и девушка глянули вниз, на арену. Там уже переминались в нетерпенье два бойца. Всю их одежду составляли набедренные повязки, сверкающие железные шлемы и широкие кожаные браслеты с медными бляхами. В правой руке у них был тяжелый меч со слегка искривленным лезвием, предплечье левой закрывал маленький щит не больше фута в диаметре.

— Так это же бой гладиаторов, — пробормотала Калья, — ты видел что-нибудь подобное?

— В Гиперборее и Ванахейме.

— А у вас, в Киммерии, такое не принято? — Девушка пыталась говорить беззаботно,

однако лицо ее заметно побледнело.

— Что ты! Ни мы, ни гандеры рабов не держим, да и у пиктов рабов в общем-то не бывает. Боюсь, в этом смысле нам точно далеко до прочих цивилизованных народов.

— Да уж. Варвары гладиаторских боев не устраивают. — В голосе Кальи киммерийцу послышалось одобрение. Но тут же она беспокойно добавила: — Что-то с этими бойцами не то...

В ожидании схватки зрители заключали пари. Противники стояли друг против друга. Их глаза, вперенные в соперника, налились дикой злобой. Руки судорожно сжимались и разжимались на рукоятках мечей. Один из бойцов дрожал всем телом, точно конь перед скачкой. Конану приходилось вступать в бой с людьми разных национальностей, и из своего опыта он знал, что только киммерийцы способны сохранять спокойствие перед схваткой.

— Они же не настоящие воины. Это всего лишь рабы, которых принуждают к драке.

— Но выглядят они совершенно ненормально, — в недоумении повторила девушка. — И одним своим глазом я еще в состоянии разглядеть, когда человек боится, а когда — нет. Эти двое исходят ненавистью, а ведь они встретились впервые! За что же им так ненавидеть друг друга?

— Что ты имеешь в виду? — Конану стало как-то не по себе.

— Не знаю точно... Но я... — Последние слова Кальи потонули в реве толпы. Гладиаторы по команде распорядителя боя ринулись друг на друга.

Вид толпы, жаждущей чужой крови, претил Конану. Но он вынужден был признать, что схватка целиком поглотила его внимание. Бой носил исключительно наступательный характер. Удары наносились с невероятной быстротой, а мечи с закругленными книзу остриями больше подходили, чтобы рубить, а не колоть.

Хотя соперники и прикрывались круглыми щитами, все же некоторые удары достигали цели. Но борющиеся, казалось, не замечали ран. Кровь хлестала, а они продолжали яростно биться.

— Они смелые, но глупые. — Конан сосредоточенно следил за схваткой. — Я тоже предпочитаю нападение защите, но зачем терять голову и подставлять себя?

— Вот это удар! — вскричала Калья. — Но глянь-ка, тот, второй, словно и не заметил раны.

— Сама должна знать: в пылу боя теряешь чувствительность. А потом, когда отходняк наступит, вот тогда...

— Смотри, смотри! Они замедлили темп.

— Это из-за потери крови.

Чтобы лучше видеть происходящее, Конан и Калья перегнулись через барьер вниз. В это время меч сверкнул. Один из соперников схватился за живот, пытаясь удержать свои внутренности, выпавшие на грязный песок арены. Потом рухнул сам и после короткой агонии умер. Со всех сторон на арену посыпались дождем монеты, и победитель с триумфом поднял руку. Потом он ушел, а слуги принялись наводить на арене порядок, готовя ее к следующей схватке.

Еще три боя посмотрели Конан и Калья. И каждый раз повторялось одно и то же: дикая, необузданная ярость противников, весьма среднее владение мечом, полное бесстрашие и отсутствие реакции на причиняемую боль. Смерть наступала либо от потери крови, либо от какого-то особо изуверского удара.

Наконец представление закончилось. Киммериец и девушка отправились осмотреть

галереи и внутренний двор, мощный каменными плитами. Стало потише. Кто-то из зрителей направился к выходу, кто-то остался пить, есть и играть в кости.

— Конан, ты заметил что-нибудь подозрительное?

— Вроде нет, а впрочем, погоди...

Конан смотрел на прислоненные к стене в дальнем конце двора чьи-то щиты, копья и еще какое-то оружие. Возле всего этого топтался молодчик, впрочем, туповатый с виду. Поигрывая дубинкой, он ходил взад-вперед.

— Ну-ка, глянь вон туда. — И Конан указал девушке на два длинных боссонских лука, стоявших между кордаванскими боевыми секирами.

Единственный глаз Кальи вспыхнул хищным огнем:

— Славно было бы перекинуться парой слов с их обладателями.

Конан не сводил с луков глаз. Он боялся, что кто-нибудь незаметно заберет их.

— Что лучше: прибить этих ублюдков сразу или сначала вытряхнуть из них все, что им известно? А может, проследить их, чтоб выйти на остальных?

— Думаю, лучше поболтать с ними в укромном местечке и вытряхнуть все, что им известно. Если ты, Конан, убьешь их сразу, ты, конечно, отомстишь. Но лишь отчасти. Все равно остальные успеют удрать. А мне это и вовсе ничего не даст. Не исключено, что кто-то из них в отлучке и должен вернуться. Нелишне было бы знать об этом. — Калья задумалась. — Выследить всю эту банду — весьма привлекательная мысль. Но опасно. Не исключено, что Тахарка и Аксандриас давно сменили своих попутчиков. А вдруг мы выйдем сразу на десять или двадцать головорезов? Вот весело нам придется! Но тебе нужны только шестеро, а мне — только один, Аксандриас.

— Золотые слова. — Конан допил эль и опустил кружку на пустой стол. — Когда эти субчики заберут свои луки, мы их проследим и в первом подходящем уголке перекинемся с ними парой фраз. А потом я их пристукну.

В течение следующего часа Конан и Калья как бы без дела слонялись между столами. При этом они внимательно следили и за боссонскими луками, и за окружающей обстановкой. Однако никого хоть мало—мальски похожего на нужных им людей они не заметили.

Калья была уверена, что Аксандриаса среди присутствующих нет. <Эту змею я и на дне колодца в безлунную ночь разглядела бы>, — проворчала девушка.

Видимо, потеряв всякую надежду, Калья примолкла и нахохлилась, сразу став похожей на ту полубезумную девицу, какой впервые и узнал ее Конан. Но вдруг он встрепенулся и ткнул девушку локтем в бок:

— Верхняя галерея. Прямо напротив.

Калья взглянула туда, куда указывал Конан. Двое мужчин вышли из комнат, куда местные шлюхи весь вечер водили своих клиентов.

— Видать, кроме большой дороги их кое-то еще интересует, — хмыкнула девушка. Происхождение этих двоих было очевидным. Коренастые, крепко сбитые, прямые темные волосы. Рознились они только цветом своих узких глаз: у одного они были серые, у другого — карие.

Одеты они были в столь излюбленные боссонскими стрелками короткие кожаные жилеты и стальные шлемы. Жилеты изобиловали серебряными и бронзовыми заклепками. Короткие кожаные штаны бахромой почти соприкасались с сапогами до колен. На левой кисти каждого красовался специальный жесткий кожаный напульсник, богато изукрашенный

снаружи и гладкий с внутренней стороны. Эти напульсники предназначались для защиты запястья, после того как стрела пущена в цель и тетива возвращается на место.

На кожаных поясах стрелков висели короткие мечи и кинжалы.

Спустившись вниз и миновав внутренний дворик, бандиты перекинулись парой фраз с человеком, сторожившим их оружие. Потом они взяли свои луки и колчаны с ярко оперенными стрелами и вышли из <Райского приюта>. На киммерийца и его спутницу они так и не обратили внимания.

Бандиты шли домой по освещенной луной улице и тихо переговаривались. Луки их были небрежно закинута за плечи. Почти полная луна славно освещала дорогу, а людям, выросшим среди густых лесов Боссонских Пределов, света ее было вполне достаточно. На их родине освещение по ночам не зажигали: вдруг нападут мародеры-пикты.

Боссониты свернули в небольшую улочку. Все дальнейшее случилось так быстро, что они и рта раскрыть не успели.

Кто-то мощным рывком сорвал с их голов стальные шлемы. Потом этот кто-то привел лбы боссонитов в резкое соприкосновение, отчего из глаз бандитов посыпались искры. Дважды сверкнул клинок, и пояса с прикрепленными к ним мечами и кинжалами шлепнулись к ногам ошарашенных боссонитов. Потом кто-то резким рывком развернул их лицом к нападавшим, и у горла бандиты почувствовали холодное острие меча. Одно лезвие — узкое и изогнутое — принадлежало одноглазой девице, второе — широкое и прямое — сжимал в руке...

— Киммериец! — прохрипел сероглазый боссонит. — Какого рожна тебе, собака, надо в Кротоне?

— Быстро отвечай, ублюдок, если жизнь не надоела, ты кто — Муртан или Баллан? — скороговоркой произнес Конан.

— Чего ради я буду лясы точить с какой-то черноволосой свиньей и полуголой одноглазой девкой, — злобно прошипел темноглазый. Калья слегка нажала на острие меча, и боссонит примолк, почувствовав, как по его шее потекла теплая струйка крови.

— Отвечать будете, потому что оружие у нас, а не у вас, — отрезала Калья. — Мы зададим вопросы, а вы ответите. Иначе вам крышка, ребята. — Она еще сильнее надавила на меч. Бандиты поняли, что с ними не шутят.

— Я Муртан, — сказал сероглазый. — А он — Баллан. И что дальше?

— И долго же я вас искал, приятели, — рявкнул Конан. — На моей родине вы перебили одну семью. Это были мои друзья, и теперь-то вы здорово влипли.

Муртан, не обращая внимания на острие у своего горла, усмехнулся:

— Ну и убили? Что с того? Стало чуть меньше киммерийских мужчин и женщин. Жаль, что с ними не было и их щенков.

— Что-то плохо они нас понимают, — вмешалась Калья. А боссониты между тем глаз не сводили со своих ремней с оружием, которые девушка держала в руке, — так умирающие от голода смотрят на кусок хлеба. — Придется объяснить подходчивее. — Кончик ее меча скользнул к подлазью бандита. — Нет ничего страшнее боли, когда выкалывают глаз, доложу я тебе.

— Говорите! — прорычал Конан. — У вас есть выбор: или умереть в мученьях, или легко. Вы подохнете в любом случае, однако позаботьтесь о том, чтобы ваша смерть была мгновенной. Где все остальные? Где Тахарка, оба гандера и аквилонец?

Муртан, не сводя глаз со своего меча, пожал плечами:

— Да на месте все: и кешанец, наш предводитель, и братья — гандеры...

Тут Калья не выдержала:

— А где Аксандриас, отвечай быстро!

Боссонит ответил, явно бравируя своей смелостью:

— А ты, не иначе, одна из тех многочисленных девиц, кого он бросил? Любит он вечерами потрепаться о своих победах над бабами, водится за ним этот грешок. С нами он, милая, с нами. Все больше втирается в доверие к Тахарке.

— Ну и где они все? — спросил Конан.

— В очередном рейде за рабами. Сегодня—завтра вернутся.

— Так вот оно что... Добывают, значит, бойцов для гладиаторских схваток? Да?

— Да. Все это придумал Тахарка вместе с Аксандриасом. А еще они используют какие-то снадобья и заклинанья. Результат потрясающий. Люди звереют прямо на глазах. Аквилонец корчит из себя великого колдуна. А наше дело маленькое: слушать команды и добывать новых рабов. Жизнь легкая, но уже надоело быть на побегушках. Они ведь обращаются с нами как с падалью. Вот мы и решили смотаться от них.

— Все, что нас интересовало, мы узнали. Они тебе еще нужны, Калья?

— Нет. — Девушка спрятала свой меч в ножны. — Делай с ними что хочешь. Мне нужен только Аксандриас.

Конан стремительно вырвал из руки Кальи пояса кинжалами и бросил к ногам бандитов:

— Бейтесь!

Калья решила, что Конан внезапно повредился умом:

— Прикончи их, идиот! Или хочешь лишний раз покрасоваться передо мной?

Баллан по-волчьи оскалил зубы, выхватил из ножен меч и рявкнул:

— Так это ведь киммериец, красотка! Честно говоря, тебя я боялся больше. Ты тут постой, пока мы его прикончим, а потом и тобой займемся. С лицом у тебя, конечно, не все в порядке, зато остальное на месте. И кольчуга твоя тебе не поможет.

У Кальи потемнело в глазах от бешенства. Она готова уже была ринуться в бой, однако Конан предостерегающе поднял руку:

— Я никогда не убиваю безоружных. Два вооруженных боссонита для меня все равно что один безоружный. Скоро сможешь спросить это у духов тех, кто жил когда-то в Ванариуме. Теперь киммерийцы разбили там свои пастбища.

При упоминании о Ванариуме боссониты, точно с цепи сорвавшись, ринулись на Конана. Их короткие мечи годились, чтобы ими и колоть, и рубить. Бандиты пригнулись и занесли мечи снизу, собираясь наносить удар так, как если бы в руках у них был кинжал.

Конан не был защищен доспехами, поэтому боссониты решили не размениваться на мощные рубящие удары сплеча, требующие усилий.

Конан сделал шаг назад. Его длинный тяжелый клинок был опущен вниз, а поза оставалась расслабленной. Конан не знал, кто из бандитов нападет первым, а потому не спешил принимать боевую стойку. Так он стоял в небрежной позе, спокойно расслабившись. И выглядел точно большая дикая кошка. Однако спокойствие его было столь же обманчивым, сколь и спокойствие затаившейся дикой кошки.

Калья замерла. Она была уверена, что Конану пришел конец, настолько он выглядел неготовым к бою. Калью всегда учили, что большое значение в бою на мечах имеет исходная стойка. Сама она долго обучалась стандартным позам и приемам, которые выполнялись

почти как танец. Считалось, что верно выбранная поза — залог победы.

Муртан сделал выпад первым. Пригнувшись, он собрался ударить Конана в незащищенный живот. В ту же секунду своей левой рукой тот перехватил правое запястье боссонита и резко вывернул его. Правой рукой он нанес удар снизу вверх, в результате чего меч Конана рассек тонкую кожу куртки, кожу самого боссонита, сквозь мясо прошел в ребра и, разрубив их, вышел наружу. При этом еще как бы по инерции меч раскроил лицо стоящему рядом Баллану. Тот начал пятиться, однако меч Конана настиг и его. Он обрушился на плечо Баллана и разрубил боссонита почти пополам. Проходя через ключицу и ребра, меч рассек надвое сердце.

Калья только моргала, не в силах поверить собственным глазам. Тела боссонитов еще сотрясала смертная агония, а девушка уже пыталась восстановить в памяти все детали схватки. Собственно, вся схватка состояла из трех ударов Конана, два из которых и оказались смертельными. Ее-то учили тому, что удар снизу вверх и слева направо — самый никудышный, а вот косой удар сверху вниз, в который можно вложить весь свой вес плюс силу мускулов, — самый желательный. Считалось, что, потренировавшись, можно научиться использовать дополнительные мускулы корпуса и левой ноги. Однако только что она стала свидетельницей того, как Конан с помощью <неправильного> удара рассек человеческое тело, словно хрупкую скорлупку. С теорией Конан как-то не успел познакомиться, но его реакция, сила и расчет были поистине сверхъестественны.

— Эти двое схлопотали по заслугам, — проговорил Конан, вытирая меч и вкладывая его в ножны. — Теперь очередь за остальными четверьмя. Калья, прихвати-ка их кошельки. Деньги в нашем деле не лишнее.

Девушка без колебаний обшарила трупы. В ее действиях было хладнокровие человека, привыкшего балансировать между жизнью и смертью. И нет ничего зазорного в том, чтобы забрать имущество убитого врага.

— И кто-то еще называет меня сумасшедшей, — в сердцах проговорила она, — да такого психа, как ты, еще свет не видывал! Ты же отправился путешествовать по миру, а вместо этого гоняешься, чтоб отомстить за людей, которые даже не родня тебе! А повстречав убийц, ты, вместо того чтоб расправиться с ними, устраиваешь поединки, но ведь они гнусные работоторговцы, а ты дерешься с ними один на один, как с порядочными людьми. — Возмущению Кальи не было границ.

— Не один на один, а один на два, — поправил Конан. — Много чести для этих ублюдков биться с ними один на один. Боссониты хорошо знают нас, киммерийцев. Когда я предложил им биться два против одного, я знал, что наношу страшный удар по их гордости. Потому они так взбесились. Не волнуйся, перед смертью они испытали самый большой для них позор. Чего тебе еще?

Сначала Калья хотела ответить, что боссониты, прибив его, вплотную занялись бы ею самой. А только от одной мысли об этом ей делалось плохо. Однако девушка смолчала, побоявшись, что Конан сочтет ее малодушной, да к тому же еще и ворчливой. Вместо этого она спросила:

— Откуда тебе было известно, что ты победишь?

Конан, подумав секунду, ответил:

— Конечно, боссониты — исконные враги киммерийцев. Но в общем-то, они по большей части честные люди. Но эти двое — настоящее отребье. Паршивые овцы, изгнанные из стада. А такие не бывают хорошими воинами. — А то, что себя Конан относит к лучшим

представителям своего племени, этого Конан вслух не сказал. Это и так подразумевалось.

— Кроме того, — продолжил Конан, — боссониты сильны в защите. Тут им мало равных, а вот атака — их слабое место. А мы, киммерийцы, одинаково хорошо владеем и тем и другим. И вообще... нам нет равных!

Уж чего—чего, а уверенности в себе Конану было не занимать. И Калья поспешила сменить тему разговора.

— Этих денежек нам не надолго хватит, — сказала девушка, подбросив на ладони увесистый кошелек. В лунном свете можно было разглядеть кордаванскую кожу, окрашенную в алый цвет, и золотые нити шитья. — На золото этой парочки мы безбедно проживем несколько месяцев, а если поиски Тахарки затянутся, то и год протянем. Если покупать только еду, а спать под открытым небом, надолго может хватить.

— Да уж ничего себе... — рассеянно пробормотал Конан. Перспектива столь долгих поисков не улыбалась ему. — А то, что у них много денег, неудивительно. Сколько жизней они угробили на больших дорогах. Да и вся эта затея с рабами, видно, очень доходна.

— Похоже на то, — откликнулась Калья и замолчала. Не было у нее охоты спорить с киммерийцем. И вообще, что-то неуловимо изменилось в их отношениях. Раньше, когда Конан и Калья пребывали в состоянии враждебного нейтралитета, все было ясно, и девушка чувствовала себя как-то уверенней. Клялась же она перед алтарем Митры, что никогда не полюбит ни одного мужчину! Аксандриас, вот кто во всем виноват. При мысли о нем в девушке вспыхнула дикая, нечеловеческая ярость, точно такая, которая бушевала в ней, когда аквилонец выжег ей каленым железом глаз.

Жрец стоял возле жаровни и бросал на тлеющие багровые угли пригоршни трав. Сама жаровня представляла собой металлический треножник в форме змей, чьи головы упирались в пол, а хвосты поддерживали череп, в котором, собственно, и тлели угли. И змеи, и череп были изготовлены из деталей усыпальниц валузианских королей. Дерево на растопку тоже пошло не простое. Когда-то из него была сделана виселица. Дым от тлеющих углей и трав тоже вел себя необычно. Он не стремился вверх, как это бывает всегда, а, повторяя спиралевидное движение змей треножника, стекал вниз.

Жрец творил заклинания. Вот уже много часов подряд, нараспев, ни на минуту не умолкая, он творил их. Высокое искусство магии требовало от жреца огромной выносливости, такой, которой обладают лишь величайшие из воинов. Каждое слово он произносил предельно внятно, сколько бы оно ни повторялось.

Уже было далеко за полночь, когда над жаровней возник светящийся шар. Шар покачивался, пульсировал. Текли минуты. Он то становился ярче, то почти угасал. И вот когда свечение сделалось ровным, внутри шара появилось чье-то лицо. Это было несомненно лицо человека. Однако для человеческого лица оно было слишком совершенным, чтобы принадлежать человеку. Только по высокой прихоти художника могло возникнуть подобное лицо, вознамерься он сначала собрать воедино все самые совершенные черты самых совершенных людей, а потом вдохнуть в них жизнь. И все же прекрасным это лицо не было, потому что не было в нем ничего, озаренного человеческим чувством.

— Много лет прошло с тех пор, как мы разговаривали в последний раз, — сказал человек в светящемся шаре, и древние звуки старостигийского языка наполнили комнату.

— Этот древний храм долгие столетия стоял вдали от тех мест, где вершилась история человечества. Все это время совершал я обряды, оттачивал свое колдовское мастерство, постигал сверхъестественное. И наконец-то нечто значительное затевается в наших краях, — произнес жрец.

— О да! Нам известно, что туда, где прежде была Харутония, а ныне стоит город Кротон, начинают стягиваться некие неясные силы. И эти силы должны соединиться. И вот тогда, возможно, здесь произойдет нечто, представляющее интерес для нас. Так о чем ты хотел нам поведать?

— То, что происходило в этих краях до сих пор, может показаться на первый взгляд малозначительным и обыденным. Однако мои исследования говорят о том, что эти события — предвестники великих перемен. А на днях явился в храм человек, пожелавший узнать некоторые заклинания и купить снадобья. Он был всего лишь грязным бандитом, притворявшимся, будто интересуется Великим Искусством Магии. Я бы и говорить с ним не стал, однако накануне было мне видение о том, что его приход имеет тайный смысл. Я притворился, что верю этому проходимцу, и дал ему все, о чем он просил. И вот я узнал, что мои снадобья были использованы им и его сообщниками для возрождения гладиаторских боев. А вчера вечером случилось и еще кое-то. В городе появились чужеземцы: желторотый юнец, варвар с севера, однако при взгляде на него вспоминаются короли Атлантиды. Он пришел с молодой женщиной. Жажда мщения превратила ее в сурового воина. Их пригнала в Кротон ненависть. Едва они появились, как тут же расправились с двумя негодьями, сотоварищами приходившего ко мне бандита. Что из этого всего получится — трудно сказать.

— Да, картина пока еще не ясна, — произнес человек в светящемся шаре. — Обо всем, что происходит здесь, сообщайте мне ежедневно. Мы будем пристально следить за этим сектором до тех пор, пока не разберемся во всем досконально. Готовьтесь к возвращению богов.

— Я буду ждать их появления, мой повелитель, — певуче произнес жрец, опустил на колени и, склоняясь, коснулся лбом каменных плит пола.

Еще не успев толком проснуться, Конан схватился за рукоять меча. Было довольно темно. Лунный свет едва проникал через прорези ставен. Что же разбудило его? Конан рывком вскочил с постели. Ему вдруг почудилось в окне чье-то лицо, правда, лицо много меньше человеческого. Юноша распахнул ставни.

За окном не было ничего, кроме посеребренных лунным светом крыш. Он потряс головой и протер глаза кулаками. Может, это сова заглянула в окно, а ему померещилось лицо человека? Возвращаясь в постель, он взглянул на спящую Калью. Она, как обычно, спала сидя, прислонясь спиной к стене и уткнувшись лицом в колени. Единственную в комнате кровать занимал Конан. На полу возле девушки лежало что-то блестящее. Конан склонился и улыбнулся: даже негибаемая Калья дала слабину и сняла на ночь свои доспехи. Девушка слегка пошевелилась, но не проснулась — Конан двигался бесшумно, словно тень. А ведь сон Кальи был чутким, как у кошки.

Конан опять улегся, но заснуть не смог. Он лежал и перебирал в памяти вчерашний день, который они с Кальей провели, слоняясь у <Райского приюта>. Тахарка так и не появился. Правда, уйти бандиты не уйдут. Куда им деваться, разве бросят они почти налаженное выгодное дело? Поэтому киммериец и девушка решили дожидаться их в городе. Им хотелось добраться до бандитов прежде, чем тех повесят власти. Радость мщения они не собирались уступать никому.

Заснуть не удалось. Конан встал, бесшумно открыл дверь, петли были хорошо смазаны, и вышел в коридор. Он спустился с третьего этажа в общий зал. Ночная коптилка слабо освещала его.

Всюду кругом было темно и тихо. Луна висела на западе, низко над горизонтом. Темноту разрывал только редкий свет факелов в руках припозднившихся гуляк, нетвердыми шагами возвращавшихся на ночлег.

Конан немного прогулялся перед таверной. Все было тихо, и он собрался было вернуться, лечь и заснуть, однако чей-то голос заставил его обернуться.

— Юноша, подождите минутку! — Звук голоса шел из темной ниши у входа.

Конан резко выхватил меч.

— Кто тут? А ну, выходи!

Из ниши выступила чья-то фигура, закутанная в темный плащ. Капюшон скрывал лицо незнакомца.

— Неужто я так страшен, что меня испугался столь доблестный воин, как ты? Посмотри, я безоружен.

Конан, раздосадованный своей поспешностью, бросил меч в ножны.

— Так что ж ты прячешься по темным углам? И вообще, кто ты такой?

— Можно сказать — никто. Всего лишь жрец, бедный служитель храма всеми забытых богов. Я хотел кое о чем спросить тебя. Не согласишься ли ты пойти со мной туда, где мы

сможем спокойно поговорить? А за время, потраченное на беседу, я тебе заплачу золотом. Ты ведь любишь золото?

— Вообще-то да. Но сейчас мне не до него. Зачем я тебе нужен? Я не знаю ни тебя, ни твоих богов. — В голосе Конана слышалось подозрение.

— Давай побеседуем о шайке головорезов, среди которых есть один шарлатан— аквилонец.

— Что ты знаешь об этом? — Конан аж подскочил.

— Пойдем со мной в мой храм, там все станет тебе ясно, — с мягкой настойчивостью повторил жрец.

— Посмотрим... — буркнул в ответ Конан.

Ему очень не хотелось ввязываться в эту историю. Однако возможность выведать что-то новое о Тахарке и его банде заставила Конана последовать за темной фигурой.

Конан шел, сжимая рукоять меча. Он был молод и неискушен, но уж глупцом его нельзя было назвать, настороже он держался, боясь попасть в ловушку.

Киммериец рассуждал так: о его связи с Тахаркой мог знать лишь тот, кто был свидетелем его расправы с боссонитами. Предположим, по городу поползли слухи, и они достигли ушей Тахарки, и вот Тахарка подослал этого старика, чтоб заманить его, Конана, в ловушку. Киммерийца перспектива попасть в ловушку не слишком беспокоила. Он был молод и самоуверен. И не сомневался, что вырвется из любой переделки. А при удачном стечении обстоятельств отправит на тот свет и четырех оставшихся бандитов. Пара минут кровавой работы — и долг мести исполнен. А потом можно отправляться на все четыре стороны. Хочешь — на юг, хочешь — на восток, в Замору и Туран, о которых говорила ему Калья и о которых его соплеменники знают лишь понаслышке.

Сегодня, мотаясь с Кальей по улицам Кротона, Конан беседовал со многими торговцами и караванщиками из разных стран. Этот город, переполненный разноплеменными людьми, чрезвычайно ему нравился. Особенно по душе ему были рассказы о разных городах и странах, о древностях и диковинках, наполнявших их. Все эти истории разжигали его страсть к путешествиям.

Наконец старик и Конан свернули в узкую мощеную улочку. В темноте юноша пытался разглядеть внешнее убранство храма. Вообще-то Конану было совершенно безразлично, кто его провожатый. Колдунов Конан терпеть не мог. Но ведь далеко не все жрецы являются колдунами. Встречались ему и жрецы бога Митры, и жрецы разных других богов, и среди них попадались вполне нормальные люди. Киммерийцы всегда поклонялись суровому северному богу Крому. И наличие служителей культа эта религия не предусматривала. Он представил, как веселились бы его соплеменники, узнав, что между ними и богом должны находиться люди, единственным занятием которых будет посредничество!

Наконец они вошли в храм. Конану стало не по себе. Не то чтобы он ощущал грозящую опасность, но сами стены храма действовали как-то удручающе.

Даже встреча с врагами в этой ситуации показалась бы ему облегчением.

Наличия злых чар Конан тоже не ощущал. Давила, скорее всего, древность этих стен. Казалось, что воздвигла их не человеческая рука. В общем, киммерийцу было здесь неуютно. Однако сознаться в этом, развернуться и уйти ему не позволяли гордость и любопытство.

— Каким богам здесь поклоняются? — спросил Конан, превозмогая удручающее воздействие архитектуры храма и всей его атмосферы. И вдруг ему померещилось, что наверху, среди змеиных голов, мелькнуло маленькое лицо, то самое, что мелькнуло в окне

сегодня ночью. Но лицо исчезло, прежде чем Конан успел понять — явь это или видение.

— Назвать богами тех, ради кого воздвигнут этот храм, было бы не совсем точно, — отозвался жрец, — они столь древни, что человеческое воображение не в силах представить их возраст. И в то же время они, как и сами люди, порождены вселенной. И, с точки зрения обычных людей, возможности их поистине безграничны. Мы, жрецы этих богов, находимся тут не для того, чтобы поклоняться им. Мы просто поддерживаем с ними постоянную связь. Мы исполняем их волю, а они за это даруют нам блага.

Киммериец мало что понял из всех этих туманных объяснений. Религии народов, более древних, чем его собственный, казались ему очень сложными и нелепыми, а уж эта, с позволения сказать, религия была и вовсе ни на что не похожа.

— Ну, и как же их зовут? — поинтересовался Конан скорее из вежливости.

Тем временем они приблизились к какому-то странному светильнику. Сам сосуд был пуст, однако из него исходил странный зеленоватый свет, точнее пламя. Было не ясно, каково предназначение этого пламени, которое к тому же оказалось холодным.

— Имена наших богов трудно передать человеческим языком. Мы их называем Древнейшие. Или — Те-Кто-Имеет-Великую-Силу. Еще мы их зовем Творцы. У них, у каждого, есть свое персональное имя, например: Родившийся От Мертвой Звезды, Несущий Гибель и другие. Стигийцы, те носятся со своим Сэтом, точно с писаной торбой, крича на каждом углу, что древнее его богов нет. А ведь этот их старый змей Сэт просто молокосос по сравнению с Древнейшими. В сравнении с их силой и могуществом он лишь бледная тень.

— Меня не интересуют твои боги, жрец, — сказал Конан, поглощенный созерцанием непонятного зеленого пламени. Протянув руку, он коснулся его языком, однако ничего, кроме легкого покалывания, не ощутил. — Что это за зеленый огонь и почему он не жжется?

Жрец улыбнулся краем рта:

— С помощью этого инструмента мы и общаемся с Творцами. Наша связь осуществляется через это пламя. Огонь — одна из четырех стихий, составляющих вселенную. Но пламя, известное здесь, на земле, лишь нечистое подобие истинного небесного огня.

Конан кивнул, при этом он, точно загнипнотизированный, смотрел на пламя.

— Мой отец был кузнецом. Он много рассказывал мне о свойствах огня.

— Этот огонь уже поведал мне кое-то о тебе. Ты не такой, как все остальные люди.

— Я-то? Ну, известное дело, не такой. Я — киммериец.

— Я не об этом. Вот сейчас, например, ты касался рукой пламени. И будь ты обыкновенным человеком, твоя рука превратилась бы в головешку.

— Что?! — Конан вышел из оцепенения и резко повернулся к жрецу. — И ты не предупредил меня! — Он с такой силой сжал рукоять меча, что костяшки пальцев побелели.

Жрец, пораженный свирепостью, так внезапно вспыхнувшей в голубых глазах киммерийца, непроизвольно отступил. Иметь дело с Конаном было все равно что общаться с полуприрученным тигром, спокойствие и безмятежность которого в долю секунды может смениться первобытной свирепостью. Такие люди и раньше встречались жрецу, но подобный экземпляр он видел последний раз очень много лет назад. Такие, как он, — редкость во все времена. Обыкновенных дикарей всегда хватало. Свиные свирепые сверх всякой меры, они в то же время не умели думать самостоятельно, связанные устоями и предрассудками. Подлинные варвары — это редкость, но еще реже встречался среди них человек, способный покинуть свой клан, свое племя, чтобы в одиночку проложить свой собственный путь.

Когда-то давно на земле рождались такие люди. Они становились героями легенд и мифов. Они становились полководцами, королями, императорами, вдыхали новую жизнь в угасающие цивилизации. Примитивные жизненные силы били в них через край. Им была присуща невероятная энергия и предприимчивость, а еще — вселяющая ужас свирепость и беспощадность.

Жрец успокаивающе поднял руку:

— Поймай! Я ведь знал, что огонь не причинит тебе вреда. Я знаю такие вещи. Давай поговорим спокойно, я все тебе объясню. Мне надо узнать кое-то от тебя, в благодарность я помогу тебе справиться с твоими врагами.

— К чему все это? — спросил Конан. — Скоро они вернутся из своего рейда, и тогда я разберусь с ними сам.

— Одно оружие тебя не спасет, — предостерег его жрец. — Тахарка из Кешана не так прост, как тебе кажется. Если ты хочешь победить его, ты должен его понимать.

— Зачем? — снова спросил Конан. — Я спровоцирую его, вступлю в бой и убью. Все это проще простого, и отомщенные души моих друзей обретут желанный покой.

Жрец был терпелив. Тщательно подбирая слова, чтобы избежать нового прилива ярости Конана, он снова заговорил:

— Будь он обыкновенным человеком, этого действительно было бы достаточно. Но вы оба необыкновенные люди, иначе вы никогда не привлекли бы к себе моего внимания.

— Продолжай, — угрюмо бросил Конан, хотя весь этот разговор был ему абсолютно не по душе. Зачем этот жрец встречает и придумывает какие-то трудности там, где их в помине нет? Но все же придется его выслушать, вдруг во всем этом что-то и кроется.

— Для начала расскажи мне о своем народе. Кто твои предки?

— Что я, сказитель какой-нибудь, — буркнул Конан, — расскажу что вспомню.

И он принялся за рассказ. Как и большинство варваров, киммерийцы придавали громадное значение своему происхождению и тщательно хранили знание о своих предках. Хоть Конан и не принадлежал к числу тех, кто был специально призван хранить в памяти эти драгоценные сведения, тем не менее он, как и любой другой из его соплеменников, мог легко назвать имена членов своего клана, живших несколько столетий назад.

— Да, этого мне вполне достаточно, — проговорил жрец, когда Конан закончил перечисление длинного ряда своих предков. — Теперь я знаю, в каком направлении искать, если мне понадобятся уточнения. А сейчас сделай на руке небольшой надрез и потом сунь руку опять в пламя, чтобы в сосуд упало несколько капель твоей крови.

— Не стану я это делать, — возмущенно заявил Конан. — Я не за тем пришел, чтобы колдовать тут с тобой на пару.

Жрец незаметно улыбнулся:

— Боишься пролить несколько капель своей крови? Не тревожься, я не собираюсь колдовать над ней. Просто история каждого народа запечатлена в его крови, а я обладаю знаниями, позволяющими читать эту историю при помощи моего зеленого пламени. Если ты согласишься, то мы могли бы заглянуть дальше в историю твоего рода, и тогда многое для меня прояснилось бы.

Конана задел намек, будто он боится пролить свою кровь, поэтому киммериец немедленно сунул левую руку в зеленое пламя и сделал неглубокий надрез кинжалом. Алые капли упали в сосуд, но, к удивлению Конана, они не достигли дна, а будто растаяли в пламени.

Жрец начал нараспев тихо произносить какие-то слова. Киммериец опять принялся смотреть на огонь, вид пламени заворожил его. Языки огня стали постепенно менять цвет, внутри образовывались какие-то смутные картины, и, что было уже вовсе не понятно, Конан каким-то образом оказался участником происходившего в этих картинах, хотя прекрасно осознавал, что продолжает оставаться в храме.

Он видел в пламени темноволосых светлокожих воинов, которые сплетались в яростных схватках с желтоволосыми и рыжеволосыми воинами, а иногда и кожа, и волосы их врагов были темными. Он сразу признал среди дерущихся своих родичей, возможно даже своих предков по прямой линии, которые сражались с асирами и ванирами, гиперборейцами и пиктами. Его предки были похожи на него, вот только оружие у них было не стальное, а бронзовое, и он понял, что видит своих родичей, живших в те времена, когда стали еще не было.

Потом он увидел таких же темноволосых и светлокожих людей, но оружием им служили отполированные камни. Они бродили по замерзшим долинам, где никогда не таял лед, сражались с другими людьми, со снежными обезьянами и еще какими-то существами, для которых у Конана не было названия. Потом он увидел, что происходило в доледниковый период, когда его соплеменники воевали с какими-то пигмеями, которые на своих низкорослых лошадках явились издалека, заполнив все пространство степей. Потом он увидел непроходимые джунгли, покрывающие долины и склоны высоких гор, гигантских змей, извивающихся на дне этих долин, услышал монотонный бой барабанов, а потом какие-то высокие чернокожие люди с луками непременно хотели пройти сквозь земли предков Конана на другую сторону гор.

Еще дальше унесли Конана языки пламени. Он смог увидеть землю в ту пору, когда ее сотрясали катаклизмы, когда горы раскалывались в огне и дыме и по их склонам начинала течь река из раскаленной добела лавы, когда моря поднимались и заливали континенты, а дно океанов обнажалось и превращалось в сушу. И все время он видел своих предков, которые сражались и никогда не просили пощады.

Потом он увидел похожих на себя людей. Но они не были такими примитивными, как прежде, а вели свою жизнь в своеобразной варварской роскоши: они носили одежды из ярких шелков, а головы их были украшены перьями диковинных птиц. Конан стал свидетелем их сражения с пиктами, приплывшими на каких-то диковинных двойных ладьях, чтобы захватить их земли. Он увидел человека, сидящего на золотом троне, его глаза были печальны, рядом лежал большой двуручный меч, а на голове человека была корона. Они с Конаном были настолько похожи, что вполне могли бы считаться близнецами.

Все дальше и дальше уносило Конана пламя, и голова его кружилась, он уже был не в состоянии удержать в памяти все, что видел. Последней в этой череде картин оказалась лужайка леса, где волосатые человекообразные существа с удивлением и восхищением разглядывали своего отпрыска, не только менее волосатого, чем все остальные, но и способного делать вещи, абсолютно недоступные его сверстникам. А потом и эта картинка исчезла, и перед Конаном осталось гореть лишь зеленое пламя.

Конан в изумлении потряс головой:

— Что это было, жрец? Мне показалось, будто перед моими глазами прошла вся история моего народа, которая началась задолго до заселения Киммерии.

— Ты все верно понял, — подтвердил жрец. — Я уже говорил тебе, что вся история человеческого рода запечатлена в крови человека. Это словно письма на пергаменте, и

нужно только уметь прочитать их.

— Если то, что я видел, — правда, это означает, что соплеменники намного древнее, чем я считал до сих пор.

— Это справедливо для большинства народов, — заметил жрец. — Все помнят только свою недавнюю историю, несколько столетий, самое большее — тысячелетий. Но люди существовали на земле даже тогда, когда форма материков была другая. Считается, что твой народ всегда обитал в горной туманной Киммерии, но они были теми же самыми людьми, когда горы на севере представляли собой острова в громадном море, населенные доисторическими существами, давно исчезнувшими с лица земли. Как я и предполагал, в твоих жилах течет кровь королей, покоривших Валузию, Тхуле и Комморию. С тех пор миновали сотни веков. Твои соплеменники вновь превратились в варваров, немногим лучше тех дикарей, от которых они в свое время произошли. Но одновременно они остаются все теми же людьми.

Раздумывать обо всем этом Конану не нравилось. А сама мысль о краткости человеческой жизни по сравнению с уходящими в бесконечную даль веками истории существования человеческого рода разбередила его душу и несколько поколебала уверенность в себе.

— Какое отношение имеет все это к моему делу? — сердито спросил он жреца.

— Самое непосредственное, — ответил жрец и добавил: — Пойдем и спокойно все обсудим.

Совершенно разбитый, будто он неделю не сходил с седла, Конан последовал за жрецом в небольшую комнату. К огромному облегчению Конана, здесь не было никаких необычных предметов. Большой тяжелый стол, покрытый резьбой, два кресла ему под стать, старинный буфет, на котором громоздились бутылки и кубки, — вот, пожалуй, и все. На стенах простые портьеры, одно окно плотно закрыто ставнями. Повинуясь приглашающему жесту жреца, Конан уселся в одно из кресел и сам удивился, до чего он устал.

Жрец взял бутылку и налил два кубка вина. Один из них он протянул Конану, который даже не стал ждать, пока его хозяин отопьет из своего кубка, и осушил свой одним махом. Вино оказалось просто великолепным: Конану, пожалуй, даже и не приходилось раньше такого пробовать, во всяком случае — в тавернах такого не подавали.

Жрец тоже уселся в кресло.

— Сегодня ночью мы с тобой бросили мимолетный взгляд на твое прошлое. Твои предки немало достигли за последнее время. — (“За последнее время”, — недоуменно подумал Конан.) — Но чем дальше, тем меньше становится великих людей и великих свершений. Такое впечатление, что Древнейшие потеряли всякий интерес к людям. — Он замолчал и задумался. — Впрочем, кое-то теперь начало меняться. Среди нас, как и в старые времена, начали появляться избранники Судьбы. Эти люди предназначены для великих свершений, им покровительствуют боги и другие Великие Силы. Возможно, славные времена еще вернутся. — Глаза жреца загорелись лихорадочным огнем. Конан напомнил себе, что жрец неспроста завел этот разговор, что-то ему от Конана надо. Жрец продолжал: — Служители моего ордена обучены распознавать приметы таких людей и таких событий. Я не сомневаюсь, что одним из избранников Судьбы являешься ты, а другим — Тахарка.

Все это было для Конана слишком сложно.

— Я — смертный человек, Тахарка тоже смертен. Так же как и два гандера, и аквилонский шарлатан. Когда мы встретимся, то вынем мечи из ножен и посмотрим, кто из

нас сильнее. Я, например, еще до сих пор не встречал равного мне по владению оружием.

— Все это совсем не так просто. — Голос жреца зазвенел от возбуждения. — Ты и твой враг — люди, способные повлиять на ход истории! Ты обязан позволить мне руководить твоими действиями.

Конан с трудом удержался от смеха.

— Варвар из северных земель и работороговец с юга! Общее у нас с Тахаркой есть только одно: люди из цивилизованных стран с радостью стали бы потешаться над нами — если бы осмелились. И они не делают этого только потому, что жизнь им дороже. Наверное, уж боги выбрали бы кого-нибудь другого для своих великих начинаний.

— Ты истинный варвар, — отвечал жрец, — и настоящий ребенок. Ты не сомневаешься в своем воинском искусстве и в мощи своих мускулов, а вот в другие свои силы, выделяющие тебя из прочих людей, ты не веришь. Пока ты сам не научишься понимать свою истинную природу, я мало чем смогу тебе помочь. Запомни пока хотя бы одно: Тахарка из Кешана — человек, похожий на тебя. Он родился в более цивилизованном обществе и получил хорошее образование (в том смысле, как его там понимают), и тем не менее он такой же варвар, как и ты. Но, в отличие от тебя, у него полностью отсутствует совесть, даже в зачаточном состоянии. В цивилизованном мире тебя считают варваром, но ты соблюдаешь кодекс чести, принятый среди твоего народа. Тахарка совсем другой: он давно отказался от законов чести своей страны и заботится лишь о своей выгоде. Он никогда бы не стал сражаться с двумя боссонитами. Как не станет сражаться и с тобой, если не будет уверен в своей победе. Он лучше пошлет других или применит яд.

Конан встал.

— Ничего у него из этого не выйдет. Я должен сразиться с ним и убить его, пока он не догадался, что я за ним охочусь. Спасибо тебе за советы, но я поступлю так, как считаю нужным.

— Желаю тебе удачи, юный варвар, — проговорил жрец, холодно улыбнувшись. — Не думаю, что у тебя это легко получится.

Конан с удовольствием покинул гнетущую атмосферу храма и вышел на свежий воздух. Он удивился, обнаружив, что над городом уже разгорался рассвет. Щебетали проснувшиеся птицы, из пекарни доносился запах горячего хлеба. Конан быстро дошел до таверны и поднялся наверх. Не успел он войти в комнату, как на него напустилась разъяренная Калья:

— Где это ты шлялся всю ночь? Небось развлекался с продажными девками?

— И что с того? — рявкнул Конан, чрезвычайно раздраженный ее ревностью. Если бы она спросила его нормально, он обязательно рассказал, где был и что делал.

— Ты не имеешь права транжирить на пьянство и разврат золото, которое нам необходимо для жизни и мщения!

— Ты что это тут раскомандовалась, женщина? — вскипел Конан. — Я охотился за своими врагами еще задолго до того, как встретился с тобой. И все это время обходился без тебя! Могу и сейчас обойтись! Слишком много о себе думаешь! — Он сорвал с себя пояс с мечом и бросился на постель. — Я хочу спать. Не мешай мне. — Секунду помолчав, он добавил: — Можешь пересчитать золото, и если там не хватает хоть одной монетки — разрешаю изрубить меня на куски твоей хорошенькой маленькой сабелькой.

— Можешь не сомневаться, так я и сделаю. — Послышался звон пересчитываемых монет, а потом громкий удар о стену: Калья запустила в нее плотно набитым кошельком. — Все деньги на месте! Где же ты был?!

— Если бы ты, женщина, не была так дерзка, я, может, и рассказал бы тебе. — Он выдернул из матраса колющуюся соломинку и повернулся на бок.

Калья злобно прошипела что-то на неизвестном Конану языке и, громко хлопнув дверью, вылетела из комнаты.

Перед тем как погрузиться в сон, Конан подумал, что вел себя с Кальей не слишком умно. Теперь она может попасть в беду, разгуливая по городу совсем одна в таком взвинченном состоянии. Он уже почти решил встать и отправиться за ней следом, но от усталости не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Да, разговор со жрецом дорого ему обошелся. Но в конце-то концов, до их знакомства эта чокнутая прекрасно обходилась без него, может обойтись и еще один день. Едва додумав эту мысль, Конан заснул как убитый.

— Пожалуй, не стоит больше проводить здесь рейды, — заметил Аксандриас. Он осмотрел окрестности: не видать ли погони. Захваченные рабы были привязаны к лошадям, чтобы в случае необходимости можно было быстро ускакать с ними вместе.

— Ты прав, — согласился Тахарка. — Похоже, мы несколько увлеклись, злоупотребляя гостеприимством местных жителей.

Во время последнего рейда часть отряда Тахарки была захвачена с поличным немедийским патрулем, специально посланным, чтобы прочесать местность и поймать распоясавшихся работорговцев. Судьба распорядилась так, что бандиты столкнулись с патрулем буквально нос к носу. Естественно, они не смогли объяснить, почему у нескольких молодых парней из окрестных сел оказались заткнуты рты и связаны руки. Тахарка с другой частью банды тоже едва не угодил в лапы стражникам: те заметили их, пустились в погоню, но догнать не сумели.

— Поистине, боги воров и разбойников продолжают покровительствовать нам, — заговорил вновь Тахарка. — А вот аргосийцам, которых мы наняли в Кротоне, не повезло, и теперь они украсят собой немедийские виселицы, а мы в это время с удовольствием будем просаживать заработанные денежки.

— Они могли послать за нами погоню, — сказал Аксандриас, с беспокойством оглянувшись.

— Мы ведь уже пересекли границу, — успокаивающе проговорил Тахарка. — Немедийцы не станут гнаться за нами. Они просто оповестят о случившемся власти ближайшего аквилонского города, а сами будут стеречь нас со своей стороны границы. И пока кто-нибудь догадается искать нас в Кротоне, мы уже будем далеко. Переместимся, например, в многообещающий во всех отношениях Офир. Это ли не чудный план?

— Да—да, хозяин, конечно.

Аксандриас уже давно начинал сомневаться в том, что он поступил умно, последовав за Тахаркой. Этот человек был умен и жесток, его идеи приносили прибыль, но он почему-то считал себя абсолютно неуязвимым и любил играть в опасные игры с судьбой. Аквилонец же полагал, что самое главное в их деле — это вовремя смыться. Если бы командовал он, то при первом же признаке опасности приказал бы бросить пленников и скакать прочь без оглядки.

Среди гандеров тоже не было заметно особого ликования. Они мрачно конвоировали пленников, прикрученных к лошадиным спинам, время от времени кидая на аквилонца злобные взгляды. Аксандриас знал, что они не доверяют ему и завидуют его близости к Тахарке. Их нелюбовь он спокойно мог бы пережить, но перспектива не сегодня-завтра получить в спину нож его не прельщала. А в том, что это должно произойти, он не сомневался. Это был лишь вопрос времени. Пора бы ему что-нибудь придумать для собственной безопасности.

Самое время, иначе может оказаться поздно. Всю дорогу в Кротон Аксандриас посвятил обдумыванию этой проблемы.

Когда они въехали в город, было еще совсем не поздно. Со всех сторон слышались приветственные возгласы — Тахарка стал своего рода знаменитостью среди ценителей гладиаторских боев. Ведь он обеспечивал этим ротозеям ежевечернее развлечение.

Аксандриасу захотелось пить, и он подъехал к фонтану. Вода изливалась из рта демона и

падала в каменный желоб. Аквилонец ловил струю ртом, а его лошадь пила из желоба. Случайно глянув вбок, он вдруг заметил, что за ним наблюдают. Продолжая пить, он попытался тайком рассмотреть этого человека. Что-то казалось ему в нем (или в ней?) очень знакомым. Но кем бы этот человек ни был, он прятался в тени дверного проема, завернувшись в какой-то темный бесформенный плащ, и рука, придерживающая этот плащ у горла, отсвечивала металлическим блеском. Сначала Аксандриасу показалось, что один глаз человека находился в глубокой тени, но потом он понял, что его закрывает черный кружок.

Больше Аксандриасу не удалось ничего разглядеть, однако его не покидало чувство, будто в посадке головы, ястребином блеске уцелевшего глаза, манере стоять было что-то неуловимо знакомое. Он вытер губы рукой и тронул коня.

Если у незнакомца к нему дело, он и так об этом узнает достаточно быстро. Если же в этом человеке таится для него опасность, лучше встретить ее, когда вокруг будут свои. Зачем состоять в банде, если не пользоваться теми преимуществами, которые она дает?

Он догнал остальных только на постоялом дворе. Хозяин разрешил им пользоваться пустующей конюшней, которая находилась между городской стеной и задней стеной таверны. Тахарка нанял рабочих, которые перестроили полуразрушенную конюшню в помещение для содержания рабов. Двор перед конюшней стал тренировочной площадкой, где рабов обучали простейшим приемам борьбы.

Поскольку большинство новообращенных рабов были либо пастухами, либо фермерами, владевшими единственным видом оружия — дубинкой, то приходилось обучать этих несчастных начаткам боевого искусства. Когда Аксандриас въехал во двор, он увидел двух рабов, которых пытался научить атакующим приемам какой-то неизвестный Аксандриасу человек.

— Это кто еще? — Аксандриас натянул поводья и остановил лошадь рядом с Тахаркой. — Где Муртан и Баллан? — Боссонитов оставили в городе тренировать рабов, пока остальные поехали за следующей партией.

— Сам хотел бы знать. — Кешанец сдвинул брови. — И почему это мне всегда приходится иметь дело с одними простофилями? Им даешь наипростейшее задание, и они даже с ним не могут справиться. Что с них взять, они известные пьянчуги и, скорее всего, отсыпаются сейчас где-нибудь на сеновале. Но им придется горько пожалеть об этом. — Тахарка перегнулся через ограду, окружающую конный двор, и окликнул человека, занимавшегося с рабами: — Эй, ты! Поди сюда!

Человек оглянулся и щелкнул хлыстом. Повинуясь его команде, рабы попятились друг от друга. Они взмокли и дрожали от усталости. На них были только набедренные повязки и кожаные шлемы.

— Можете отдохнуть, пока я разговариваю с вашим хозяином, — распорядился тренировавший их человек и пошел к Тахарке.

Кешанец рассматривал приближающегося человека. Высокий, худощавый, но с виду очень сильный. Волосы и борода цвета темного меда, глаза синие, лицо в шрамах. На нем была легкая кольчуга, у пояса короткий меч, высокие башмаки, обшитые сверху металлическими полосками. У него была легкая пружинистая походка прирожденного воина. Это понравилось Тахарке.

— Гиперборей, — буркнул один из гандеров. — Все они вражье отродье.

Тахарка улыбнулся. Обычное дело: человек другого рода—племени сразу зачисляется во враги.

— Должно быть, ты — Тахарка, — сказал человек, сворачивая хлыст. — Меня зовут Куулво. Хозяин постоянного двора нанял меня, чтобы я учил этих рабов драться. Плата — постой, харч и выпивка. Мне и раньше приходилось заниматься подобным. Эти рабы — не хуже других. Когда они выйдут на арену, тебе не будет за них стыдно. Ведь ты не забудешь подбодрить их тем чудодейственным снадобьем?

— Как ты догадался о снадобье? — спросил Тахарка.

— Я не слепой. Три вечера подряд я наблюдал за схватками. Дрались они великолепно, но я могу отличить истинную храбрость от поддельной. Пусть эти местные недоумки, контрабандисты и караванщики, думают, что видят перед собой бесстрашных жаждущих крови гладиаторов, но я-то слишком долго находился среди ратных людей, меня не обманешь.

— Тебе известно, что приключилось с двумя боссонитами, которых я оставил здесь, уезжая в очередной рейд?

— Лучше спроси хозяина постоянного двора, — пожал плечами гиперборей. — Ходят слухи, что они убиты, но точно не знаю.

— Как убиты?! Кем? — заорал Тахарка. — Кто посмел это сделать? — Потом, несколько поуспокоившись, сказал: — Продолжай свою тренировку, мой добрый друг. Я тобой очень доволен. Вечером мы поговорим поподробнее. Подходи ко мне, когда я умоюсь и отдохну, поужинаем вместе. Пошли, Аксандриас.

Когда они входили в дом, Тахарка повернулся к аквилонцу:

— Этот гиперборейский малый выглядит отъявленным негодяем. Он силен, умеет, судя по всему, обращаться с мечом, и его мало заботит способ, как добыть себе пропитание. Мне кажется, нам он вполне подойдет.

— Бывалый вояка везде пригодится, — откликнулся Аксандриас. — Особенно если он не слишком много мнит о себе.

— Что верно, то верно, — согласился Тахарка. — Куда же запропастился хозяин?

Они обнаружили его почти сразу — тот наблюдал за работниками, закатывавшими в кладовую огромную бочку эля.

— А, вы вернулись. Добро пожаловать! Удачный был рейд?

— Более или менее, — ответил Тахарка. — Нашим аргосийцам, да и еще кое—кому, надоело бродить по чужим странам, и они захотели отправиться домой. Теперь мы вряд ли увидим их еще когда-нибудь. Скажи мне, что приключилось с двумя боссонитами, которые остались приглядывать за рабами? Их нет, а вместо них этот здоровый гиперборей.

— А, эти-то... Печальная история, друг мой. Три дня назад нашли их трупы, кошельков не было.

— Должно быть, они были пьяны, — с отвращением проговорил Тахарка. — Не скажу, что они были великими воинами, но уж во всяком случае могли постоять за себя. Чем еще, как не пьянством можно объяснить, что они оказались слабее какой-то шайки воругов?

— Мои слуги говорят, что они ушли отсюда трезвыми. Конечно, им ничто не мешало завернуть по дороге куда-нибудь еще, но зачем платить за выпивку, если у меня тут они пили даром? Да и, кроме того, на них никакая шайка не нападала. Оба убиты мощными ударами меча. Разве что они встретились случайно с какими-нибудь своими старыми врагами, и те воспользовались случаем и свели счеты...

— Ладно, не так уж это и важно, — сказал Тахарка. — В любом случае — невелика потеря. И замена им нашлась приличная.

— Тут нам повезло. Куулво — профессионал, наемник. Я его знаю. Он частенько

наведывался в Кротон за последние годы. Тех, кому он служил последний раз, разбили. Теперь, бежав из Офира, он явился сюда, чтобы передохнуть и развлечься. У него как раз деньги кончились. Вот он и решил опять к кому-нибудь наняться. Тогда я и предложил гиперборею поработать вместо тех двух боссонитов, пока вы не вернетесь. Он сильный боец, новичков ему приходилось натаскивать.

— Ты молодец, что нанял его, — сказал Тахарка. — Я уже перекинулся с ним парой слов и понял, что он опасный человек. Мой ограниченный опыт общения с северянами подсказывает, что северяне стоят друг друга. — Он повернулся, собираясь уйти.

В этот момент Аксандриас обратился к хозяину постоялого двора:

— Скажи мне, пожалуйста, мой добрый хозяин, не видал ли ты одноглазого человека, который ходит, завернувшись в плащ, несмотря на жару? Я встретил его сегодня на рынке, и мне показалось, что он следил за мной.

— Одноглазый? — озадаченно переспросил хозяин. — Нет, я... а-а понял, только это девушка, а не мужчина! Она здесь уже дня три-четыре. Хоть она и без одного глаза, но вполне ничего. Многие не отказались бы познакомиться с ней поближе, да где там! Выхватывает кинжал не задумываясь, только берегись! А если и этого недостаточно, чтобы охладить пыл, помогает ее спутник. — Хозяин не выдержал и расхохотался так, что живот затрясся. — Настоящий головорез с виду. Киммериец, так мне сказали. Этот, если захочет, наверно, и быка может остановить.

Тахарка замер, не дойдя до двери.

— Говоришь, киммериец? Что-то слишком далековато от туманных гор его занесло.

— И я так подумал, — отозвался хозяин. — Я вообще эти северные народы плохо различаю, они ведь у нас редкие гости, но один купец, который каждый год ездит в Асгард, сказал, что этот точно киммериец.

— Странно, — пробурчал Тахарка, — но, впрочем, что нам за дело до какого-то там киммерийца? Пошли, Аксандриас. — В его взгляде читался приказ прекратить расспросы.

Умывшись и переодевшись во все чистое, Тахарка и Аксандриас спустились в общий зал. Сидели там, потягивали вино и ждали, когда принесут обед. Прополоснув плотку бокалом золотистого вина, Тахарка повернулся к своему помощнику:

— Итак, любезный друг, что бы все это значило: двое наших убиты, а за тобой следит одноглазая девица, которая водит компанию с киммерийцем? К чему бы это?

— Не знаю, командир. Что-то такое мне припомнилось, когда я увидел эту девицу. Но с другой стороны — я ведь даже не разобрал, кто это, мужчина или женщина. Что же касается убитых боссонитов и того киммерийца, не знаю, что и сказать. Мы, конечно, были недавно в Киммерии, но ведь с тех пор прошло уже больше месяца. Не мог же он выследить нас. Все знают — киммерийцы почти никогда не покидают свою родину, и уж во всяком случае не забредают так далеко.

— Но ведь этот — забрел, — возразил Тахарка. — Оба боссонита были убиты мощными ударами меча, а нам ли не знать, какими мечами орудуют киммерийцы.

— Хозяин упомянул только одного киммерийца, — поправил Тахарку аквилонец.

— Он один вполне мог прикончить обоих. Значит, следует с ним за это рассчитаться. Впрочем, — Тахарка махнул рукой, — что зря рассуждать. Если он не будет проявлять к нам интереса, значит, и нам нечего обращать на него внимание. Если он нам опасен, мы в этом скоро разберемся. А до тех пор стоит быть поосторожнее. Впрочем, это никогда не вредно.

Аксандриас кивнул. Но все равно ему было явно не по себе. А когда он вдруг заметил рядом с собой какого-то человека богатырского роста, он подпрыгнул на месте от неожиданности и схватился за изысканно украшенную рукоятку своего меча. Широкая ладонь опустилась ему на плечо и заставила сесть.

— Как ты пуглив, мой друг, — проговорил гиперборей Куулво. — Я ведь пришел по приглашению твоего начальника, чтобы вместе поужинать. Я не собирался нагонять на тебя страху.

— Нечего было подкрадываться ко мне со спины, — огрызнулся Аксандриас. — Я не позволю шутить тут со мной всякие глупые шутки!

— Мне бы и в голову не пришло подшучивать над таким опасным человеком, как ты, — Куулво даже не пытался скрыть сарказм. Он сел и взял кубок с деревянной тарелки, которая стояла рядом с кувшином с вином.

Тахарка был очень доволен этой стычкой. Он собирался пригласить гиперборей в свою банду, а если подчиненные будут соперничать друг с другом — так что ж, тем легче будет ими управлять. Они должны быть лояльны к нему, а не друг к другу. А если кто-нибудь из них замыслил предательство, обязательно найдется человек, готовый донести обо всем в подробностях, лишь бы насолить собрату и тем самым возвыситься. Тахарка взял кувшин и доверху наполнил кубок гиперборей.

— Хозяин постоялого двора, — заговорил Тахарка, — сказал, что ты недавно воевал в Офире.

— Это точно. — Куулво опорожнил одним глотком половину кубка.

— Расскажи-ка немного об этом. Скоро мы собираемся туда. Кто там воюет, с кем и из-за чего?

— Сэт его знает, что там творится! Против короля восстало около дюжины его наместников, другие двадцать, или около того, поддерживают короля. И каждый из них готов в любую секунду перевернуться на противоположную сторону, если это будет выгодно. Например, служа у моего последнего нанимателя Аснана из Кхалката... я участвовал в двух битвах против короля и в трех за него. Ну а в последнем сражении так никто, по-моему, и не сумел разобраться, на чьей стороне воюет.

— Превосходно! — воскликнул Тахарка. — Эта страна будто создана для нас! Куулво, я собираюсь отправиться со своим отрядом в Офир.

— Можно попробовать, — отозвался Куулво. — Вероятно, найдется кто-нибудь, кто захочет вас нанять.

— Я не это имел в виду, — ухмыльнулся Тахарка. — Я привык командовать, а не подчиняться и не собираюсь менять своих привычек. Кто кого там у них победит, мне абсолютно безразлично, я не собираюсь становиться ни на чью сторону. Наоборот, мы постараемся избежать конфликтов и недоразумений, прокатимся по стране, а если нам подвернется выгодное дельце, не упустим возможность заработать. — Тахарка сопровождал свою речь изящными жестами, его глубокий бархатный голос ласкал слух, а в кольцах на тонких пальцах отражалось пламя свечей.

— Заняться разбоем? — Куулво задумался. — Что ж, дело выгодное. Нужно только суметь избежать ненужных встреч с тем великим множеством армий, которые там толкуются.

— Хороший проводник и советчик, знакомый с местными условиями, мог бы быть чрезвычайно полезен. Ты вроде не робкого десятка и привык орудовать мечом. А еще ты нуждаешься в работе. Вот я и предлагаю тебе работу: место в моем отряде. После загадочной

смерти моих боссонитов нас осталось четверо, но все это только пока.

Гиперборей задумался.

— А как же бои гладиаторов? Ведь вы имеете с этого приличный куш.

— Мне надоели эти забавы, — заявил Тахарка. — Завтра или в крайнем случае послезавтра мы убираемся отсюда.

— Ясно. Возможно, вы и правы. У властей есть гнусная привычка — портить людям удовольствие, когда они только-только разойдутся. Ну что ж, ничего не имею против еще одной поездки в Офир. Сейчас там затишье — исключительно редкая ситуация для Офира, и не самая лучшая для людей моей профессии. — Он хищно усмехнулся, и Аксандриас опустил глаза, не выдержав пронзительно—мрачного взгляда северянина. — Как акулу в большом океане, так и меня ведет запах крови, каким бы он ни был слабым или далеким.

— Вот такой человек мне по душе, — провозгласил Тахарка и поднял кубок. — Поздравляю тебя со вступлением в наш отряд. Я помогу тебе разбогатеть, уж скучать тебе никогда не придется.

Вскоре подошли гандеры, и Тахарка сообщил им, что в их полку прибыло, и представил им Куулво. Братья приветствовали его с наигранной сердечностью, хлопали по спине и клялись в вечной дружбе. Но никто и не думал принимать эти заверения всерьез, каждый прекрасно понимал, что не задумываясь предаст товарищей ради спасения собственной шкуры. А то и просто убьет, если это окажется выгодным. Такова уж бандитская природа.

Вдруг Тахарка заметил человека, движущегося в их направлении через помещение, которое постепенно начало заполняться. Невозможно было понять, сколько лет этому человеку с гладко выбритой головой, одетому в странный плащ. Он обратился к служанке с каким-то вопросом, и та, повернувшись, стала внимательно оглядывать зал. Заметив Тахарку и его людей, она, звякнув дешевенькими браслетами, указала на них рукой. Человек в странном плаще начал медленно пробираться в сторону бандитов.

Тахарка толкнул Аксандриаса в бок.

— Ты не знаешь, кто этот бритоголовый?

На лице Аксандриаса появилось удивленное выражение.

— Да это же тот жрец, который продал мне снадобье! Чего ему здесь надо?

Покрой строгого, безо всяких украшений, плаща вызывал у Тахарки какие-то малоприятные воспоминания. Уж слишком он был похож на те одеяния, которые однажды ему уже пришлось видеть, и больше всего на свете он не хотел увидеть их вновь.

— Тахарка из Кешана? — спросил жрец, отвесив глубокий поклон.

— Я самый. — Тахарка намеренно не предложил жрецу присесть за их стол. — Чем могу служить?

— Я бы желал переговорить с вами, сэ.р. Наедине.

— Мне, знаете ли, и здесь хорошо. Чего ради срывать с места и следовать за вами? Проданных вами снадобий мне хватит еще надолго, так что покупать я пока ничего не собираюсь.

Вообразив, что их начальник ловко отделался от надоедливого жреца, бандиты расплылись в довольных улыбках.

— Я собираюсь говорить не об этом. Если вы согласитесь пожертвовать часом своего времени и выслушать меня, то сможете получить колоссальную выгоду. Я вас долго не задержу, вы успеете вернуться еще до начала вечерних представлений.

Теперь Тахарке уже было неудобно отказываться следовать за жрецом. Люди могут

подумать, что он боится какого-то там служителя храма. Этого он допустить не мог. Встав из-за стола, Тахарка небрежно бросил:

— Если разговор о прибыли, тогда другое дело. — И добавил, обращаясь к своим собутыльникам: — Ждите меня здесь, я пообедаю, когда вернусь.

Тахарка последовал за жрецом, а Аксандриасом овладело беспокойство: ведь он далеко не все рассказал тогда Тахарке о своем посещении храма. И по вполне понятной причине. Как было описать испытанный им в храме необъяснимый ужас? Да Тахарка просто поднял бы его на смех. Аксандриас пожал плечами. Что ж, если Тахарка не вернется, он сам поведет банду. И вообще, одноглазая девица и непонятный киммериец беспокоили его гораздо сильнее.

Тахарка молча шел за жрецом по городу. Смеркалось. До улочки со стершейся от времени каменной мостовой было шагов сто, не больше. Они повернули. Тахарка увидел фасад древнего храма и буквально помертвел от ужаса. Ну почему этот недоумок Аксандриас не предупредил его?! Впрочем, о чем он мог предупредить? Ведь для обычного человека это мрачное сооружение всего лишь старый заброшенный храм, мало ли таких встречается в разных городах...

Подойдя к дверям храма, жрец остановился.

— Я служитель этого храма...

— Мне известно, каким богам ты служишь, — перебил его Тахарка, внимательно оглядывая улочку, по которой они пришли. Вроде никого поблизости нет, но лучше не рисковать. — Зайдем внутрь и поговорим спокойно.

Жрец шагнул в прохладный полумрак храма.

— Насколько я понимаю, с тобой вступали в контакт и раньше?

— Да, — ответил Тахарка и, выхватив кинжал, вогнал его по рукоятку в спину жреца, туда, где должно было находиться его сердце. Жрец упал, и Тахарка ударил его кинжалом еще дважды. По телу жреца пробежала короткая судорога, и он испустил дух.

Тахарка настороженно огляделся, вытер кинжал о плащ мертвеца. Кешанца редко посещал страх, а о совести он и понятия не имел. Но в этом забытом всеми пустом храме ему было попросту жутко. Он взглянул вверх и увидел длинный ряд змеиных голов, которыми оканчивались колонны. Подобное он уже видел однажды.

Стараясь стряхнуть с себя непривычную робость, Тахарка занялся трупом. Он потащил безжизненное тело за ноги подальше от порога, чтобы спрятать в полутьме за колоннами. Тахарка не стал искать какого-то более надежного места. Вряд ли здесь бывает много прихожан. Пока труп обнаружат, пройдет целый месяц. К тому времени Тахарка будет уже далеко—далеко отсюда.

Уже уходя, он подумал, что вечно голодные бродячие собаки могут учуять труп и привлечь внимание людей. Тогда он решил прикрыть дверь. И вдруг через почти затворенную дверь он увидел, или ему показалось, что сверху, из-за одной из змеиных голов, на него смотрит какое-то крошечное личико. Содрогнувшись, он плотно захлопнул дверь и быстрыми шагами направился прочь. Вот еще! Сходить с ума из-за всякой чепухи. Даже если и узнают, что совершено им, кого в этом городе взволнует смерть старого, никому не нужного жреца. Но все же Тахарка не мог успокоиться. Это личико, которое померещилось ему среди змеиных голов, смотрело, как бы в тайне глумясь над кешанцем.

Аксандриас был потрясен выражением лица своего начальника, когда тот появился на

постоялом дворе. Ничего похожего он еще не видел. Уж кто-кто, а Тахарка умел владеть собой, даже перед лицом смертельной опасности сохраняя полное присутствие духа. Сейчас же у него был такой вид, будто он увидел демонов. Когда кешанец подошел к столу, он уже овладел собой, Аксандриас видел, каких усилий это стоило.

— Чего хотел этот жрец, хозяин? — спросил он с неподдельным интересом: если у Тахарки есть слабое место, то ему неплохо знать об этом.

— А, чепуха, — ответил кешанец. — Он хотел всучить мне еще кое-какие снадобья. Я сказал, чтобы не терял времени. Сам знаешь, эти нищие жрецы вечно пытаются выжать деньги из простаков.

Аксандриасу вспомнились те несметные сокровища, которые он видел в древнем храме, и он понял, что Тахарка лжет. Это было уже интересно.

— Да, мой господин, все эти жрецы одного поля ягоды.

Тахарка взял с блюда жареную курицу и принялся за еду, помогая себе тем самым кинжалом, которым он только что заколол жреца.

— О всемогущие боги, как я голоден!

Тахарка налил себе полный кубок вина и осушил его, как показалось аквилонцу, с не свойственной ему жадностью.

— Друзья мои, — сказал Тахарка, окончательно совладав с собой, — я рад, что мы уезжаем отсюда. Судя по тому, что рассказывал наш новый товарищ, в Офире нам придется по душе.

Гандеры покорно закивали, но, по правде говоря, им не слишком хотелось менять легкую жизнь в Кротоне на возможно опасные приключения в Офире.

— Как скажешь, начальник.

Аксандриас так и не понял, что же, собственно, произошло между жрецом и Тахаркой и почему Тахарка так странно вел себя. Внутренний голос подсказывал ему, что, сумей он разгадать тайну кешанца, в дальнейшем это могло бы принести ему много пользы. Стоило еще поразмыслить над этим.

Тем временем в сумраке темного храма что-то происходило. Высоко под потолком, в тени колонн со змеиными головами двигались и верещали какие-то маленькие человекоподобные существа. Вот одно неожиданно сорвалось со своего насеста под крышей и, расправив перепончатые крылья, мягко спланировало к неподвижному телу. Существо щелкало и присвистывало, осматривая труп, потом, подняв голову, испустило резкий повелительный крик. Воздух внутри храма зашелестел, когда больше дюжины маленьких существ разом слетели вниз.

Форма тела этих существ была человекоподобной, и лица их тоже были почти человечески, вернее, гротескно человечески. Пальцы кончались черными когтями, хвост был голый, как у ящерицы, а их самих покрывала короткая темная шерстка. В сложенном виде их крылья домиком возвышались над головой.

Еще несколько минут они тихо о чем-то совещались, потом каждый занял определенное место у тела жреца. Вот они встали на колени и начали произносить нараспев какие-то заклинания, прерывая их через равные промежутки времени пронзительными выкриками. Они монотонно раскачивались, их головы и хвосты тоже не переставая двигались, иногда существа вдруг менялись местами, но ни на миг не прервали своего монотонного

песнопения. И вот по прошествии нескольких часов тело жреца слабо шевельнулось. Потом оно еще некоторое время было неподвижно, и вдруг по нему пробежала судорога, другая, третья. Человечки издали восторженный вопль, но тут же возобновили чтение заклинаний. У жреца появилось дыхание. Оно со свистом и клекотом вырывалось из его груди, вокруг носа и рта пузырилась кровавая пена, однако спустя некоторое время она исчезла, и дыхание стало нормальным.

Веки жреца дрогнули, затрепетали и распахнулись. Сознание долго еще не возвращалось к нему и наконец вернулось. И тогда на лице жреца одно за другим сменили друг друга изумление, страх и безумная ярость. Постепенно лицо разгладилось и вновь приобрело спокойное и невозмутимое выражение.

Медленно, с трудом, жрец приподнялся и прислонился к каменной колонне. Маленькие крылатые человечки—демоны в безумной радости принялись описывать вокруг него стремительные круги, кувыркаться от восторга и распевать гимны радости.

Слабая улыбка тронула губы жреца:

— Вы хорошо потрудились, мои маленькие слуги, и вам положена награда.

С трудом жрец поднялся на ноги. Потом, собираясь с силами, прислонился к колонне. Возвращение из смерти — нелегкое дело, даже для таких, как он. Несколько неуверенных шагов — и воскресший ухватился за следующую колонну. Когда он дошел до треножника, то уже почти совсем пришел в себя. Через некоторое время он мог идти уже почти нормально. Остановившись у треножника, он стал глядеть на зеленое пламя. И за то время, что он на него смотрел, к нему вернулась его прежняя сила.

Жрец вытянул руки и коснулся пламени. Кончиками пальцев он принялся рисовать в огне какие-то сложные узоры. Шлейф ярких искр тянулся за его пальцами и таял в огне.

— Итак, Тахарка из Кешана, тебе открылось уже кое-то из твоего будущего, — произнес жрец, устремив глаза куда-то вдаль, будто разглядывал что-то далеко-далеко на горизонте. — И увиденное тебе очень не понравилось. Что ж, хочешь ты или нет, но от судьбы тебе не уйти.

Пальцы жреца продолжали ткать невидимый узор среди зеленых языков огня, и постепенно в пламени возникло чье-то лицо.

Калья была вне себя от злости. Большую часть своей молодой жизни она боялась мужчин и не доверяла им. А теперь, когда она почти поверила этому киммерийскому великану, чьи представления о чести более или менее совпадали с ее представлениями и который так же, как и она, преследовал одну цель — месть, все рухнуло. Он оказался таким же двуличным, как и остальные. Пусть попробует не объяснить ей, где пропал прошлой ночью! Все тогда между ними кончено. С Аксандриасом она и сама управится. Ведь обходилась же как-то раньше, пока не повстречала Конана.

Калья брела по базару, мрачно размышляя о том, как неуважительно поступил с ней Конан. Прохожие сторонились, завидев безумный блеск ее единственного глаза. Почти все утро она слонялась по городу без дела. Возвращаться в их общую с Конаном комнату ей не хотелось. Раньше в подобных случаях она просто садилась, прислонившись к стене, и бездумно глядела в одну точку. Из-за этой привычки люди и начали считать ее сумасшедшей. Но сейчас ей вовсе не хотелось сидеть неподвижно.

Несколько часов Калья провела на городской стене. Кругом не было ни души, и это ее устраивало: шумное уличное столпотворение изматывало ее. Калья сбросила плащ, выхватила оружие и принялась за энергичную разминку. Она проделывала упражнения с мечом и кинжалом. Вступала в бой с воображаемым противником. Нападала и оборонялась, делая ложные выпады. Резко оборачивалась, чтобы защититься от будто бы подкрадывающегося сзади врага. Ее оружие и доспехи сверкали на солнце, рассыпая каскады солнечных зайчиков. Но если кто из горожан ее и заметил, то вряд ли отважился бы подойти поближе. Калья казалась большой дикой кошкой, играющей со своей добычей.

Наконец она, тяжело дыша, остановилась. Тело ее блестело от пота. Привычные движения, требующие большой точности и сосредоточенности, успокоили ее, однако злости на Конана не поубавили. Калья вложила меч и кинжал в ножны и, скрестив ноги, неподвижно уселась на плаще, пока солнце высушивало пот на ее теле.

Какой-то звук привлек ее внимание и вырвал из полузабытья. Калья вскочила и подошла к наружной стороне стены. Она увидела, что с востока к городу приближается группа всадников. С такого расстояния нельзя ничего разглядеть, но по тому, как держались в седле некоторые из них, ей показалось, что руки их связаны.

У Кальи заколотилось сердце — а вдруг это те, кого они ищут? Она досадливо мотнула головой и поправилась — ей нужен только один, тот, кого она ищет. Остальные ее больше не интересуют. Пусть живут хоть тысячу лет, ей теперь нет до них дела, никакого дела.

Всадники приближались к воротам. Если это Тахарка со своей бандой, им придется ехать через рыночную площадь, чтобы доставить пойманных рабов туда, где их содержат, — в барак с клетушками. Калья быстро подхватила плащ и бросилась по ступенькам вниз со стены, чтобы успеть перехватить всадников на площади. Она с трудом заставила себя идти по улицам нормальным шагом, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Оказавшись на базаре, она выбрала подходящий дверной проем и укрылась в его тени. Едва она успела занять позицию, как показались всадники. Вокруг них сразу началось оживление: люди окликали их и здоровались.

Увидев двух светловолосых мужчин, Калья похолодела, но тут же расслабилась: ни тот ни другой не был Аксандриасом. Должно быть, это гандеры. Эти два северных воина

выглядели достаточно грозно, впрочем, не более грозно, чем обычно. Они вели за собой лошадей, на которых сидели люди со связанными руками. Пленники молчали и безучастно глядели перед собой. По-видимому, их уже накачали каким-то успокаивающим снадобьем.

Когда Калья увидела следующего всадника, она невольно затаила дыхание — так он был хорош. Несомненно, это Тахарка. Высокий, экзотически темнокожий, с осанкой короля, он был одет настолько пышно и ярко, что на любом другом его одежда показалась бы абсолютно нелепой и безвкусной. Но его необычную привлекательность она лишь подчеркивала и оттеняла. Тахарка показался девушке настолько неотразим, что она чуть не пропустила того, кто ехал за ним вслед. И когда она поняла, кто это, кровь остановилась в ее жилах.

К счастью, последний наездник задержался, чтобы напиться из фонтана. Калья внимательно разглядела его. Он мало изменился. Все еще красив, но что-то в нем проглядывало хитрое и коварное, делаая облик его отвратительным. В седле аквилонец держался отлично, а когда наклонился с седла, чтобы напиться, то сделал это с дерзкой грацией. И тут заметил ее.

Калья стояла неподвижно. Она была слишком горда, чтобы прятаться. Она заметила, что Аксандриас разглядывает ее, и по выражению его лица поняла, что осталась неузнанной. Это было и не удивительно. С тех пор, как он видел ее в последний раз, прошло много лет, и вряд ли она хоть чем-то напоминала ту маленькую девочку, какой некогда была. На его лице отразилось недоумение, затем, притворившись равнодушным, он тронул лошадь и лениво двинулся в сторону постоянного двора.

Когда Аксандриас исчез из виду, Калья поняла, что дрожит с головы до пят. Но не от страха, а от невероятного душевного напряжения — закончилась ее погоня, она настигла своего врага. С самого детства вся ее жизнь была посвящена одной цели: выследить и убить этого человека. И все это время она ни разу не видела его и не знала, жив ли он и постигнет ли его ее месть. Но теперь было ясно, что ее жизнь достигла своей высшей точки.

Не двигайся она с таким упорством и самозабвением к единственной цели своей жизни, возможно, ей и пришло бы в голову, что нелепо в свои неполные двадцать лет считать, что, осуществив долгожданное мщение, она исполнит свое жизненное предназначение. Калья была так поглощена этой жаждой мести, что, если бы ей сказали, что глупо тратить жизнь на одну только ненависть, она бы не поняла этого.

В их с Конаном мире никто не заглядывал далеко вперед. Рассчитывать на мирную старость тоже не приходилось. Избравший героический путь к славе всегда, не задумываясь, рискует своей жизнью.

Но, разумеется, ни о чем таком Калья и не размышляла, бредя по древним улицам Кротона. Наконец-то ее враг находится рядом! Вот и все, о чем она была в состоянии думать. Но нельзя слишком поддаваться чувствам, это к добру не приведет. Заметив небольшой трактир, Калья зашла внутрь и спросила вина. Ей надо было спокойно все обдумать.

Учителя фехтования учили ее не поддаваться гневу и трезво оценивать ситуацию. Ей следовало надежно продумать план действий. Хорошо бы и задуманное осуществить, и в живых остаться. Учителя подчеркивали, что не всегда возможно достичь желаемого, но тогда следует отказаться от своих намерений. Вот об этом Калья даже не хотела и думать. Существует третий путь, говорили ее учителя. Осознанно пожертвовать своей жизнью, чтобы убить

врага. По этому пути можно идти только в самых особых случаях. Что ж, это, конечно, не лучший вариант. Калья с удовольствием избежала бы его, но, если до этого дойдет, все же

лучше осуществить свою месть даже ценой жизни.

Она обдумала свои возможности. Боссониты мертвы, и сподручных Аксандриаса осталось только трое. Увидев их, она поняла, что боссониты были самыми слабыми из всех. Эти гандеры — серьезные противники и, судя по всему, привыкли действовать в паре. Вряд ли она сможет одолеть их, когда они вдвоем.

Кешанец показался ей еще более страшным, чем гандеры. Подо всем этим пышным облачением ее зоркий взгляд разглядел превосходного воина. Случалось, конечно, что внешность обманывала, но не в этом случае: все его небрежные ленивые движения не скрывали прирожденную грацию умудренного, выдавшего виды фехтовальщика. Калья с удивлением подумала о том, что смогло превратить этого незаурядного человека в гнусного негодяя.

Впрочем, какое это имеет значение. Ее интересует только Аксандриас. Как убить его, чтобы ее в свою очередь не убили другие? Еще вчера ответ был бы прост: обсудить это с Конаном и вместе решить, как лучше действовать: убить их порознь, по двое, а то, может, даже сразиться со всеми одновременно. Если бы ее поддержал киммериец, это последнее было бы вполне осуществимо. Но теперь гордость не позволяла Калье искать его помощи.

Просто убить Аксандриаса не так уж и трудно, однако убить его следовало так, чтобы он знал, из-за чего умирает, и чтобы он понял, кто его убивает. Иначе в смерти не было никакого смысла. Вызвать его на поединок? Нет, это никуда не годилось. Типы, подобные ему, не имеют понятия о чести. Да, он согласится сражаться, а когда начнется бой, остальные нападут на нее сзади.

Но у Кальи есть одно маленькое преимущество: он не узнал ее. Теперь она сможет приблизиться к нему, а он не будет знать, кто она и что собирается делать. Возможно, так и придется поступить: втереться к нему в доверие, как бы ни отвратительна была сама эта мысль. Аквилонец весьма тщеславен и думает, что его чары неотразимы. При необходимости придется воспользоваться этой его слабостью.

Солнце скрылось за домами, и столик Кальи погрузился в тень. Пора уходить. Она допила вино и вышла из трактира.

Рынок закрывался, и любители острых ощущений двинулись в сторону <Райского приюта>. И горожане, и вновь прибывшие в город караванщики рвались на еженощное представление, желая насладиться кровопролитием. Возможность насладиться видом коечьей крови сегодня вечером весьма прельщала и Калью.

<Райский приют> шумел. Калья опустила в руку привратника несколько монет и вошла. Она отвергла предложенное ей вино, и прислужница скорчила за ее спиной гримасу — Калья не относилась к числу посетителей, пользующихся расположением прислуги. Она брала мало вина. Ее интересовали только поединки.

Войдя в общий зал, Калья остановилась у стенки возле красивого сундука с бронзовыми накладками и инкрустацией из слоновой кости, изготовленного из ценных сортов дерева. Такие сундуки изготовляли в Куше. Ее предположение оправдалось: работорговцы занимали большой стол у самой арены. Девушка собиралась перейти к ним поближе, как вдруг заметила, что их теперь пятеро. Она проглотила уже готовое сорваться с языка проклятие — пятый был гиперборей!

Длинными вечерами они с Конаном коротали время, разглядывая посетителей

<Райского приюта> и обсуждая их с точки зрения бойцовских качеств. Здесь всегда хватало сильных крепких мужчин, достаточно искушенных в обращении с оружием. Большинство из них были охранники, сопровождающие караваны, разбойники с большой дороги, наемники, но ни один из них не показался им серьезным противником. Но этот гиперборей явно выделялся на общем фоне. Конан заявил, что всегда терпеть не мог Гиперборею, равно как и гипербореев, и с большой неохотой признал, что высокий северянин — крепкий орешек.

Неужели он присоединился к шайке? Калья одернула себя, ведь теперь все это ее не касается. И разбираться с гипербореем придется не ей, а Конану. Ее же интересует один Аксандриас. Калья глубоко вздохнула и с безразличным видом приблизилась к столу, за которым сидел Тахарка с компанией. Кешанец был увлечен разговором с новым членом своей банды.

— Скажи мне, мой друг, что ты знаешь о высоком киммерийце, который частенько здесь бывает в последнее время?

— Киммерийский юнец? — Куулво выгнул брови. — Я видел его. Он не слишком разговорчив. Приходит сюда обычно с одноглазой девицей. Раз мы с ним перекинулись парой слов о какой-то схватке. Полагаю, он искусно владеет мечом, как, впрочем, и все его соплеменники. Но он молод и неопытен. Хотите нанять его?

— Думаешь, он нам пригодится? — ответил вопросом на вопрос Тахарка.

— Что ж, он ничем не хуже других, но гиперборей всегда враждовали с киммерийцами, и рано или поздно мы с ним сцепимся. Я его, разумеется, убью, но тогда... — Куулво умолк, заметив в двух шагах от их стола закутанную в плащ фигуру. — Да вот и она сама, эта девица. Только сегодня она без своего приятеля.

Калья подошла к столу и окинула сидящих дерзким взглядом своего единственного глаза. На Аксандриаса она не обратила ни малейшего внимания и обратилась к Тахарке.

— Ты тот самый иностранец, что поставляет бойцов? — Ее хриплый голос прозвучал вызывающе.

— Да. — Тахарка был озадачен. — А что, у тебя есть боец, которого ты хочешь поставить против моего?

— Я слышала, что тому, кто пожелает сразиться с вашими бойцами, назначена награда, — уклончиво ответила Калья.

Сидящие за столом обратились в слух. За соседними столиками люди тоже насторожились: похоже, заваривалась интересная каша.

— Да, я назначил награду, — сказал Тахарка, — но, увы, до сих пор еще не нашлось смельчака, который был бы готов рискнуть. Одна тысяча золотых аквилонских монет причитается тому, кто решится на бой с моим гладиатором.

Если этот удалец останется жив, ему будет выплачена еще одна тысяча, — итого две, а если мой воин убьет его, тогда первая тысяча достанется тому, кого он назовет перед боем. Ну и кто же тот человек, пожелавший рискнуть жизнью ради славы и денег? Не киммериец ли, о котором я уже наслышан?

— Нет. Это я.

Калья сорвала с себя плащ и швырнула на пол. Публика ошеломленно стихла, потом раздался восторженный свист, аплодисменты и многоголосый шум. Странное сочетание обнаженного тела и минимума доспехов, что на ней были, понравилось публике, привыкшей к необычным зрелищам.

— Ты?! — Тахарка призадумался, поглаживая надушенную бороду.

— Хозяин, у нее нет ни единого шанса, — вмешался в разговор гиперборей.

— Ну и что с того? — искренне удивился Тахарка.

Он повернулся к Калье:

— Какое у тебя оружие?

— Оно перед тобой, — ответила Калья, вытаскивая из ножен меч и кинжал. Стальные клинки блеснули в свете факелов, вызвав очередной прилив энтузиазма возбужденных зрителей.

Тахарка взглянул на лица, обращенные к нему со всех сторон. В них явно читалась жажда крови. Это прекрасно. Правда, рабов не обучали владению оружием такой длины, но это, в сущности, не важно. Боец, одурманенный его снадобьем, даже не почувствует ран от такого острого и тонкого клинка. Если же, вопреки всему, эта девица останется жива, то слава об этом поединке вполне окупит потерю денег. Конечно, лучше всего, если они убьют друг друга.

— Ты свободная женщина, — сказал Тахарка, — и вольна распоряжаться своей жизнью как тебе угодно. Я принимаю твой вызов. — Толпа буквально взвыла от восторга. — Хозяин постоянного двора будет сохранять деньги во время боя. — Тахарка сделал знак, и хозяин бросился со всех ног к своему сейфу, чтобы отсчитать необходимую сумму. Он мысленно потирал руки, прикидывая, как этот бой скажется на его доходах. Труп юной воительницы на песке арены! Это, несомненно, гвоздь сезона: его доходы возрастут, как минимум, вдвое!

— У моего гладиатора будет короткий меч и щит, — обратился Тахарка к Калье. — У меня нет бойцов, умеющих обращаться с такими фитюльками, как у тебя. Не возражаешь? — Глаза его блестели от предвкушения хорошего развлечения.

Калья пожала плечами:

— Это мне безразлично.

Тогда Тахарка повернулся к гиперборею:

— Пойди и выбери кого-нибудь из тех, кто должен был драться сегодня. Да побойчее.

— Как прикажешь, хозяин, — откликнулся Куулво и вышел.

— Ну, а теперь, отважная дева, тебе надо выбрать помощника, который сойдет с тобой на арену и будет держать ножны от твоего оружия, чтобы они не мешали тебе во время боя. Хочешь умаслить тело? Таков обычай.

— Вообще-то, — проговорила Калья, — я не позволяю мужчинам прикасаться к себе, но раз уж таков обычай, я согласна.

От желающих оказать ей такую услугу не было отбоя.

Тахарка повернулся к братьям гандерам:

— Отлично, Вольф, ступай принеси масло и...

— Нет, — перебила его Калья. Она подошла к Аксандриасу и погладила его по щеке. — Вот этот нравится мне больше всех. Ручаюсь, что и руки у него самые нежные. Пусть он мне поможет.

Зрители принялись оживленно комментировать ее выбор. Тахарка тоже не смог удержаться от смеха:

— Как пожелаешь! Этот красавчик будет твоим помощником, решено. Аксандриас, приступай к делу.

Аквилонец не мог оторвать глаз от девушки с того момента, как она сбросила с себя плащ. Никогда в жизни не видел он такого прекрасного тела, стройного и гибкого. Сильные мышцы пластично переливались под гладкой кожей, подчеркивая прелесть ее

соблазнительных форм. Ну и что ж, что у нее только один глаз. Когда она погладила его по щеке, остатки тех подозрений, которые у него еще сохранялись, растаяли, как хлопья снега под палящими лучами солнца пустыни. Аксандриас встал и отвесил свой самый изысканный поклон:

— Считаю за честь оказать услугу такой прелестной даме.

Не обращая внимания на малопрстойные шутки, аквилонец послал одну из прислужниц за бутылью с душистым маслом. Когда его принесли, и он, и Калья спустились на арену. Калья непринужденно продемонстрировала одну за другой свои самые соблазнительные позы и с деланным нетерпением повернулась к Аксандриасу.

— Ну что же ты? Умащивай меня!

Широко ухмыляясь, аквилонец принялся втирать масло в ее плечи и спину. Калья улыбнулась и, доставляя удовольствие зрителям, очередной раз изящно выгнулась. Все ее силы уходило на то, чтобы никто не заметил, насколько отвратительны ей прикосновения человека, которого она собиралась убить. Он втирал масло в ее левое бедро, затрачивая на это намного больше времени, чем требовалось. Затем умастил ее плоский, твердый живот и ребра под правой, защищенной металлической чашечкой, грудью. Когда его рука скользнула к ее левой обнаженной груди, мощный удар в челюсть отбросил его на песок.

Удар Кальи привел в восторг многочисленных зрителей, но буря восторга мгновенно утихла, когда Калья выдернула из ножен меч и приставила его острие к горлу Аксандриаса.

— Я пришла сюда не затем, чтобы сражаться с каким-то паршивым рабом, — вскричала она. — Мне нужен только ты! Вставай и защищайся!

Аксандриас с трудом поднялся на ноги, потирая челюсть.

— Мерзкая тварь! Какая муха тебя укусила?

— Хочешь посмотреть, что ты со мной сделал? Хочешь посмотреть, что твое раскаленное железо сделало с Кальей? Смотри, трус!

Она сорвала с лица кусочек черной кожи, обнажив безобразный шрам на том месте, где когда-то был глаз.

— Калья, — выдохнул он, побледнев как мел. Взгляд его дико блуждал. — Но Калья давно умерла!

— Тебе не повезло, ублюдок, — прошипела она, крадясь к нему с грацией пантеры. — Твой кинжал лишил меня возможности петь, и говорю я теперь с трудом. Я понимаю, ты считал, что я умерла. Ведь мало кто сумел бы выжить от такой раны в девятилетнем возрасте, но я выжила. А теперь, гадина, защищайся!

Она сделала выпад, но аквилонец быстро отступил, выхватив из ножен узкий клинок. Мечи скрестились дважды, и теперь уже Аксандриас заставил ее отступить.

— Тебе следовало умереть вместе с твоей матерью, шлюха. Что ж, еще не поздно это исправить!

Он обрушил на нее шквал ударов, но она успешно защищалась мечом и кинжалом. Холодная улыбка искривила ее губы, когда она начала теснить аквилонца. Толпа ликовала, радуясь неожиданному повороту дела, и подзадоривала противников. В этот момент появился Куулво, ведущий за собой на цепи раба.

— В чем дело? Они что, не могли подождать немного?

— Эта девица решила посчитаться с Аксандриасом за какую-то старую обиду и напала на него.

— Она довольно искусно управляется с мечом, — заметил Куулво. — Может статься, у

вас будет на одного человека меньше.

— Ну, этого-то я не допущу, — ответил Тахарка. — В конце концов, должен же я заботиться о своей репутации. Что скажут мои люди, если я позволю одному из них погибнуть, отстаивая свое достоинство?

Публика восторженно взвыла, когда Калья, сделав стремительный рывок, едва не пригвоздила Аксандриаса к стенке. Тот сумел уклониться, продемонстрировав чудеса ловкости, за что тоже был вознагражден одобрительным гулом публики: большинство зрителей считало, что он чересчур робок.

— С этим пора кончать, — сказал Тахарка. — Вольф, Гюнтер, ступайте на арену и прикончите девчонку.

Когда два светловолосых гандера показали на арене, со всех сторон послышались возмущенные крики:

— Нечестно!

Казалось, гандеры ничего не слышат. Калья прокляла все на свете, увидав их. Она ведь уже почти одержала верх над Аксандриасом: еще пять—шесть выпадов — и песенка аквилонца была бы спета. Она должна убить его прежде, чем друзья успеют прийти к нему на помощь! Однако аквилонец оказался быстр и умел в обращении с мечом. Замысел Кальи срывался.

Девушка встала так, чтобы за спиной у нее оказалась стенка. Гандеры приступали, сжимая в руках широкие тяжелые мечи. Аксандриас держался рядом с ними. Испуганное выражение его лица сменилось зловещей ухмылкой. Из толпы послышались негодующие крики, когда вокруг Кальи, ставшей внезапно такой слабой и уязвимой, начало стягиваться кольцо из трех здоровенных мужчин. И вдруг все стихло, когда на арену по-кошачьи мягко спрыгнул некто пятый. Он приземлился за спинами наступающих гандеров и Аксандриаса. Те резко обернулись, услышав его боевой клич.

— Зря рассчитывали на легкую победу, собаки! — прорычал Конан. — Попробуйте-ка одолеть того, кто элю предпочитает кровь гандеров!

— Киммериец! — рявкнул Гюнтер. — Прежде чем позабавиться с твоей девкой, мы изрубим тебя на кусочки!

Гандеры напали на Конана, а Калья снова начала атаковать Аксандриаса. У нее чуть слезы не брызнули от радости, и не потому, что Конан спас ей жизнь, а потому, что у нее появился еще один шанс рассчитаться с Аксандриасом.

Толпа неистовствовала, вопила и заключала пари. Только два человека наблюдали за происходящим со спокойным холодным расчетом. Куулво спросил:

— Подсобить им, хозяин?

— Пожалуй, не стоит, — отозвался Тахарка, поглаживая бороду унизанной кольцами рукой. — Для такой арены шесть человек — это явный перебор. Слишком велика опасность получить случайную рану, какой в этом прок? Нет, конечно, трое наших справятся с этими двумя.

— Не знаю, не знаю, — протянул Куулво. — Этот киммериец и мне бы доставил хлопот.

Тем временем на арене шла яростная схватка. Каждый жаждал крови своего противника и не согласился бы на меньшее. Гандеры атаковали Конана с двух сторон, и ему приходилось нелегко. Киммериец держал свой меч обеими руками, проявляя чудеса ловкости, парируя обрушившийся на него шквал ударов.

Один из гандеров на секунду потерял равновесие, столкнувшись с Аксандриасом, и

Конан не упустил свой шанс. Он вонзил меч в грудь Вольфа с такой силой, что он вышел с другой стороны, легко пробив доспехи. Его брат Понтер дико взвыл и удвоил натиск.

Управиться с одним противником уже не составляло для Конана большого труда. Он легко парировал удары Гюнтера, но, когда занес меч, чтобы нанести последний удар, неожиданно поскользнулся в лужи крови. Конан, обладавший невероятной ловкостью, почти сразу выправился, но момент был упущен, и меч Гюнтера грозил поразить его.

В это время, увлекшийся атакой, Аксандриас не рассчитал, и Калья сильным ударом бросила его наземь. Теперь, когда он был беспомощен, Калья медлила, предвкушая радость последнего удара. И тут она увидела меч Гюнтера, готовый пронзить Конана. Инстинктивно девушка повернулась и всадила кинжал в не защищенную доспехами полоску кожи под мышкой Гюнтера, а затем пресекла его крик боли ударом меча по горлу.

Обернувшись, чтобы прикончить Аксандриаса, она увидела, что тот проворно выкарабкивается по ступенькам с арены. У Кальи вырвался вопль отчаяния, и она бросилась следом за аквилонцем. Конан не отставал от нее. Все обитатели постоянного двора разразились неистовыми криками восторга, когда дерущиеся выскочили наверх.

— Пять тысяч! — вскрикнул хозяин постоянного двора, подбегая к ним. — Пять тысяч за каждое выступление! Мы все разбогатеет!

Конан пнул его с такой силой, что толстяк отлетел в сторону, как перышко.

— Прочь, негодяй! Где работорговцы? Где они? Он оглядывал толпу, мельтешащую у него перед глазами, и не мог найти ни Тахарку, ни Аксандриаса. А в это время в другом конце двора Аксандриас говорил Тахарке и Куулво:

— Они сущие дьяволы, хозяин! Давайте убираться отсюда поскорее!

— Твои советы лучше, чем твое фехтование, мой друг, — ядовито отозвался Тахарка. — Впрочем, к делу! Эта толпа пустоголовых чурбанов может в любую минуту вспомнить о нашем не вполне спортивном поведении, и тогда нам действительно может не поздоровиться. Аксандриас, ступай и оседлай наших лучших коней. Я заберу наше золото. Куулво, иди за мной.

Конану показалось, что он наконец заметил Тахарку, и он начал пробиваться в ту сторону. Калья следовала за ним по пятам. Они уже приближались к тому месту, где видели Тахарку, когда у входа на постоянный двор началось какое-то волнение. Людей, стоявших там, кто-то теснил внутрь. <Королевские гвардейцы! Королевские гвардейцы!> — послышались крики.

Во внутреннем дворике воцарилась тишина. В образовавшемся проходе показались два офицера. Один был в форме немедийской армии, другой — аквилонец. За ними следовали вооруженные люди с мечами с короткими пиками.

— К порядку! — вскричал аквилонский офицер. — Мы разыскиваем банду работорговцев, которые захватывали свободных людей и заковывали их в цепи. Они совершали набеги на обе наши страны — Аквилонию и Немедию, а кроме того, причинили ущерб королевскому палачу. Всем оставаться на своих местах, пока мы будем их искать.

Глаза немедийца расширились, когда он осмотрел толпу.

— О великий Митра! Да здесь же собрались почти все преступники, которых мы ищем, по которым давно уже плачет веревка. Окружить их и никого не выпускать! Мы озолотимся, получив обещанные за всех этих бандитов награды.

Королевские гвардейцы двинулись вперед. Тут же возник невообразимый хаос: одни выпрыгивали в окна, другие карабкались по деревянным столбам наверх, стараясь влезть на

галерею, третьи пытались спрятаться в погребках, четвертые пробовали силой пробиться сквозь ряды гвардейцев. Неразбериха усилилась, когда факелы, вырванные из гнезд, с шипением погасли в фонтане и все вокруг погрузилось во тьму.

Калья схватила Конана за руку:

— Идем, надо скорее бежать отсюда, иначе они бросят нас в темницу, и мы проторчим там невесть сколько времени, пока они разберутся, кто есть кто.

— И неизвестно, где тогда придется искать Тахарку с Аксандриасом, — согласился с ней Конан. — Бежим!

Они пробились к ближайшей лестнице. Конан втащил Калью наверх, расшвыривая всех на своем пути. Внизу раздавался шум битвы, сапоги гвардейцев грохотали, приближаясь все ближе и ближе, звенела сталь клинков. Конан поймал за руку прислужницу.

— Где тут лестница на крышу?

— Нету никакой лестницы, — пролепетала испуганная девушка. — Хозяин опасался, что будут убегать по крыше, не заплатив.

— Сэт его побери! Калья, стой тут!

Конан вспрыгнул на поручни и выпрямился во весь свой гигантский рост. Кончики его пальцев едва достигали края деревянной крыши, крытой свинцовыми листами. Калья чуть не вскрикнула, когда Конан, подпрыгнув на своей неустойчивой опоре, подтянулся. Киммериец с усилием перекинул тело через край крыши, его меч громыхнул о свинец. Затем юноша лег на живот и свесился вниз.

В этот момент Калья услышала за спиной громыханье подкованных железом сапог и поняла, что к ней приближаются гвардейцы. Один из них, заметив ее, закричал:

— Вот один из этих бандитов! Ловите его!

Они уже приближались к ней, когда Калья в отчаянии вцепилась что было сил в протянутую руку Конана. Тот напряг все мышцы своего мощного тела и в последний миг выдернул ее из рук гвардейцев. Калья ободрала живот об острый край крыши, но зато лежала теперь рядом с Конаном в полной безопасности. В который раз подивилась она поразительной силе киммерийца.

Под собой они слышали удивленный голос:

— Куда же он исчез, этот негодяй? Но что еще более странно, почему у него такая гладкая кожа?

Конан и Калья зажали себе рты, чтобы не расхохотаться.

— Идем, — прошептал юноша. — Надо забрать вещи и лошадей.

Калья поднялась на ноги и последовала за Конаном на другую сторону крыши. Узкая улочка отделяла их от дома напротив. Было темно, и дороги не было видно, но у Кальи сразу закружилась голова при одной только мысли о зияющем под ногами провале.

— Прыгай, — скомандовал Конан. — Здесь близко.

Она затрясла головой:

— Ни за что! Лучше уж вернуться и пробить себе дорогу мечом.

— Ну, если ты не желаешь прыгать, моя птичка, тогда тебе придется полетать.

Он схватил ее своими ручищами и, не обращая внимания на испуг, бросил изо всех сил на крышу дома напротив. Испытав очень краткий, но тошнотворный ужас полета, Калья обрушилась всей тяжестью на соломенную крышу. Сначала она беспомощно скользила вниз, но вскоре сумела каким-то образом притормозить. Глухой удар — и Конан приземлился рядом с ней.

— А теперь на ту сторону, — велел он.

Они перебрались через гребень — вниз по противоположному скату крыши. К счастью, их крыша примыкала вплотную к следующей плоской крыше, которая в свою очередь упиралась в городскую стену. Быстро пробежав по стене, они уже через несколько минут были у таверны, влезли через окно и принялись быстро собирать вещи.

— Знаешь, девочка, — сказал Конан, — когда я проснулся и увидел, что тебя нет, я сначала ни о чем таком не подумал. Но когда стемнело, а тебя все не было, я заподозрил неладное. И как же хорошо, что я успел вовремя!

— Мне бы следовало сердиться на тебя, — ответила Калья, — но ты спас мне жизнь, и теперь я у тебя в долгу. — Она запихнула последние вещи в переметную суму.

— А ты спасла мою, так что мы квиты. И здорово, что я прикончил этого гандера. Жаль, что не прикончил второго, но тут уж ничего не поделаешь. Ладно, пошли, пока гвардейцы не закрыли городские ворота.

Они спустились вниз и оседлали своих дремавших лошадей. Подъехав к воротам, они поняли, что совершенно зря беспокоились: из города устремлялся огромный поток пеших и конных, и никаким гвардейцам было бы его не сдержать. Улучив момент, Калья сорвала с какого-то прохожего плащ, чтобы заменить оставленный ею в <Райском приюте>. И вскоре они уже скакали прочь от города.

Куулво и Аксандриас ехали некоторое время за Тахаркой. Вдруг гиперборей заметил, что их командир сидит на коне, как-то странно согнувшись. <Уж не ранен ли он?> — подумал Куулво. Он подъехал к кешанцу и дотронулся до его плеча. С изумлением он понял, что Тахарка смеется, причем смеется так, что слезы текут у него по лицу.

— Ты когда-нибудь видел что-либо подобное? — спросил Тахарка, едва переведя дух. — Просто светопреставление, первозданный хаос. В общем-то, в этом и состоит суть жизни, мой друг. Кровь и безумие — вот соль бытия. — И он опять зашелся неудержимым смехом.

Куулво ошеломленно уставился на хозяина и вдруг тоже захохотал:

— Сушая правда, хозяин! Как приятно служить человеку со схожими взглядами!

Аксандриас ехал и радовался тому, что остался жив и что избавился от братьев—гандеров. Но ему совсем не улыбалось находиться в компании двух безумцев. Он вздохнул и уныло покачал головой. Перед ними простиралась дорога, которая вела в бескрайние кровавые земли Офира.

Когда Конан и Калья поняли, что Тахарку им не догнать, они пустили лошадей шагом: не было никакого смысла в этой ночной погоне. Вскоре они остановились на ночлег у небольшого ручейка. Конан расседлал лошадей, растер их и привязал неподалеку. Калья тем временем разводила костер — вокруг было много сухого валежника.

Когда он подошел к огню, девушка сидела на сложенном плаще, устремив глаза в пламя. Он дружески улыбнулся ей.

— Ты выглядела просто великолепно!

— Значит, ты все видел? — спросила она.

— А то как же. Пока на арене были только вы с Аксандриасом, я, разумеется, не вмешивался. А вот когда появились гандеры, я понял, что настал и мой черед.

— А ты уже был, когда я показывала Александриасу, что у меня вместо глаза? — спросила она сдавленным голосом.

— У всех воинов есть шрамы. Это предмет гордости, а не стыда. Ну, а когда дитя справляется с подобной болью, это значит лишь то, что у него отважное сердце воина.

— Спасибо тебе за эти слова, — тихо проговорила Калья. Она откинулась назад, упершись рукой в землю. Ее все еще покрытое маслом тело блестело в свете костра. Помолчав немного, она начала свой рассказ: — Моя мать была вдовой, очень одинокой и очень богатой. Мы жили в большом доме в Тарантии. Однажды у нас появился красивый светловолосый юноша. Звали его Александриасом. Он был из приличной семьи и представился как друг моего покойного отца. Мать прониклась к нему доверием, и вскоре он приходил к нам уже каждый день. Мне же он сразу не понравился, но моя мать не желала ничего слышать. — По телу Кальи пробежала непроизвольная дрожь, она прерывисто вздохнула. — Как-то раз, вернувшись домой от соседей, я нашла при входе окровавленные трупы двух наших слуг. Я бросилась в комнату матери и увидела там Александриаса и еще каких-то мужчин. Они привязали мою мать к стулу и пытали ее, требуя сказать, где хранятся деньги и драгоценности. Я не успела убежать. Александриас схватил меня. Он раскалил в жаровне кинжал и поднес к моему глазу. Он кричал, что

ослепит меня, если мать не заговорит. От ужаса мать онемела. Это разозлило Александриаса, и он выжег мне глаз. Я потеряла сознание, а когда очнулась, увидела на стуле то, что было когда-то моей матерью. Если бы я не знала, что это должна быть она, то вряд ли бы догадалась. Я попыталась позвать на помощь, но у меня не было голоса: Александриас полоснул мне кинжалом по горлу, думая, что убьет. Мне понадобился почти целый день, чтобы доползти до дверей и привлечь внимание соседей. Родственники взяли меня к себе, хотя и не слишком охотно. Они позаботились, чтобы я получила приличное образование. Несмотря на единственный глаз и поврежденные голосовые связки, они надеялись, что, благодаря богатству и семейным связям, удастся найти мне подходящего жениха. Они зря беспокоились, я обручилась с мечом.

— Не слишком-то подходящий избранник для молоденькой девушки, — проговорил Конан.

— Он вполне меня устраивал. Когда я решила, что уже прилично управляюсь с мечом, то попрощалась с родственниками и друзьями и отправилась искать убийц матери. Через два года я нашла двоих. Их смерть не назовешь легкой, и все же ее нельзя даже сравнивать с тем, что пришлось перенести моей матери перед своей кончиной.

Конан потянул Калью за руку и поставил на ноги.

— Мы обязательно отомстим, ты и я, — торжественно произнес он. — Но, пожалуйста, давай забудем обо всем хотя бы на эту ночь.

Конан привлек девушку к себе, но та уперлась рукой ему в грудь.

— Подожди. Те люди, за которых ты мстишь... Среди них была и твоя возлюбленная?

— Да, но она мертва, — ответил Конан и сжал девушку в объятиях.

Калья больше не противилась.

Зеленые просторы Офира расстилались перед ними. Пологие холмы катились один за другим монотонной чередой, ручьи и узкие речушки пересекали широкие долины; к востоку земля была плоской, как степь.

— Взгляда не хватает, такие пространства, — сказал Конан, — а мы потеряли след. И как же теперь мы их разыщем?

Конан был слегка растерян, однако сдаваться вовсе не собирался. Он готов был хоть всю жизнь бороздить эти просторы, пока последний из его врагов будет жив.

— Мы их найдем, — уверенно заявила Калья. — Вот только рыскать по всей стране, надеясь случайно наткнуться на них где-нибудь, не имеет никакого смысла. Их дела выдадут их самих. Такие люди не могут находиться нигде сколько-нибудь продолжительное время и не получить печальную известность. Я думаю, нам следует отправиться в одну из провинций, где сейчас происходят междоусобные стычки, ведь эти стервятники обязательно слетятся на падаль. Мы выберем город на пересечении нескольких дорог — слухи со всего района неминуемо обсуждаются на местном рынке.

Конан кивнул:

— Хорошо придумано. Если они будут в тех местах, мы обязательно услышим о смуглом южанине, главаре шайки мародеров. Ты знаешь какой-нибудь подходящий город?

— Я никогда не была в Офире. Давай пока поедem по этой дороге, а в первом же селении порасспрашиваем жителей. Я думаю, нам не составит труда сделать выбор.

Они тронули коней и начали спускаться с аквилонских гор на офирские равнины. Дорога, которую и дорогой-то можно было назвать с трудом, так редко по ней ездили, привела их вскоре в маленькую деревушку, слишком удаленную отовсюду, чтобы интересовать воюющие стороны. Но из этой приграничной деревушки в глубь страны уходил довольно оживленный тракт. Следы разрушений здесь были не видны, но то, что идет война, было совершенно очевидно. То и дело попадались им увечные или раненые солдаты, которые либо ехали куда-то, либо в маленьких городках лечились и приходили в себя после боев. Домашний скот люди старались угнать подальше, прятали в глубоких лощинах, чтобы уберечь от мародеров.

Никого не насторожило, когда Конан и Калья принимались расспрашивать, где сейчас идут военные действия. Их принимали за наемников, желающих наняться на службу. Калья в своем плаще была очень похожа на молодого воина, ведь люди видели только ее суровое лицо с орлиным глазом.

В отдаленных от селений местах Конан и Калья частенько охотились, чтобы хоть как-то разнообразить свою довольно скудную пищу. У Кальи был с собой короткий охотничий лук, а Конан не потерял сноровку в обращении с копьем и пращой, так что они частенько лакомились по дороге дичью. Будь это спокойные времена, вряд ли им удавалось бы так легко охотиться, но сейчас местной знати и их егерям было не до браконьеров — шла война.

Конан поведал Калье о Халге и его семействе, о Наэфе, о том, какую резню учинили Тахарка со своими наемниками. Больше он о себе не рассказывал, да Калью и не интересовало ничего, не имеющее прямого отношения к их мщению. Именно жажда мести накрепко связала их.

Наконец они добрались до города Леукты, что лежал на пересечении трех больших и

нескольких мелких дорог. Городская стена была высока и крепка, на башне развевалось знамя наместника. Хотя город и находился в зоне военных действий, никто не пытался его захватить: слишком большая армия понадобилась бы для этого.

— Я думаю, это как раз то, что нам надо, — сказала Калья. — Ты только посмотри: в каждой амбразуре сверкает шлем воина, а на стене вооруженная стража в доспехах. Бьюсь об заклад — сейчас там гарнизон в три раза больше, чем в мирное время. Вот здесь-то и подождем вестей о наших головорезах. — Ее голос звучал не слишком весело, долгая идиллия их длинной дороги закончилась, и пора было возвращаться к тому, с чего все началось, — кровавой мести.

— Пожалуй, ты права. — Голос Конана звучал тоже уныло. — Но чем же мы займемся, дожидаясь вестей? Я мало знаю о городской жизни. Весь мой опыт здесь сводится к тому, что надо удираТЬ от властей, ведь каждый день грозит закончиться в каталажке.

— Прежде всего, — сказала Калья, — мы не должны ни во что влипнуть. У нас еще осталось немного золота, и мы вполне можем какое-то время на него жить. Так что никаких драк и скандалов. Город кишмя кишит солдатами, это видно даже отсюда. Поэтому уж потрудись держать себя в руках и не выхватывать меч по любому поводу. А когда деньги кончатся, тогда посмотрим.

У ворот стояли стражники, с крепостной стены подозрительно поглядывали лучники, держа наготове свое оружие. Конану и Калье пришлось дожидаться своей очереди на вход в город в разношерстной толпе торговцев и бродячих актеров.

Коротая время, некоторые актеры принялись кувыряться, другие жонглировать, развлекая себя и других своими фокусами. Один малый особенно понравился Конану. Удивительно ловко он жонглировал одновременно шестью кинжалами: они летали у него с такой скоростью, что были почти неразличимы, но каждый раз попадали рукояткой ему точно в ладонь. Киммериец умел восхищаться чужим искусством, особенно если дело касалось оружия.

— Кинжалы острые? — спросил он жонглера, когда тот остановился.

Жонглер взглянул на него с некоторым удивлением:

— Проверь сам.

И резким движением бросил Конану один из кинжалов. Киммериец без труда поймал кинжал почти у самого своего лица. Обтянутая кожей рукоятка не скользила в руке, а сам кинжал был превосходно сбалансирован. Конан дотронулся до лезвия и увидел, что оно не менее острое, чем у его кинжала.

Лицо жонглера прояснилось после того, как Конан ловко поймал кинжал.

— Похоже, ты имел дело с оружием, приятель. Другие бы просто шарахнулись, швырни кинжал им прямо в лицо.

— Значит, другие боятся стали, — ответил Конан, — а я люблю ее, как положено любить свою семью.

Он бросил кинжал жонглеру, и тот не просто поймал его, а сразу послал вращательным движением вверх, пустив вслед за ним остальные пять. Движения его были настолько быстры, что Конан даже не успевал их различать. Кинжалы слушались жонглера, точно тот их заколдовал. Конан обычно остро чувствовал малейшее присутствие магии и сейчас точно знал, что здесь никакой магией и не пахнет. Просто этот парень в совершенстве владеет своим искусством.

Когда Конан и Калья приблизились к воротам, писарь с неудовольствием оглядел их. Он

сидел за небольшим складным столиком, перед ним стояла чернильница, лежали перья с бронзовыми наконечниками и листы стигийского папируса. Пальцы его были в чернилах, а на лице застыла важная мина, столь обычная у представителей низшей власти. Они назвали ему свои имена. Тот записал их.

— Вы здесь по какому делу? — спросил писарь.

— Мы путешествуем, — ответила Калья. — Может, попробуем наняться здесь на работу.

— Наемники, — быстро сообразил писарь. — Имейте в виду, у нас в городе вербовка запрещена.

— Не о вербовке речь, — ответила Калья. — Через ваш город проходит много караванов. Может, кому-нибудь понадобятся люди для охраны.

— Еще двое бродяг, — недовольно проворчал писарь. — Здесь их и так пруд пруди. Вам известно, что должники подвергаются у нас наказанию плетьюми?

— У нас есть деньги. — Калья показала кошель.

Стоявший рядом Конан едва сдерживался от ярости.

— Что ж, тогда вам полагается сначала снять помещение для себя, потом оплатить пребывание лошадей в конюшне. Не положено спать на улицах или на площадях. Как только вы найдете жилье, немедленно поставьте в известность городскую охрану. Каждый день своего пребывания в нашем городе вы должны являться туда и подтверждать свое местожительство. Не сделаете этого до полудня, тогда стражники разыщут вас и отправят в тюрьму, если выяснится, что вы не в состоянии заплатить штраф. Когда будете уезжать, сообщите об этом мне, и я вычеркну вас из списков. Вам все понятно?

— Абсолютно понятно, — ответила Калья сквозь стиснутые зубы.

Они заплатили пошлину и въехали в город.

— Мне случалось отправлять на тот свет подобных невеж, — заметил Конан. — А если в городах так принято, по мне, уж лучше быть варваром.

Калья улыбнулась, хотя улыбка была редкой гостьей на лице девушки.

— Я знавала места и похуже. Например, в иных городах каждому выдают свидетельство, которое надо ежедневно подписывать у городских властей и предъявлять по первому требованию. А если поймают без такого свидетельства, сажают в тюрьму. Но, конечно, не во всех городах такое. Просто самые маленькие и провинциальные городишки — хуже всего. Их власти из кожи вон лезут, чтобы доказать свою цивилизованность. Ну, а такие большие города, как Тарантия, открыты для всех, и там можно вести себя как хочешь. В пределах разумного, конечно.

— Когда я покончу со своим делом, — мечтательно произнес Конан, — я обязательно проживу в таком большом городе. — Хоть он был настоящим варваром, блага цивилизации его соблазняли.

— И я, — без особой убежденности проговорила Калья.

Сказать по правде, она совершенно не думала, что будет делать после расправы с Аксандрасом. Она едва могла вспомнить то время, когда месть была не единственной целью ее жизни.

Девушка и киммериец нашли конюшню для лошадей и небольшую каморку для себя. Затем оа Калья.

— Нет! Одно дело — уметь обращаться с мечом, и совсем другое — проникнуть незаметно в лагерь противника. Я научился эрны, но и там никто не мог им ничего рассказать.

— Не стоит отчаиваться, — сказала Калья, когда они вышли из пятой по счету таверны. — Если они ехали сюда этой же дорогой, то не могли опередить нас больше, чем на несколько дней. Тахарке понадобится время, чтобы собрать новую банду. Затем он подыщет подходящее место для своего промысла, и еще какое-то время нужно, чтобы люди начали о них говорить. Следует набраться терпенья. Может, нам и придется проторчать здесь несколько недель.

— Грустная перспектива, — откликнулся Конан. — Местные развлечения скоро приедятся. И знаешь ли, я не уверен, что смогу все свое свободное время вести себя тихо.

— Ну, тогда мы придумаем для тебя какое-нибудь веселое занятие.

Этим же вечером они набрали на большой постоялый двор, примыкающий к рыночной площади. Собственно, само помещение для готовки еды было невелико, а вот двор — пространство, окруженное кованой решеткой, — очень велик. С одного его края под открытым небом стояли маленькие столики, и за ними сидели главным образом солдаты гарнизона и всякий приезжий люд. На середине двора шло выступление акробатов.

— Подходящее место, — отметила Калья. — Давай-ка послушаем, что нам тут расскажут.

Они зашли внутрь, напустив на себя весьма важный вид, чем сразу привлекли всеобщее внимание. Особенно заинтересовала всех Калья: она отбросила назад плащ, и теперь он висел за ее плечами. Сегодня многие встречные были поражены, поняв, что перед ними женщина. Конан тоже не избежал их пристального внимания, хотя он был интересен скорее с практической точки зрения: они прикидывали, чего стоит юноша как боец и трудно ли будет с ним справиться, если до этого дойдет дело. Хозяин подобострастно подвел их к столику, стоящему ближе всего к центру.

— Не те ли это актеры, которых мы видели у городских ворот? — спросил Конан.

— Да—да, это они, — ответила Калья, любуясь мастерством акробатов.

Выступавших было восемь — четверо мужчин и столько же женщин, и не одна только Калья смотрела на них безотрывно. Акробаты проделывали просто фантастические трюки: изгибались, принимая немыслимые позы, их кульбиты поражали воображение, казалось, для них не существует земного притяжения. А когда все восемь взгромоздились один на другого, образовав гигантскую пирамиду, и стали при этом делать всякие непристойные жесты, публика пришла в неопиcуемый восторг.

Акробатов сменили пожиратели огня, а затем жонглеры. Появившиеся после жонглеров менестрели играли на своих инструментах и пели песни, повествующие о самых последних событиях в стране. Конан и Калья слушали очень внимательно, но никто не спел о смуглом южанине.

Наконец на площадку вышел тот жонглер кинжалами. С ним-то Конан и разговаривал у городских ворот. Его сопровождала довольно мускулистая девица, на которой не было ничего, кроме узенькой набедренной повязки и драгоценностей. Пока помощники устанавливали деревянный щит размером с дверь, жонглер подбрасывал кинжалы в воздух. Казалось, они образовали сплошной сверкающий круг. Когда щит был надежно закреплен, жонглер послал ножи во все стороны. И каждый из них воткнулся в середину одного из столиков, за которыми сидели посетители. Это понравилось зрителям. Они с удовольствием начали проверять остроту лезвий.

Конан выдернул из столешницы дрожащий нож и швырнул его обратно жонглеру, тот узнал Конана и кивнул. Собрав со столов все кинжалы, жонглер принялся метать их,

повторяя контуры силуэта женщины, стоящей перед деревянным щитом. Подобный трюк не был редкостью, но публика снисходительно похлопала. Жонглер опять собрал кинжалы и начал теперь с силой кидать их прямо в свою партнершу. Казалось, каждый бросок будет последним и пригвоздит к щиту. Но с невероятной ловкостью женщина изгибалась, как угорь, и уворачивалась от смертоносной стали. Зрители то и дело охали при виде того, как она едва умудряется избежать рокового попадания. Кинжалы летели в нее один за другим, с невероятной быстротой, а она ни разу не отступила за край щита.

— Это просто невероятно, — выдохнула Калья, — этого не может быть. Наверно, здесь какой-нибудь фокус. Конан, посмотри повнимательнее: наверно, он не бросает кинжалы, а они каким-нибудь хитрым образом сами выскакивают из досок. Я вроде слышала о чем-то таком.

— Нет, тут все чисто. Просто они мастера своего дела. Помню, когда я был мальчишкой, мы частенько забавлялись, бросая ножи в цель, но ни о чем подобном мне и слышать не приходилось. Да, я бы очень и очень поостерегся обидеть этого малого, когда у него под рукой кинжал.

— Я хочу узнать, как он это делает, — не унималась Калья. — Ты с ним уже знаком, так пригласи их за наш столик после выступления.

Номер закончился под восторженные крики публики, и жонглер опять собрал кинжалы. Аплодисменты стихли, когда зрители поняли, что выступление еще не закончено. Девушка встала спиной к щиту, ноги вместе, руки прижаты у телу. Жонглер оставил себе на этот раз только пять кинжалов: три в правой руке и два в левой. Он выдержал драматическую паузу, и все в ожидании затаили дыхание.

Жонглер резко выбросил вперед обе руки одновременно, и в девушку полетели все пять кинжалов разом. В то же самое мгновение она раздвинула ноги и подняла руки на уровень плеч. Кинжалы, выпущенные левой рукой, вонзились в дерево по обе стороны от ее шеи, причем настолько близко, что едва не поцарапали кожу. Из трех других кинжалов два вонзились прямо под мышками, обтянутые кожей рукоятки касались боков девушки. Пятый кинжал вонзился между ногами, край его лезвия прикасался к узкой полоске набедренной повязки. Публика взорвалась аплодисментами и просто стонала от восторга.

Острый глаз Конана подметил, что во время последнего номера кинжалы летели с меньшей скоростью, чем прежде. Но все равно ловкость, которой потребовал номер, казалась просто сверхъестественной. Конан помахал рукой, приглашая жонглеров за свой столик. Жонглер согласно кивнул. Пока он складывал в коробку свои кинжалы и наблюдал за тем, как убирают деревянный щит, девушка переделалась и вышла в свободной яркой тунике.

— Это было великолепно! — сказала Калья, когда актеры сели за столик. — Как вы сумели достичь такого совершенства?

— Не так уж это и трудно, — широко улыбнулся жонглер. Улыбка осветила его некрасивое лицо. — Просто надо родиться жонглером, потом много-много лет тренироваться, а когда решишь, что уже достиг определенного мастерства, жениться на девушке, которая тебе доверяет.

— Дело тут не только в доверии, — возразила Калья. — Для того чтобы так двигаться, одного доверия мало. У меня самой прекрасная реакция, но даже на пике формы мне очень далеко до вашей жены. Может быть, один из богов к вам особенно благосклонен?

— Боги тут ни при чем. Это сплошь одна тяжелая работа. Я, как и мой муж, родилась

для этой профессии. В моей семье все были акробаты и танцоры. Мои родители, потомственные акробаты, тренировали меня с самого рождения. Я не умела ходить, а уже умела кувыркаться. В семь лет я начала выступать вместе с родителями. С семьей жонглерской, с семьей Вуллио, мы познакомились в Заморе.

Слуги принесли заказанный обед. Теперь рассказывал Вуллио:

— Я рано понял, что меня интересует только жонглирование ножами, кинжалами или чем-нибудь в этом роде. Без напарника — живой мишени, а лучше всего хорошенькой девушки — жонглирование кинжалами всего лишь эффектный номер. Риула как раз достигла подходящего для замужества возраста, когда две наши труппы начали выступать вместе. И в отличие от своих сестер, она совсем не боялась холодной стали клинков.

— Ваш финал просто великолепен, — сказала Калья.

— Но выступление не окончено, — ответила Риула. — Будет еще один номер, когда люди поедят и выпьют. И стоит его посмотреть.

Конан обратил внимание, что Вуллио и Риула почти не притронулись к вину и ели тоже очень мало: чуть-чуть сыра, овощей, хлеба и маленький кусочек жареной рыбы. Было ясно, что их заработки, как, впрочем, и сама жизнь, зависели напрямую от ясной головы и физического состояния. Конан подумал, что такая жизнь не по нем. Слишком уж он любил позволить себе порой больше, чем следовало.

Когда тарелки со столов были убраны, человек в каком-то невероятном одеянии выскочил на середину двора и прокричал:

— Уважаемые гости! Этим вечером вам предстоит удовольствие насладиться искусством удивительного мага. Никогда в жизни вы не видели ничего подобного! Приготовьте ваши глаза к зрелищу, которое можно встретить лишь в таинственных монастырях Вендии и в далеком Кхитае. Я представляю вам великого Гураппу!

Послышались редкие хлопки. На этом постоялом дворе собрались выдавшие виды люди. Чтобы потрясти их, одного только восторга зазывалы было маловато. Эта публика хотела дел, а не слов.

— Посмотрите выступление, — прошептал Вуллио. — Гураппа присоединился к нам совсем недавно. Такого вы и впрямь никогда не видели.

Человек, появившийся на площадке, ничем не походил на профессионального фокусника. На нем не было ни обычного в таких случаях плаща, расшитого мистическими символами, ни диковинного головного убора. У него не было ни фальшивых бровей, ни бороды, выкрашенной в какой-нибудь необычный цвет. В руках у него не было никаких атрибутов его искусства. Не было даже самой простой волшебной палочки из орешника.

Гураппа был высок и худ. Его черное одеяние спускалось до самых щиколоток, оставляя обнаженными длинные сильные руки. Волос на голове не было, череп обтягивала тонкая пергаментная кожа. На безгубом лице зияли из черных провалов глаза, как выгоревшие дотла звезды.

— Сэт! — воскликнул шепотом кто-то за соседним столиком. — Да наш королевский палач просто душка рядом с этим привидением.

— Добрый вечер, друзья мои, — сказал Гураппа. Его голос вполне мог принадлежать обитателю гробницы. — Я умоляю вас быть ко мне снисходительными и уделить несколько минут быстротекущего времени. Если вы окажете мне эту честь, я приложу все силы и позабавлю вас несколькими трюками в меру моих убогих способностей. Ничего не делайте, только смотрите.

Маг сделал жест рукой, и зрители в ужасе вскрикнули: постоянный двор окружили высокие языки пламени. Казалось, что весь город в огне. Люди в панике вскакивали на ноги, опрокидывая скамейки. Но все крики внезапно прекратились, когда пламя исчезло, будто его и не было, не оставив за собой ни жара, ни дыма.

— Это всего лишь фокус — иллюзия, — произнес нараспев своим странным голосом Гураппа. — Иллюзия — вот то искусство, которому я себя посвятил. Помните, все, что вы увидите, это всего лишь самая обыкновенная иллюзия, праздное развлечение в приятный летний вечер. Мои жалкие попытки развлечь вас ни в коем случае не причинят вам вреда.

И потрясенные зрители могли наблюдать, как вокруг их столов вдруг выросли цветы, которые казались совсем настоящими, даже пахли, и только когда кто-нибудь протягивал руку, желая сорвать цветок, тот будто растворялся в воздухе. В углу двора стоял маленький крылатый стигийский сфинкс, приобретенный в незапамятные времена давно умершим владельцем. По команде мага каменное существо встало на ноги и спустилось со своего пьедестала. У сфинкса было тело льва, а голова какого-то древнего стигийского короля с очень злым лицом. Гураппа взмахнул рукой, и сфинкс, расправив свои перепончатые, как у летучей мыши, крылья, взмыл в воздух. Какая-то женщина изумленно вскрикнула. Зрители обернулись и увидели, что каменный сфинкс по-прежнему сидит на своем месте.

Фокус следовал за фокусом. Вдруг пошел снег и покрыл всю землю. С ближайших крыш свешивались громадные сосульки, и в этот теплый летний вечер люди задрожали от холода. Потом снег и лед исчезли, и на их месте возникли джунгли, кишачие пестрыми птицами и яркими насекомыми. Потом и джунгли исчезли, зато звезды на небе начали танцевать под неслышную никому музыку. А когда взошло солнце и звезды поблекли, то все подумали, что и вправду наступил рассвет. Потом кто-то заметил, что солнце взошло на севере. Потом и солнце село, и все стало на свои места, как было до выступления мага.

— Благодарю вас покорнейше за ваше внимание, — сказал Гураппа. — И напоследок еще одна крохотная иллюзия, и умоляю вас не забывать, что это всего лишь иллюзия.

Конан ожидал увидеть какое-нибудь завершающее невероятное зрелище и был поражен, когда перед ним в воздухе возникло вдруг всего лишь маленькое зеркальце, с ладонь величиной. Но потом зеркало начало расти и росло до тех пор, пока не стало размером с человека. В зеркале отражался он сам, затем изображение поблекло, и вместо него возникло новое. Конан увидел высокого, хорошо сложенного человека, чьи черные волосы и короткая борода сильно поседели. Человек сидел за столом из драгоценного дерева и читал какой-то свиток. Конан не мог видеть его лица, но одежды были великолепны, а лоб украшала узкая золотая диадема. Возле человека лежала великолепная королевская мантия и золотая корона. Человек повернул голову, будто услышал какой-то звук, и Конан с изумлением узнал в нем своего отца. Но откуда же у киммерийского кузнеца взялись королевская мантия и корона?.. И тут он понял, что видит себя самого, только постаревшим лет на тридцать.

Затем и королевские покои, и сам он исчезли. Теперь он смотрел в бездонную пропасть, где звезды в предсмертной агонии посылали пылающие щупальца своего холодного огня в невыносимые дали. Конан чувствовал, что стремительно движется сквозь это сводящее с ума невероятными размерами пространство к какой-то далекой цели.

А потом он оказался в других покоях. На всем лежала печать варварской роскоши. Золотые панели с изображением красавиц в сладострастных позах украшали стены. Вдоль одной из стен длинные ряды полок были уставлены от пола до потолка человеческими головами, на многих из них сияли короны. Везде стояли сундуки, наполненные

драгоценными камнями. Посреди всего этого варварского великолепия на высоком постаменте стоял трон. Мужчины в красивых одеждах стояли вокруг, склонив головы. Красивые обнаженные рабы были прикованы цепями у подножия трона. Восседавший на троне был одет в шитое золотом платье. Он рассмеялся, осушив до дна кубок, вырезанный из большого рубинового кристалла. Его темное, изборожденное морщинами лицо обрамляли седеющие волосы. Это лицо Конан видел однажды на постоялом дворе в Кротоне. Потом в зеркале он увидел свое сегодняшнее лицо. Потом зеркало вообще пропало.

Конан заморгал. В ушах раздавался ужасный шум, и только спустя несколько мгновений Конан понял, что это аплодисменты. Люди за столиками вопили и, как сумасшедшие, хлопали в ладоши. Мага нигде не было видно. Калья смотрела на Конана как-то странно. Он потряс головой. Что же это было?

Наконец Вулпио и Риула поднялись и попрощались, пообещав еще как-нибудь встретиться с ними. Конан и Калья вернулись домой. Юноша был погружен в мрачные раздумья. Пока Калья зажигала лампу, Конан надежно запер дверь, а потом спросил:

— Что ты видела в зеркале?

Калья, которая уже начала раздеваться, удивленно повернулась:

— В зеркале? Какое зеркале?

— Да я говорю про последний фокус мага. Ты разве не видела перед собой огромного зеркала?

— Никакого зеркала я не видела. Я, как и все остальные, видела огромного дракона, покрытого чешуей. По команде мага он поднялся над стеной, и стало казаться, будто он стоит за городом. Он был ужасно большой — не меньше двухсот пятидесяти, а то и трехсот футов. А когда он развернул крылья, то заслонил ими почти все небо. Из пасти у него стало вырываться пламя, и тогда все точно с ума от ужаса посходили. А потом он улетел, как тот сфинкс. Маг тоже куда-то делся, а ты смотрел на меня, будто видел не меня, а что-то такое далеко—далеко за моей спиной.

Калья села рядом с Конаном, он обнял ее за плечи и рассказал о том, что показало ему зеркало. Калья раздумывала несколько минут об услышанном, а потом сказала:

— Тут какая-то загадка. Злой император на золотом троне — это, конечно, Тахарка. А что до того, другого, короля, так, может быть, когда ты состаришься, ты станешь королем.

Конан лег и притянул к себе Калью.

— Надеюсь, что нет. Тот король, которого я видел, не был счастлив. Его снедало слишком много забот.

В последующие дни ничего интересного не произошло. Они несколько раз встречались с бродячими актерами, но разыскивать Гураппу и узнавать, что значили видения в зеркале, Конан не хотел.

Он боялся услышать нечто такое, о чем лучше и не знать вовсе. Когда же наконец он решился на осторожные расспросы, то узнал, что маг исчез сразу после того представления, и больше его никто не видел. Хозяин труппы имел из-за этого исчезновения массу неприятностей с городскими властями, потому что Гураппа не удосужился побеспокоиться, чтобы его имя было вычеркнуто из списков приезжих.

Чтобы хоть чем-нибудь занять себя, Конан охотился на близлежащих холмах и продавал дичь содержателям таверн и постоялых дворов. Калья же давала уроки фехтования молодым

горожанам, которые хотели совершенствовать свое мастерство.

Как-то вечером, когда лето уже перевалило за середину, Конан и Калья пришли навестить своих друзей, бродячих актеров. Риула принялась учить Калью уклоняться от броска кинжала, а Конан с Вулпио кидали кинжалы в столб. Закат окрашивал лезвия в красноватый цвет, когда они летели по воздуху и вонзались в цель.

— Ты способный ученик, способней всех, кого мне только приходилось учить, — заметил Вулпио, когда они вытаскивали кинжалы из столба.

Конану приходилось прилагать некоторые усилия, чтобы выдернуть свои, — он всегда кидал их с большой силой.

— Я их чувствую, — ответил Конан. — Но мне никогда не научиться метать их так, как это делаешь ты.

— Это единственное, что я умею, — пожал плечами Вулпио. — А ты воин и владеешь разными видами оружия. Не можешь же ты годами тренироваться только с одними кинжалами.

Когда стемнело, они присоединились к женщинам. Калья утирала пот какой-то тряпкой. Риула выглядела как всегда, она даже ничуть не запыхалась. В этот момент к ним подошел Горбал, хозяин труппы.

— Наконец-то! — вскричал он, театральным жестом воздев руки. — Наконец-то мы покидаем этот город, где людям давно уже надоели наши представления и они швыряют теперь нам корки от дынь чаще, чем деньги.

— Это действительно замечательная новость, — отозвался Вулпио. — Нам уже давно следовало быть на юге.

— Точно, — сказал Горбал. — Завтра отсюда по южной дороге отправляется большой караван. Это хорошо, ведь маленький — слишком соблазнительная добыча для бандитов.

— О каких это бандитах вы говорите? — спросил Конан. — Что, на юге много бандитов?

— Много, — подтвердил Горбал. — Да, кстати, вы ведь можете наняться в охрану. Обратитесь к Хаздралу, он главный в караване и наверняка недурно заплатит за хороший меч. Ручаюсь, он и Калью тоже наймет. — Горбал потряс головой. — Тем более что появилась эта новая шайка.

— Появилась какая-то новая шайка? — переспросила Калья с деланным равнодушием.

— Похоже, что так. Их главарь, говорят, сам южанин, со змеиным сердцем и такими замашками, будто он королевских кровей. А его помощник — неистовый гиперборей, и такой же жестокий, как и его хозяин. Так говорят люди.

На лице Конана расплылась довольная улыбка.

— Калья, давай пойдем поищем этого Хаздрала.

— Непременно. Мне тоже поднадоел этот город.

— С вами мы будем чувствовать себя спокойнее, — проговорил Вулпио. — А чтобы было удобнее защищать нас, вот вам достойное оружие. — И он бросил Конану один из своих самых лучших кинжалов.

— Благодарю, мой друг. — Конан вддел кинжал в ножны и повесил себе на пояс. — Ну, а теперь нам пора идти торговаться с Хаздралом. Пока мы защищаем вас, вам нечего бояться.

Впервые за долгое время Конан и Калья с легким сердцем отправились искать Хаздрала.

На подходящее пристанище Александриас наткнулся, можно сказать, случайно. С того момента, как они пересекли офирскую границу, разбойники всех мастей слетались к ним, как мухи на мед. Громилы и головорезы с отрубленными ушами, клеймами на лбах и татуировками на теле приходили к ним поодиночке и группами. И через несколько дней у Тахарки было уже столько людей, сколько перед его киммерийским рейдом. Теперь им требовалось надежное укрытие, где они могли бы планировать свои действия.

Александриас отправился на разведку, горя желанием вернуть расположение Тахарки и сменяемый завистью к Куулво, который как-то неожиданно быстро стал правой рукой начальника. Уже полдня Александриас разъезжал с двумя молчаливыми шемитами по округе, но не нашел ничего подходящего. Пока что банда стояла лагерем практически в открытом поле, и приходилось ставить много часовых, которые могли бы в случае опасности дать сигнал тревоги. Все это совершенно не нравилось ленивым, упрямым и туповатым громилам.

В полдень три всадника спешили, собираясь перекусить.

— Послушайте-ка, — сказал один из шемитов, приложив руку к уху. — Мне кажется, где-то журчит вода.

— Я тоже слышу, — отозвался Александриас. — Вот только где? Не видать никакого ручья. Давайте поищем.

Они проехали вдоль склона холма, но никакой воды не нашли.

— А теперь вроде журчит у нас за спиной, — сказал другой шемит.

— Как странно, — задумчиво пробормотал Александриас. — Попробуем подняться повыше.

Они поехали вверх по склону и вдруг наткнулись на расщелину, которая снизу была незаметна. Они въехали в узкий проем и с изумлением уставились на неожиданно представшую перед ними картину. Внутри холма оказалась громадная выемка — лужайка, поросшая зеленой травой. В дальнем конце виднелся широкий вход в пещеру, из которой и вытекал ручей, журчание которого они и слышали. Он тек через ложбину и снова уходил под землю перед самой расщелиной. Далее он тек, по-видимому, только под землей; ни на холме, ни у его подножия он на поверхность больше не выходил.

Александриас сошел с коня и напился. Вода была чистая и сладкая. Они подъехали поближе к пещере. Когда-то она, вероятно, использовалась как укрытие, потому что вход был завален большими глыбами, оставался только узкий проход для одного человека. Сама пещера была весьма внушительных размеров, ее освещали лучи солнца, попадающие внутрь через трещины в породе.

— Великолепно! — воскликнул Александриас. — Надо обязательно показать это место начальнику.

На следующий день Тахарка осмотрел расщелину, ручей и пещеру и провозгласил, что он вполне удовлетворен.

— Это место нам подходит, мой друг. Оно уединенно, и здесь есть трава для лошадей. Пещера укроет нас от непогоды, а ручей напоит. Один-единственный сторож у входа в расщелину — вот и все, что нам надо, чтобы чувствовать себя в безопасности. Ты хорошо постарался, мой друг, я очень тобой доволен.

Аксандриас самодовольно улыбнулся.

— Это еще не все, мой господин. Пойдемте со мной, остальные не должны этого видеть. — Освещая путь факелом, он провел Тахарку в дальний угол пещеры. — Я обнаружил это после того, как отослал за вами шемитов, — проговорил он таинственно.

Они вошли в узкий боковой проход, который заканчивался тупиком, заваленным большой грудой сухого валежника. Аксандриас отодвинул с одной стороны валежник, и там оказался еще один проход, прикрытый, словно дверью, сплетенными ивовыми прутьями. Протиснувшись в этот проход и пройдя совсем небольшое расстояние, они вышли на склон холма.

— Если привязать поблизости пару лошадей, а в проходе оставить мешок—другой награбленного, — сказал Аксандриас, — тогда, случись какая-нибудь неприятность, всегда можно было бы начать все заново.

Тахарка расхохотался и похлопал Аксандриаса по плечу:

— Ты не только умный, но и очень предусмотрительный. Я всегда это знал. Пусть дополнительный выход наружу будет нашим секретом; нехорошо выйдет, если эти негодяи заподозрят, что я могу их бросить в ответственный момент. Да и кроме того, случись худшее, в этом проходе будет просто не протолкнуться, если все в него ринутся.

Обосновавшись в новом укрытии, бандиты начали проводить регулярные рейды. Нужды ехать куда-то всем сразу не было. И Тахарка делил людей на три группы. Так они смогли охватить большую территорию. Одной из групп командовал он сам, а двумя другими Аксандриас и Куулво. Он постоянно менял состав отрядов, чтобы бандиты не успевали слишком привыкнуть к своему командиру или у них не возникло бы излишней привязанности к одному из его заместителей.

Тахарка установил твердое правило: нельзя было грабить ближе, чем в полудне езды от пещеры. Чем дальше она оставалась неизвестной, тем дальше они могли проводить свои набеги в этой местности. Если же их присутствие здесь обнаружится, то даже враждующие между собой наместники могут временно объединиться ради того, чтобы стереть их с лица земли.

Уже больше месяца бандиты совершали опустошительные набеги, свозя все награбленное в пещеру.

И скромная ферма, и богатый караван — все становилось добычей ненасытных разбойников. Никогда они не возвращались назад с пустыми руками. Даже если им не везло, то на обратном пути они хотя бы отбирали скотину у невезучего пастуха, попавшегося им на дороге. И если сегодня они пригоняли только барана или корову, что годилось для пропитания, то завтра они могли разжиться золотом и серебром.

Набеги эти не стоили никакого труда: власти были настолько заняты своими междоусобными распрями, что у них не оставалось ни времени, ни сил на охрану своего собственного народа. В ближайших городах, где размещались гарнизоны, постоянно жил кто-то из людей Тахарки, и, как только войско выезжало на войну с противником, Тахарке сразу же становилось это известно. Он всегда знал, где именно безопаснее всего грабить оставленных без мало—мальски надежной защиты жителей.

Теперь пещера ломилась от награбленного. Через Офир проезжало много караванов, а в маленьких городах можно было найти дома богатых купцов — легкая добыча для Тахаркиных молодцов. А еще существовали поместья аристократов. Они регулярно платили дань наместникам, чтобы те их не трогали, но ведь на бандитов это не распространялось.

Сундуки, наполненные драгоценностями и золотыми монетами, стояли вдоль стен пещеры. Рулоны ярких шелков, невероятно дорогих, заполняли целый угол. Промозглый, сырой воздух пещеры облагораживали ароматы восточных пряностей и благовоний.

Вся лужайка была поделена на загоны. Ближе всего к выходу, там, где трава была самой сочной, содержались захваченные во время набегов великолепные боевые и беговые лошади и лошади, специально натренированные для охоты на разных зверей. Для плененных людей был предусмотрен специальный отсек, который делился на несколько меньших. В самом большом находились те, кому предназначалось заниматься либо простыми строительными работами, либо работами в карьерах. В другом — ремесленники, предназначенные для продажи в мастерские и на плантации юга и востока. Еще был специальный отсек для мальчиков, получивших образование. Их с удовольствием покупали как прислугу в богатые имения.

Под постоянным надзором находились самые красивые молодые женщины и девушки, а также мальчики. За таких всегда можно было выручить самые большие деньги. Над этим отсеком было даже сооружено нечто вроде навеса, чтобы уберечь его обитателей от разрушающего действия солнца, дождя и ветра.

Однажды ранним вечером Тахарка сидел в пещере. Из сундуков, подушек и шелков для него было сооружено нечто вроде пышного трона. Он пил редкое вино из золотого кубка. Остальные бандиты бражничали, расположившись у ног своего господина. В большой яме посреди пещеры горел огонь, а над ним раб жарил на вертеле огромную тушу жирного быка из племенного стада. В серебряном сосуде, похищенном из какого-то храма, повар—раб приготовил специальную подливу из самых редких специй, и женщины—рабыни непрерывно поливали ею тушу быка.

Все бандиты были одеты с исключительной роскошью. А то, что детали их блистающих великолепием нарядов плохо сочетались друг с другом, их совершенно не заботило. Оружие, которым они были увешаны, искрилось от драгоценных камней. Они, так же как и Тахарка, пили дорогие вина из бесценных кубков — золотых, серебряных и хрустальных. Прислуживающие им невольницы были миловидны, но не так хороши, как красавицы, отобранные на продажу.

Тахарка, покачиваясь, поднялся на ноги и призвал к вниманию. Мгновенно стало тихо. Аксандриас цинично улыбнулся, отхлебнул из серебряной чаши, усыпанной аметистами. Он знал, что будет дальше. Ему уже не раз приходилось слышать подобные речи из уст Тахарки, обращенные к другим, ныне уже мертвым или в лучшем случае рассеянным по всему свету.

— Друзья мои! — воскликнул Тахарка, величественным жестом поднимая свой кубок. — Есть ли среди вас хоть один, кто был бы не доволен, как я командую вами, кому не пришлось бы по вкусу жизнь, данная мною? Если есть такой человек, пусть он скажет мне, чего ему не хватает, и я дам ему это! — В ответ раздался гул голосов, выражающих полное удовлетворение своей жизнью. — Значит, вы всем довольны? — спросил Тахарка. Восторженный гул зазвучал еще громче. — Прекрасно! Что до меня, я не могу себе представить, что можно жить лучше, чем мы живем сейчас. — С озабоченным видом он понюхал воздух. — Вроде воздух становится тяжелым. — Тахарка наклонился над одним из сундуков и, зачерпнув оттуда пригоршню ароматических солей, бросил их в огонь. В тот же миг благоуханный аромат разлился по пещере. — Ну вот, так-то оно лучше. Эти благовония предназначались для великого храма Митры в Нумантии, а теперь они услаждают нас. Это ли не замечательно, друзья мои? И вот так мы будем жить всегда! — Бандиты шумно

возликовали. Тахарка продолжил своим звенящим голосом: — Мы всегда будем есть прекрасное мясо, сдобренное самыми лучшими специями. Мы всегда будем пить вино, которое под стать королям. Мы всегда будем одеваться в шелк и бархат, украшать себя золотом, драгоценными камнями: янтарем с севера, жемчугом с востока, кораллами с южных морей. Коней мы будем выбирать из королевских табунов. Красивейшие рабыни будут исполнять малейшую нашу прихоть.

Ликованию бандитов не было границ. Открывшаяся перспектива пьянила их. Еще совсем недавно они ходили оборванные и вечно голодные, прятались в холмах и готовы были перерезать глотку любому ради нескольких медных монет. Теперь же им казалось, что они всегда будут жить в роскоши, сладко есть, а пить — сколько душа пожелает.

Когда восторженные крики поутихли, Тахарка прокричал:

— А теперь выпьем за нашу удачу, и пусть завтрашний день принесет нам еще больше богатства!

Когда бык изжарился, бандиты принялись отрезать от него куски сочного мяса своими кинжалами и набивать рты, куда как более привычные к черствому хлебу и тухлой воде темниц и тюрем. Тем, кому было лень двигаться, рабыни подносили мясо на больших серебряных блюдах.

Тахарка наблюдал с удовольствием за этой сценой, не переставая про себя удивляться, как дешево можно купить людей. Сквозь толпу пирующих бандитов к нему приблизилась высокая сухощавая фигура Куулво.

— Хозяин, пойдемте со мной. Вы должны это видеть.

Потребности Куулво в еде, вине и женщинах были самые умеренные. Удовлетворение он получал от кровопролитий и смертоубийств. Тахарка понимал, что из-за пустяка Куулво не станет его беспокоить.

— Разумеется, мой бесценный друг, я пойду с тобой. Все равно я собирался осмотреть сегодня наше хозяйство, а особенно рабов, предназначенных на продажу. Да и вечер хорош для прогулки. Веди же меня.

Когда они выходили из пещеры, люди продолжали есть, пить и веселиться, лишь один Аксандриас смотрел мрачно. Как он ни старался, не получалось у него забыть одноглазую Калью. И зачем только этот призрак из прошлого явился мучить его?

Мало того, что эта девка вернулась из царства мертвых, так еще и унизила его при всех! На глазах хозяина она одержала над ним верх. Да что там говорить — чуть не убила его! И кто этот громадный киммериец, который был с ней?..

После бегства из Кротона Аксандриас рассказал Тахарке, почему Калья пылает к нему такой ненавистью.

— Я был тогда очень молод, хозяин. Был глуп и поспешен. Разве сейчас я оставил бы живого свидетеля, случись что подобное.

Тахарка, по своему обыкновению, изобразил сочувствие и сострадание:

— Да, мой бедный друг, это вышло не очень удачно, но что теперь поделаешь. Все молодые люди делают ошибки. Я и сам не исключение, но ведь мы учимся на наших ошибках, разве не так? А кроме того, я считаю, что эта девица проявляет совершенно неприличную мелочность, преследуя тебя из-за событий такой давности. Она просто плохо воспитана.

После той схватки с Кальей Аксандриас похудел и постарел. Он ел очень мало, а пил больше, чем следовало. Воспоминание о Калье грызло его душу и лишало всякого аппетита.

Вот и сейчас Аксандриас мрачно опустошил чашу с вином и налил еще.

Выйдя из пещеры, Тахарка направился прежде всего туда, где содержались лучшие из рабов. Он внимательно осмотрел их, заглядывая каждому в рот, чтобы проверить, хороши ли зубы. Осмотр его вполне удовлетворил, вот только пахло от них скверно. Но это и естественно. Ведь содержались они ужасно. Придется их помыть как следует перед продажей. Вот бремя, которое приходится нести каждому работоторговцу!

На обыкновенных рабов он не стал тратить время, зато с удовольствием задержался в загоне для лошадей. Тахарка считал себя знатоком. Он и на этот раз не упустил случая присмотреть лично для себя несколько скакунов. Он уже и так отобрал самых быстрых коней. Они паслись у лаза, обнаруженного Аксандриасом. Этот лаз выходил на противоположную сторону холма, а поскольку бандиты не отличались особой страстью к исследованию, то было маловероятно, что кто-нибудь обнаружит этот лаз.

— Рабов скопилось слишком много, — заметил Тахарка. — Пора отправлять их на невольничий рынок в Стигию.

— Скоро придется сделать не только это, — проговорил Куулво. — Именно потому я вас и позвал. Пройдемте еще немного.

Они подошли к расщелине, где их приветствовал стоящий на страже часовой, и оказались на склоне холма. Отсюда открывался прекрасный вид на окрестности.

— Очень красиво, — проговорил Тахарка и будто невзначай положил руку на рукоять меча: он никогда не забывал о возможности предательства. — Так что же ты хотел мне показать?

— Взгляните! — Куулво сделал широкий жест рукой. — Когда мы впервые появились в этих местах, здесь не было никаких тропинок или дорог, одна только трава. И как все изменилось теперь!

Действительно, на склоне холма была отчетливо видна протоптанная лошадьми довольно широкая дорога, которая внизу холма распадалась на три дорожки поменьше, обозначая излюбленные бандитами маршруты.

— Следы нашего пребывания здесь с каждым днем делаются все заметнее, — сказал гиперборей. — И этого не избежать: ведь мы каждый день выезжаем на лошадях. Когда именно нас обнаружат — вопрос времени. Стоит патрульным войскам наместника наткнуться на одну из протоптанных нами дорог, и наши дни сочтены.

Тахарка задумчиво погладил бороду:

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. И все же это место настолько удобно, что не хочется покидать его.

— Это место удобно лишь до той поры, пока никто о нем не знает. Расщелину снизу не видно, спору нет, но ведь можно найти ее, если ехать по любой из наших дорог. Я считаю, надо уезжать отсюда, и как можно скорее. Мы неплохо здесь поживились. Могли бы пожить и еще, но какой смысл обглаживать кости дочиста? Отправимся на восток, там нас никто не знает, и поищем другое укрытие. А через полгода или год вернемся обратно. К этому времени все опять зарастет травой, и мы снова будем в безопасности. И кроме того, пока нас здесь не будет, люди снова наживут добра, и мы снова сможем снять обильную жатву.

— Прекрасная идея, — сказал Тахарка. — Именно так мы и поступим. Только захватим еще немного рабов, чтоб, отправляясь в Стигию, иметь их достаточно для продажи. Тогда через несколько дней ты смог бы взять треть наших людей и везти рабов на невольничий

рынок. А когда вы вернетесь из Стигии, мы все вместе сразу двинемся на восток.

— Лучше бы уехать отсюда немедленно, — возразил Куулво. — Я, конечно, повезу рабов на юг, как вы приказываете, но лучше бы вы с Аксандрiasом не задерживались здесь. Мы могли бы договориться о месте встречи на востоке.

Тахарка со смехом хлопнул его по плечу:

— Благодарумие — вещь хорошая, но ты, мой друг, стал уж слишком осторожничать. Что за радость от жизни, если слишком беспокоиться обо всем. Пошли, вернемся к остальным. Пока мы еще ни разу не встретились ни с одним войском. Дня через три—четыре ты отправишься с рабами на юг. Здесь осталось еще очень много мест, где мы ни разу не были, вот мы и займемся ими, пока ты будешь в отлучке. А насчет властей не беспокойся: пройдет еще много—много времени, прежде чем кто-нибудь заподозрит неладное.

— Как скажешь, начальник, — пожал плечами гиперборей.

Куулво, как до него и Аксандрias, заметил любовь Тахарки играть с огнем. Казалось, что он просто не чувствовал, когда начинал ходить по краю пропасти. Впрочем, Куулво все это не слишком беспокоило. Через несколько дней его караван с рабами отправится в Стигию, а если по их возвращении окажется, что банды Тахарки больше не существует, что ж с того? Не на нем свет клином сошелся. Найдутся другие. Человек вне закона думает лишь о своей собственной шкуре. Какое ему дело до того же Тахарки?

— Завтра поезжай на север, — сказал Тахарка, когда они возвращались в пещеру. — Один из наших людей сообщил сегодня, что из Леукты движется большой караван. И движется он медленно: многие идут пешком. Если вы завтра подыщете подходящее место для засады, то самое позднее послезавтра он как раз до вас и дотащится.

— Какая там охрана? — спросил Куулво.

— Не думаю, что серьезная. Ты ведь знаешь, как скупы эти торгаши. Конечно, несколько человек наберется, но ведь они всегда надеются, что, если их будет много, мы побоимся на них напасть. Будто волку не все равно, сколько в стаде овец.

— Похоже, дело будет нетрудное, — хмыкнул Куулво.

— Нетрудное, но требующее известной хитрости и умелого руководства. Я сам собираюсь поехать на запад, вернусь завтра вечером. Аксандрiasа же пошлю на юг. Пусть пригонит стадо коров, это будет ему несложно.

Куулво иронически поднял бровь:

— Вы уже совсем потеряли веру в нашего красавчика?

Тахарка глубоко вздохнул:

— Увы, он уже не тот, каким был когда-то: быстрым, хитрым и даже довольно смелым. Но, что лучше всего, он забавлял меня. А теперь его будто что-то гложет. И началось это после той одноглазой девицы.

— Конечно, эта история была для него серьезным ударом. Сначала она его надула, а потом едва не прикончила, — ответил Куулво. — А вот если бы он вместо того, чтобы...

Он замолчал, потому что из пещеры один за другим начали с веселым гомоном вываливаться бандиты. Двое из них сразу отскочили друг от друга и выхватили мечи, а остальные расположились полукругом.

— Что тут у вас происходит? — вскричал Тахарка, врываясь в середину. Он увидел, что один из противников — некто Парва из Коринфии, а другой — не кто иной, как Аксандрias. — Немедленно объясните, в чем дело, — потребовал Тахарка.

— Этот мерзавец не желает мне подчиняться! — воскликнул Аксандрias, указывая

пальцем на Парву.

— И не собираюсь! Я сказал, что ты трус и прячешься за спины других, и могу повторить это еще раз. Сразимся один на один, если ты хотя бы наполовину так смел, как себя изображаешь!

Тахарка был немало удивлен. Неужели еще рано ставить крест на Аксандриае?

— Вам известны наши правила, — сказал он вслух. — Для меня все вы равны, и если возник спор, то двоим его и решать. Бой ведется до смерти одного из противников. Покажите ваше оружие.

Парва взмахнул своим изогнутым клинком:

— Вот оно!

Аксандриас поднял прямой узкий меч:

— Иди сюда, паршивый пес, и отведай моей стали!

Они бросились друга на друга, и бандиты радостно взвыли. Тахарка был доволен развитием событий. Если Аксандриас действительно потерял хватку, лучше уж ему умереть сейчас.

Противники не стали тратить время на прощупывание друг друга, что показалось Тахарке странным. Он знал, что Аксандриас привык надеяться больше на ловкость и коварство, чем на силу и напор. Оба противника безостановочно атаковали, показывая незаурядное мастерство. Они колотили, рубили и отражали удары противника со скоростью, которая ничем не уступала их ловкости.

Аксандриас принялся теснить коринфийца, и тот стал медленно, но уверенно отступать в сторону загородки, где содержались рабы, осторожно щупая землю ногами, чтобы не наступить ненароком на камень. Улучив подходящий момент, он предпринял стремительную контратаку, которая оказалась весьма успешной: ему удалось выбить меч из рук Аксандриаса. Меч описал в воздухе дугу и упал внутрь загородки, откуда раздался сдавленный крик пронзенного раба. Крик этого несчастного совершенно потерялся в радостном гвалте: бандитам понравилась атака коринфийца.

Рыча от ярости, Аксандриас выдернул из ножен свой широкий зингарский кинжал около фута длиной, слегка изогнутый, обоюдоострый. Не дожидаясь следующего хода противника, Аксандриас ринулся на него и застал врасплох. Парва отскочил на шаг назад и, пытаясь защититься, легко ранил Аксандриаса в руку. Удар был слаб и неловок, Аксандриас легко отбил его. Лево́й рукой он схватил Парву за кисть и принялся выворачивать ее, помогая себе кинжалом как рычагом.

Закричав от боли, Парва выронил меч. Аксандриас попытался рывком дотянуться до его горла, но Парва резко отшатнулся, и лезвие прошло мимо. Аксандриас, не удержавшись на ногах, кубарем полетел на середину круга.

Аксандриас не попытался остановиться, а, перекувырнувшись несколько раз, в какой-то момент изловчился и вскочил прямо на ноги, причем лицом к своему сопернику. Парва понял, что, если и он нагнется за мечом, разогнуться уже просто не успеет. Оскалившись по-волчьи, он вытащил свой тонкий хауранский кинжал.

— Не так-то уж ты и слаб, как я погляжу, — прохрипел коринфиец. — Удивил ты меня, красавчик, но мы еще посмотрим, кто кого!

— Вот именно, хватит болтать. Людям надоело тебя слушать. Ну, ко мне! — Аксандриас издевательски поманил Парву пальцем. — И покончим раз и навсегда с нашим маленьким дельцем.

Оба опять бросились друг на друга. Парва замахнулся кинжалом снизу, будто хотел ударить Аксандрюаса в живот, а когда тот сгруппировался и выставил, защищаясь, свой кинжал, Парва мгновенно перестроился и, выпрямившись, мощно ударил сбоку, метя Аксандрюаса в шею.

С невероятной быстротой и силой Аксандрюас отбил левой рукой удар, который чуть было не достиг цели, и одновременно вонзил со всего размаху свой кинжал Парве в живот.

Все стихло, когда противники замерли, точно статуя, на миг слившись воедино. Рука Парвы, которая только что продолжала свое движение, замерла, пальцы безвольно разжались, кинжал выпал. Потом аквилонец одним ударом распорол Парве грудь и живот. Внутренности выпали прямо на землю. Безжизненное тело качнулось и рухнуло. Бандитам очень понравилась и сама схватка, и ее эффектная концовка. Они окружили Аксандрюаса, хлопая его по спине и поздравляя с замечательной победой. Тот слабо улыбнулся, принимая поздравления, и, раздвинув толпу, побрел, спотыкаясь, к ручью. Там он сначала долго пил, встав на колени и опустив лицо в воду, затем стал обмывать кинжал и руку, которая была по плечо в крови.

Когда он вкладывал кинжал в ножны, к нему подошел Тахарка:

— Это было великолепное зрелище, мой друг. Не думаю, что кто-нибудь еще захочет тебе прекословить.

Аксандрюас кивнул. Он выглядел очень усталым, но посмотрел на Тахарку чистым взглядом:

— И я не думаю. Мне начало уже надоедать, что эти трусливые псы ворчат за моей спиной. Один из них оскорбил меня в лицо, и я понял, что пришла пора положить конец этому безобразию.

— И правильно сделал, — сказал Тахарка. — А теперь иди отдохни. Завтра я отправлю тебя в легонький рейд.

— Я могу выполнить не только легкое дело, — возразил Аксандрюас. — Все, что может гиперборей, могу и я.

— Знаю—знаю, — успокоил его Тахарка. — Следующий раз и для тебя найдется трудное дело. А теперь отдыхай. Смертная схватка с таким серьезным противником вымотает любого.

Аксандрюас согласно склонил голову и поплелся к пещере. Тахарка задумчиво смотрел ему вслед. Да, за этим аквилонцем нужен глаз да глаз.

Аксандрюас в изнеможении рухнул на свое ложе в небольшой нише главной пещеры, рядом с тайным выходом. К нему приблизилась женщина, которую он выбрал для себя, но он махнул ей, приказывая уйти. Рядом никого больше не было. Аксандрюас достал маленькую деревянную коробочку и заглянул в нее. Там оставалось еще много тех таблеток, которые дал ему жрец древнего храма.

Когда Аксандрюас услышал оскорбления Парвы — а тот кричал на него так громко, что невозможно было притвориться, будто не слышишь, — Аксандрюас пришел сюда и проглотил снадобье. Почувствовав действие, он вызвал Парву на бой. Ведь жрец же говорил, что, если пользоваться снадобьем нечасто, никакого вреда не будет. И только когда мечи были уже обнажены, Аксандрюас быстро произнес и заклинание. Сначала он не собирался этого делать, но в последний момент решил для пущей уверенности обезопасить себя наверняка. Что ж, игра стоила свеч.

А один раз — не страшно.

Конан въехал на вершину небольшого холма и оглядел караван. Следом за ним на холм выехала Калья. Она была вооружена длинной пикой, тупой конец которой устойчиво крепился в специальном гнезде на стремяни. Конан не умел пользоваться копьем. В седле он больше полагался на свой меч.

Караван растянулся почти на полмили. Возглавлял его десяток воинов в сверкающих доспехах. Еще десяток в таких же сверкающих доспехах виднелся в самом конце. В середине тащился длинный ряд навьюченных животных, тяжело нагруженных повозок, кто-то ехал верхом, кто-то шел. Было даже несколько паланкинов, несомых рабами. Зрелище было яркое и живописное, но Конан смотрел на караван с отвращением.

— Клянусь Кромом, таких дураков я еще не видел, — сказал он Калье. — Растянулись — длиннее некуда! Легкая добыча для любого, кто только удосужится напасть на них. Ведь можно же было организовать толковую охрану... — Он удрученно махнул рукой. — А так мы ровным счетом ничего не сможем сделать.

— Поговори с Баррой, объясни это ему, — хмыкнула Калья.

Барра был командиром охранников. Неотесанный хам, надменный и невежественный, чья способность к руководству была еще ниже его умственных способностей, он считал Конана недоразвитым варваром и старался это всякий раз подчеркнуть.

Он поставил Конана и Калью на охрану флангов. Ведь не мог же он допустить, чтобы эти низшие существа крутились рядом с ним. Пусть держатся на почтительном расстоянии!

— Я скажу ему, — пообещал Конан. — И этому толстопузому придурку Хаздралу тоже скажу.

— Можешь еще сказать вот той ящерице на камне — толку будет ровно столько же. И потом, не кажется ли тебе, что для нас это выход, если бандиты нападут на караван? Мы представляем собой такую заманчивую приманку, что они, может, подойдут близко. Тогда у нас будет шанс их прикончить.

— В этом смысле ты, конечно, права, — откликнулся Конан. — И все же меня воротит при мысли, что, пообещав защитить этих людей, я, в сущности, ничего не могу сделать для их безопасности.

— В любом случае мы не защитим их всех. Это обязанность всего отряда охраны. Ты сам видишь, чего они стоят. И, кроме того, какое нам, в конце концов, дело до всей этой швали? — Она на секунду задумалась. — Вулпио и Риула — наши друзья, их бы я, разумеется...

— Едем, — прервал ее Конан. — Попытаемся еще раз убедить этих идиотов. А если они и теперь откажутся слушать, что ж, тогда пролитая кровь падет на их головы.

Конан поскакал вперед. Мрачно покачав головой, Калья двинулась за ним. Когда они подъехали, Хаздрал как раз совещался с Баррой. Оба с неудовольствием посмотрели на молодого киммерийца и одноглазую Калью.

— Почему вы не на своем месте? — строго обратился к ним командир охранников. Его кольчуга прекрасной работы туранских мастеров сверкала на солнце. Это был коренастый невысокий человек с крупной выбритой головой и длинными усами, свисающими чуть ли не до груди.

— Потому что там от меня никакого толку нет, как, впрочем, и в других местах, —

сказал Конан. — Караван слишком растянут, даже небольшая шайка бандитов способна причинить нам громадный ущерб еще до того, как охрана сумеет что-нибудь предпринять.

— Ты, парень, излишне робок, — отозвался Хаздрал, — и ничего не знаешь о том, как водят караваны. А вот я занимаюсь этим делом с малолетства. Караван, который мы сейчас ведем, в три раза больше, чем те, что я водил до сих пор. Бандиты не отличаются смелостью, иначе они стали бы воинами. Они никогда не нападут на такой многочисленный караван.

— Если бы мы шли по Дебрям Пиктов, от вашего многочисленного каравана давно остались бы рожки да ножки.

— Мы находимся не в твоей северной глухомани, мальчик, — насмешливо фыркнул Барра. — Здесь у нас цивилизация, ты просто не знаешь, что это такое. Придержи язык и не суйся со своими глупыми советами к знающим людям. А теперь марш на свое место!

— Ты законченный осел, таким и сдохнешь! — с яростью прорычал Конан, взяв с места во весь опор. Калья устремилась за ним, а вслед им неслись бешеные проклятья Барры.

Они подскакали к середине каравана, где медленно тащились тяжело нагруженные повозки с ценными товарами. Там же ехали и повозки поменьше, принадлежащие бродячим актерам. Сами они шли по обочине дороги и, чтобы не терять времени зря, упражнялись каждый в своем искусстве. Когда Конан поравнялся с ними, жонглирование, пение и кувырканье прекратились.

— Держитесь вместе, не разбредайтесь, имейте оружие под рукой, бандиты могут напасть каждую минуту, на помощь охраны особенно не рассчитывайте, — сказал им Конан.

Когда он снова отъехал, сзади взволнованно зашумели.

— А нам с тобой надо держаться возвышенностей, — заметил Конан, обращаясь к Калье. — Бандиты, если уж нападут, то сделают это с флангов. Хорошо бы заметить их заранее!

Они проехали вперед и оказались на самом большом холме округи. Внизу медленно тянулся караван. Солнце клонилось к закату.

Ты ошибся, — сказала Калья, привстав на стременах, — они напали спереди.

— Что?!

Далеко внизу группа вооруженных людей загородила дорогу. Они размахивали мечами и кричали. Воины, охраняющие караван спереди, тоже подняли крик. Барра же, увидав, что их больше, чем напавших бандитов, приказал атаковать. После короткого замешательства бандиты повернули коней и бросились прочь. Воины охраны с довольным гиканьем кинулись вдогонку.

— Может, и нам присоединиться к ним? — спросила Калья.

— Нет, взгляни-ка лучше туда. — Конан указал рукой на запад. — Основной удар они нанесут с фланга, как я и говорил, и солнце будет светить им в спину.

Пока он говорил, из-за холма начали появляться один за другим маленькие всадники. Пришпоривая коней, они неудержимо мчались к каравану. Сколько их — было не разобрать, заходящее солнце слепило глаза.

— Едем туда, посмотрим, нельзя ли все же помочь. Но эта битва уже проиграна. Учти, нет смысла гибнуть понапрасну.

Они поскакали вниз. Бандиты уже суетились среди повозок. Они перебили возниц и теперь взрезали тюки и сбивали замки с сундуков. Два бандита заметили приближающихся всадников и выехали им навстречу.

Шемит хотел пронзить Конана копьём, но тот ухватился за древко возле самого

наконечника и вырвал его из рук нападавшего. В следующее же мгновение меч Конана обрушился на бандита, и тот запертво свалился на траву. Конан обернулся и увидел, что своего противника Калья пригвоздила пикой к земле.

Конан повнимательнее огляделся, оценивая обстановку. Один из бандитов находился несколько в стороне и, по всему видно, руководил остальными. Конан развернул коня в его сторону. Бандит обернулся, и Конан увидел, что лицо под шлемом светлое, — значит, это не Тахарка. И тут он его узнал! Это же гиперборей! Стало быть, они наши-таки тех, кого искали. Не зря они отправились вместе с караваном.

Гиперборей развернул коня, выдернул из ножен тяжелый меч и так стремительно бросился навстречу Конану, что плюмаж на его шлеме согнулся дугой. Тяжелые клинки скрестились раз, другой. Противники проскочили друг мимо друга и снова развернули коней. На Конана сверху, с крыши повозки, кто-то бросился с кинжалом в руке. Но Конан рубанул мечом, и человек упал запертво. Но в этот момент гиперборей врезался на своем коне прямо в Конана, заставив его коня шарахнуться в сторону. Нога Конана оказалась прижатой к повозке. Он вскрикнул от ярости и боли и наотмашь ударил гиперборей мечом. Меч скользнул по его шлему и хоть не причинил большого вреда, но заставил гиперборей покачнуться в седле. Конан воспользовался секундной паузой и, соскользнув на землю, закатился под повозку, подальше от лошадиных копыт. Боль в бедре была очень сильной, но, быстро ощутив себя, Конан понял, что кости целы, а ободранный бок кровоточит не так уж сильно.

Он услышал, как пропела труба, и топот копыт стал удаляться. Конан выполз из-под повозки. Бандиты убирались прочь, нагруженные тюками. У некоторых поперек седел висели захваченные пленники. Морщась от боли, Конан захромал вдоль повозок. Рыдали женщины, отовсюду слышались стоны раненых и хрипы умирающих.

— Калья! — позвал он. — Где ты? — И тут же увидел, как она скачет, ведя на поводу его лошадь.

— Когда ты упал, я уж было решила, что тебе конец, а потом сообразила — ты ведь специально закатился под повозку. — Она протянула ему уздечку.

— Не лучший бой в моей жизни, — буркнул Конан. — Слава Крому, я жив. А как ты? Ты ранена?

— Вроде бы нет. Я ничего не чувствую. Посмотри сам. — И она повернулась перед ним. Конан осмотрел едва прикрытое так называемой кольчугой тело и улыбнулся:

— Нет, не ранена. На тебе это сразу было бы видно. Скольких мы потеряли?

— Какая разница? — ответила Калья. — Давай посмотрим, живы ли Вулпио и Риула.

Трусцой они двинулись в сторону повозок бродячих актеров и почти сразу наткнулись на Вулпио. Он вытаскивал из горла мертвеца кинжал. Увидев Конана и Калью, воскликнул с болью:

— Они увезли Риулу! Бандит перекинул ее через седло, как куль с мукой, и увез. А я уже бросил свой последний кинжал!

— Да как же это! Она, такая ловкая, позволила себя схватить? — изумилась Калья.

— Она наклонилась над раненым, а он стукнул ее сзади по голове. — Тут Вулпио заметил, что какой-то бандит очнулся и пробует приподняться. Он мгновенно метнул в него кинжал, и человек рухнул — кинжал попал ему прямо в глаз. — Ну так вот, она была без сознания, когда этот бандит схватил ее, — продолжил свой печальный рассказ Вулпио. — Надо ее спасти!

— Именно это мы и сделаем, — сказал Конан. — Найди себя хорошую лошадь, и отправимся в погоню.

Пока они говорили, к ним приблизилась группа всадников под предводительством Хаздрала и Барры.

— Ну, что тут у вас? — спросил Хаздрал.

— Они увезли с собой нескольких женщин, — ответил Конан. — Мы едем за ними.

— Ни в коем случае, — отрезал Хаздрал. — У нас есть чем заняться. Нечего преследовать бандитов, укравших пару актеров. Хватит мне заботы с купцами и их разграбленными товарами. Присоединяйтесь к остальным — и никакого своеволия.

— Я еду за ними, и Калья тоже! — рявкнул Конан. — Что до ваших охранников, — он с презрением взглянул на Барру и остальных, — от них проку, как от козла молока.

Барра тронул коня и подъехал к Конану.

— Ах вот как! Мы для тебя недостаточно хороши? Мне надоела твоя дерзость, дикарь, и я тебя прочту!

Барра принялся вытягивать меч из ножен и вытащил его наполовину, когда Конан, мгновенным движением выхватив свой меч, снес ему голову, которая катилась по земле, пока не застряла в траве.

— Вот так, — сказал Конан. — Я считаю, что отработал свои деньги. Теперь караван будет в гораздо большей безопасности. Но ты, толстяк, можешь оставить мое золото себе. Я в нем не нуждаюсь. — Он сверкнул глазами в сторону остальных стражей. — Может, еще кто-нибудь хочет помешать нам уехать? — Воины—охранники делали вид, что Конан их совершенно не интересуется. — Что ж, тогда говорить больше не о чем, — закончил киммериец.

Свободных лошадей оказалось много. Можно было без труда выбрать себе самых лучших. Кроме Конана, Кальи и Вулпио с ними отправились еще четыре акробата — их женщин тоже увезли бандиты. Вооружившись и взяв с собой кое—какое пропитание, они отправились в путь. Через час Конан остановил коня.

— Слишком темно, след уже едва различим, — сказал он.

— Но они же не остановятся! — воскликнул расстроенный Вулпио. — Они же поедут дальше, а ведь они и так опережают нас на несколько часов. Что же тогда будет утром?

— Ты прав, — спокойно ответил Конан, — но если мы поедем дальше, мы, скорее всего, и вовсе потеряем их след. Лучше уж подождать до утра, чем тратить весь завтрашний день на поиски этого следа.

— Он прав, — вмешалась Калья. — Заночуем здесь.

Ворча, их спутники подчинились. Когда лошади были стреножены, Калья подошла к Конану и спросила:

— Тебя выбил из седла гиперборей?

— Да. Больше ему такое не удастся. Это означает, что мы скоро найдем их, Тахарку и Аксандриаса. — Посмотрев в ее глаза, он добавил: — А в придачу к ним найдем еще сотню головорезов. Вот о чем следует призадуматься.

Тахарка вышел из пещеры, чтобы осмотреть добычу, которую бандиты свалили прямо на землю. Мешки с товарами и пленники в полубморочном состоянии лежали на траве: смешение ярких тканей, блеска металла и белой кожи.

— Недурной улов, — заметил Тахарка, когда Куулво спешился возле него. — Они сопротивлялись? — спросил он, увидев, что голова Куулво замотана и на белой ткани проступило кровавое пятно.

— Слегка, — ответил Куулво, — если иметь в виду количество сопротивляющихся. Зато один из них стоил многих. Я говорю о юном киммерийце из Кротона. Клянусь всеми богами, он чуть было не оставил меня без головы! У меня до сих пор в ушах звенит от его удара! Если бы не мой шлем...

— Киммериец? — переспросил Тахарка. — Кто он, собственно, такой? И почему преследует нас?

Аксандриас услышал эти слова. В его глазах вновь появилось затравленное выражение.

— А с ним была одноглазая?

— Не припомню что-то, — ответил гиперборей.

— А я ее видел, — вступил в разговор один из бандитов в стигийском шлеме из вороненой стали. — Полуголая ведьма с одним глазом. Она прикончила троих наших своей пикой.

— Умеет обращаться не только с мечом, но и с пикой, — отметил Тахарка. — Сколько достоинств в одной женщине! Я думаю, они были там по чистой случайности. Оба опытные воины. Должно быть, нанялись охранять караван, вот и все. Вспомните, ведь это мы напали на караван, а не они пришли к нам.

— Нет! — воскликнул Аксандриас. — Это не случайно! Это злые козни богов! Это они наслали на нас этих демонов, чтобы погубить!

— Ты слишком возбужден, мой друг, — сурово произнес Тахарка. — Успокойся-ка и прекрати молоть чушь.

Аксандриас склонил голову:

— Простите. Просто эти два шакала так рассердили меня, что я забылся.

— Не надо беспокоиться понапрасну, — уже мягче сказал Тахарка, — ведь их только двое, а нас вон сколько. Если они будут причинять нам беспокойство, мы разделаемся с ними. Ну а теперь займемся более важными вещами. — Он с удовольствием остановил свой взгляд на пленницах. — Кто они?

— Бродячие актеры — кувыркаются, поют. Там их была целая труппа. Мы выбрали девиц посмазливее.

— Очень—очень хорошо. Женщины таких редких достоинств весьма ценятся в борделях юга. В Доме Величайших Наслаждений в Хоршемише их примут просто с восторгом, там всегда предпочитают тонких и гибких женщин.

— Когда мне вести их на юг? — спросил Куулво.

— Я вчера тоже съездил удачно, — ответил Тахарка. — У нас уже полно живого товара. Так что давай-ка отправляйся прямо завтра на рассвете. Предупреди с вечера людей, вели им побеспокоиться о цепях и ошейниках. А перед походом договоримся, где встречаться, когда ты вернешься.

Тем же вечером, после традиционной попойки, Тахарка сидел на своем троне, погруженный в мрачные раздумья, что было ему крайне несвойственно. Тахарка привык жить сегодняшним днем, прошлое и будущее не имело для него решающего значения. От жизни он брал что хотел, а другие человеческие существа он просто использовал для своих целей. Богатство и роскошь доставляли ему удовольствие. Его никогда не тревожили мысли о прежних владельцах вещей, которыми он пользовался. Мир, если он не кипел от страстей,

для него просто не существовал. И везде, где бы он ни появился, Тахарка сеял хаос и неразбериху. Того, кто угрожал ему или хотя бы только надоедал, Тахарка убивал не задумываясь. И к тому же он всегда был готов предать тех, кто ему доверял.

Жить в свое удовольствие помогал Тахарке его ум, способность планировать и организовывать свои действия. Особенно выручала его хватка незаурядного лидера, способного дурачить людей, обольщать их и вводить в заблуждение притворной благожелательностью. Этих качеств ему хватало с лихвой, чтобы царить в своем мире, где равных ему не было.

И вдруг что-то изменилось. Кто-то начал охотиться за ним. Эту одноглазую интересовал, конечно, только Аксандриас. Но вот молодой варвар — Тахарка почему-то был в этом абсолютно уверен — шел по его следу. Видимо, это как-то связано с тем его рейдом в Киммерию. Такая противоестественная страсть к мести совершенно не укладывалась у него в голове. Хотя он предполагал, какой великой движущей силой она может стать. Что же он такого сделал в этой Киммерии, чтобы этот безумец преследовал его столько времени, убив боссонитов и гандеров, а теперь, похоже, вознамерившись провести остаток жизни в погоне за ним? И это человек из племени, которое — всем известно — почти никогда не покидает своих лесов!

Здесь была какая-то загадка, а загадок Тахарка не любил. Он был вполне счастлив и доволен, хозяйничая в своем мире и помыкая его обитателями. Это глупое, противоречащее здравому смыслу преследование безмерно раздражало Тахарку, нарушая естественный ход его жизни.

Занятый этими тревожными, гнетущими мыслями, Тахарка поднял было свой серебряный кубок. Но рука его замерла на полдороге: от кубка исходил какой-то зеленоватый свет. Тахарка даже повернул его, осматривая со всех сторон, хотя и без того знал, что на кубке нет зеленых камней.

Тахарка окинул взглядом пещеру, желая понять, откуда исходит это мерзкое зеленоватое свечение. В пещере все спали. Костер догорал, последние угольки сияли красновато—тусклым светом. Здесь и там мерцали небольшие светильники, которыми бандиты приспособились освещать свои углы. Он оглянулся и посмотрел назад. Там, в дальнем конце пещеры, он и увидел зеленое сияние.

Волосы поднялись у него на голове дыбом, когда он понял, что это такое. Он уже видел это свечение, и не один раз, в своих странствиях по белу свету, а последний раз это таинственное свечение предстало ему в том самом храме в Кротоне. Тахарка медленно поднялся и сошел с трона.

Он подошел к спящему часовому и потряс его за плечо. Тот продолжал храпеть. Тахарка сердито пнул его ногой в ребра — ничего. Проклиная гнусного пьяницу, Тахарка принялся будить других. Бесполезно. Только тут до Тахарки дошло, что их сон — не просто хмельное забытье.

Ему очень хотелось улизнуть через запасной выход, но он взял себя в руки: ведь он уже и раньше бывал в подобной ситуации. Паниковать нет никакого смысла. Он поднял меч и пристегнул ножны к поясу. Медленно, очень осторожно двинулся он в глубь пещеры.

Этого бокового прохода Тахарка никогда раньше не замечал, впрочем, он и не исследовал пещеру как следует. Проход был достаточно высок, и Тахарка мог двигаться по нему не сгибаясь. Он прошел всего с десятков шагов, когда стал виден источник света.

В углублении, на полу пещеры, горел зеленый огонь, только пламя его не давало тепла. У

костра сидел человек в простом черном одеянии без рукавов.

— Привет тебе, Тахарка из Кешана, — промолвил человек.

— И тебе привет, жрец. — Тахарка будто случайно положил руку на эфес. — Что привело тебя в мою скромную обитель?

— Твоя судьба, и ты сам это знаешь. Кстати, можешь снять руку с меча и забыть свою привычку применять грубую силу. Тот жрец из Карутонии, которую вы называете Кротонем, проявил неосторожность. Он слишком долго пробыл в местах, удаленных от центров Великих Сил, где зарождаются события, влияющие на весь ход космической истории. Я же настолько могуществен, что повредить мне своим убогим мечом ты не сможешь.

— Ах да, тот жрец, — протянул Тахарка, почувствовав, что нет смысла изображать святую невинность. — Я, видишь ли, решил не иметь больше дел с твоим орденом и поэтому прикончил того жреца при первой же возможности.

— Нет, ты не прикончил его, — возразил жрец, — и он доложил мне о твоём поступке уже через несколько часов.

Возмущению Тахарки не было границ:

— То есть как это не прикончил? Я убил его, и сделал это как нельзя лучше. Уж что— что, а убивать я умею. — Сомневаться в своих способностях Тахарка не позволял никому.

Тонкие губы жреца изогнулись в улыбке:

— Нас нелегко убить. Даже, скажу тебе, невозможно. Только некоторые из богов обладают такой силой.

— Что тебе надо? — спросил Тахарка, чувствуя себя глупо и беспомощно. Он подозревал, что жрец, или волшебник, или кто там он есть, бессовестно лжет, но сомневаться в его могуществе не было причин.

— Сядь, — приказал человек, указав Тахарке место напротив себя. — Вспомни, как несколько лет назад ты был в некоем храме в Кутхемесе. Ну как, помнишь?

— Помню, — нехотя ответил Тахарка. — Тогда я повез пять или шесть девиц благородного происхождения в Замбулу. — Он улыбнулся воспоминанию. — Все, как одна, хорошенькие, и каждой лет четырнадцать, не больше. Их первый раз отпустили из дома в другой город. Я знал, что в одном храме, посвященном какому-то никому не известному богу, мне дадут за них хорошие деньги.

— Да, — произнес человек, сидящий напротив, — некоторые обряды требуют именно таких девушек. И что же произошло после того, как ты продал свой товар?

Тахарка посмотрел на него затравленным взглядом:

— Некий жрец попросил меня зайти с ним в храм. Он хотел показать мне что-то. Сам не знаю, почему я согласился. Он вел меня и вел. И я понял, что стал жертвой какой-то зрительной иллюзии: внутри храм казался неизмеримо большим, чем был в действительности. Да, еще там были очень странные колонны в виде людей со змеиными головами, и эти покрытые чешуей чудища поворачивали головы, когда я проходил мимо, — так мне, во всяком случае, казалось. Когда мы подошли к зеленому огню, такому же холодному, как этот, жрец попросил меня сунуть руку в пламя, и я почему-то его послушался. Он стал мне объяснять, что я родился в определенном месте под какой-то там звездой и поэтому мне предначертано стать вершителем судеб в решающие моменты истории моего времени.

— И тебе не показалось это заманчивым? Разве он не открыл тебе, какие наслаждения сулит избранная доля?

Тахарка горько рассмеялся:

— А то как же! Он показал мне в языках зеленого пламени, как я с триумфом вхожу в покоренные города, собственноручно рублю головы поверженным королям. Я увидел себя в такой роскоши, которую и представить-то себе невозможно. Лорды, графы и всякие прочие аристократы стоят передо мной на коленях, а тысячи не имеющих себе равных по красоте рабов и рабынь готовы выполнить любое мое приказание. Весь мир — у моих ног.

— Да-да, — проговорил жрец, — сейчас мы как раз приближаемся к тому времени, когда толковый и предприимчивый искатель приключений вполне может оказаться на троне. Самые свирепые и безжалостные могут повелевать даже империями. Иногда такие индивидуумы, у которых совесть и стыд отсутствуют совершенно, способны в своей погоне за абсолютной властью достичь успеха и, захватив весь мир, править им. Разве он не открыл все это тебе?

— Открыть-то открыл, но он открыл мне еще, чем кончится мое царствование! В этом-то все и дело! Он показал мне некое божество — мерзопакостнейшее из всех выродков. Жрецы твоего ордена сотворят его из крови, пролитой мною на пути к власти. Он показал мне, как это омерзительное существо поглотит меня, но я не умру, а стану его частью и в виде такого паскудного гибрида буду царствовать десять тысяч лет, если не больше! — Он посмотрел на жреца с холодной злобой. — Нет уж, благодарю покорно, святейший, я предпочитаю оставаться простым бандитом. Мне хватит и моих незатейливых радостей. Приятно, конечно, править миром, но цена уж больно велика.

— Он открыл тебе слишком много правды, — сказал жрец. — Слишком много правды знать человеку ни к чему. Что ж, если ты отказываешься, у нас на примете есть и другие. А мы-то, честно говоря, надеялись, что ты согласишься. Ведь твои способности к творению зла намного превышают способности других претендентов. Но ничего не поделаешь. Повторяю, ты не единственная наша надежда.

Тахарке не слишком понравилось то, что говорил жрец, но он хотел побыстрее от него избавиться.

— Тебе, жрец, известно так много. Скажи мне напоследок, кто этот киммериец, что преследует меня?

— Киммериец? — переспросил жрец. — Я не знаю никакого киммерийца.

При этих словах зеленое пламя вдруг взметнулось до потолка, и Тахарка инстинктивно прикрыл лицо руками, точно это было настоящее пламя. Когда он снова открыл глаза, то ни пламени, ни жреца больше не было.

— Где ты, жрец? — позвал Тахарка.

Ответа не последовало.

Тахарка пощупал все кругом, но, кроме холодных стен, ничего не нашел. Бормоча проклятья, он в темноте отправился обратно, в главную пещеру. Там все по-прежнему спали. Тахарка схватил факел и пошел назад, но, как ни старался, не смог найти того бокового прохода, где еще несколько минут назад разговаривал со жрецом. В эту ночь кешанец спал плохо.

На второй день к полудню Конан уже не раз пожалел, что согласился взять с собой акробатов. В своем ремесле, может, им и нет равных, но вот всадники из них получились никудышные. Как бы серьезно они ни были настроены, какое бы упорство ни проявляли,

однако очень скоро натерли себе седлом ссадины и еле могли сидеть. А уж падали они так часто, что были все в синяках. Только их натренированность позволила им избежать серьезных увечий.

— Наверное, придется оставить их, — сказала Калья, подъехав к Конану. — Мы только зря теряем время. `Конан согласился:

— Я знаю, что они хотят спасти своих женщин, и я рад был бы ехать с ними дальше, особенно с Вулио, но боюсь... Посмотри, что это там? — прервал он сам себя и указал на облако пыли у горизонта. — Всадники! Может, это возвращаются бандиты?

Калья всмотрелась повнимательнее:

— Вряд ли. Разве что они описали широкий полукруг, но зачем? Что будем делать?

— Подождем тут, — ответил Конан, подумав. — Пусть пока лошади отдохнут. А когда станет ясно, кто это, тогда посмотрим, бежать или оставаться.

Актеры сбились возле них в кучу. Теперь они все вместе всматривались вдаль, гадая, кто же там скачет. Увидев, что над всадниками развеваются знамена, они вздохнули с облегчением. Значит, это не бандиты.

Командир всадников поднял руку, и эскадрон остановился чуть поодаль. Сам командир с несколькими офицерами приблизился к Конану и его товарищам.

— Командир эскадрона <Орлиный> войска офирского короля, — представился офицер, одетый в самые роскошные доспехи. — Мы ищем шайку разбойников, которые опустошают и разоряют эти края. Вы их не видели?

— Мы гонимся за ними. Вчера они напали на караван, который мы охраняли, и увезли с собой нескольких женщин. Если хотите, я отведу вас в их убежище.

Офицер с удивлением посмотрел на Конана:

— Ты можешь найти их след на этой перетоптанной всеми равнине?

— Конечно, могу, — удивился в свой черед Конан. Ему было непонятно, как это можно не увидеть таких отчетливых следов, оставленных даже не одним всадником, а целой группой. Похоже, эта слепота и есть часть цены, которую приходится платить за цивилизованность.

— Тогда веди нас, — сказал командир эскадрона, — и я щедро заплачу тебе.

— Я поеду немного впереди. Велите своим людям не обгонять меня, чтобы не топтать след, — попросил Конан.

Командир отдал распоряжения, и Конан первым тронул своего коня.

Аксандриас услышал крик часового и поднял голову. Часовой размахивал копьём, точно безумный, и пытался привлечь внимание. Аксандриас оставил лошадь, которую начал осматривать, перемахнул через загородку и побежал вверх по склону, радуясь распирающей его энергии.

Этим утром он проснулся с такой тяжелой головой и ломотой во всем теле, что смерть показалась ему не самым плохим выходом. Накануне он, как всегда теперь, выпил намного больше, чем следовало. И утром, когда ему было так плохо, он решил испробовать зелье жреца вместо опохмелки. Он располовинил одну таблетку кинжалом и проглотил. На сей раз говорить заклинание не было нужды. Это ведь не крайний случай, и не стоит рисковать понапрасну. Уже через несколько минут ему стало легче, как будто сбросил с плеч десяток лет. Все утро он упражнялся с мечом, меняя партнеров.

— Смотрите, — сказал часовой, как только он поднялся вверх. — Сюда скачут всадники! Много всадников!

— О великий Митра! — охнул Аксандриас. Он совсем не испугался, только кровь его забурлила. — Оставайся здесь, я позову командира.

Аксандриас побежал обратно через ложбину, ко входу в пещеру.

— Хозяин, выходите скорей! К нам пожаловали гости, да не простые: над ними развеваются штандарты войска офирского короля.

Тахарка вышел из пещеры, пристегивая к поясу меч.

— Сколько их?

— Пока не разберешь, они подняли целое облако пыли. Как некстати они появились — треть наших ушла с Куулво.

— Может, они проедут мимо... Ты же сам нашел это место по чистой случайности. — Тахарка, конечно, так не думал, он сказал это, чтобы предотвратить панику. — Пойду взгляну на них. Собери людей, пусть будут готовы к обороне. Еще пошли несколько человек занять ближайшие холмы, те, которые выше нашего, чтобы их лучники не могли перестрелять нас, как кроликов. А когда управишься с этим, проверь наших лошадей, приготовь свежую воду и еду: вдруг у нас возникнет внезапная потребность сменить климат и мы отправимся в путь раньше, чем собирались.

— Будет сделано, хозяин, — улыбнулся Аксандриас.

У подножия холма эскадрон перешел на шаг и остановился. Последние несколько миль даже самые несообразительные солдаты различали протоптанные бандитами многочисленные тропинки. Теперь же они увидели, что эти тропинки, слившись воедино, поднимались на холм и исчезали из виду.

— Ничего не понимаю, — сказал командир эскадрона. — По всему видно, что они поднялись на холм, но куда же тогда они подевались? Растаяли в воздухе? Может, это колдовство?

— Не думаю, — ответил Конан. — Ручаюсь, там есть проход, просто нам снизу не видно. Я вырос в горах и знаю, как они бывают обманчивы. Подождите до вечера. Я поднимусь туда и все разведу.

— Это ни к чему. Либо они там, и тогда мои ребята живо с ними разделаются, либо их там нет. К чему зря терять время?

Конан пожал плечами:

— Ваше дело. — Он повернулся к Калье и акробатам. — Давайте—ка отъедем в сторонку.

— Но они же могут убить Аксандриаса! Я не затем сюда ехала, чтобы его убили у меня на глазах!

— Не беспокойся, не убьют! Мы же знаем, что уж кем—кем, а дураком Тахарка никогда не был. Если я не ошибаюсь, наших друзей—гвардейцев поджидает наверху очень неприятный сюрприз. Мы пока обождем в сторонке. И смотрите внимательнее, незачем подставлять себя зря под стрелы.

— А как мы спасем Риулу и других женщин? — спросил Вулпио.

— Пока мы не увидим, что представляет собой их логово, мы ничего не сможем сделать. Потерпите еще немного.

Раздался резкий высокий звук трубы, и эскадрон двинулся вперед. Сначала все было хорошо, но вскоре рельеф заставил всадников сломать свои стройные ряды и сбиться в кучу.

Внезапно склон наверху будто ожил. Повсюду возникли вооруженные люди. Стрелы принялись косить первые ряды атакующих. Те откатывались назад, сминая задних. Бандиты, вооруженные длинными копьями, кололи тех, кто оказывался в пределах их досягаемости.

Конан, стараясь не привлекать ничьего внимания, отъехал еще чуть в сторону и поднялся немного вверх по склону. Ему было слышно, как офицеры кричат на своих солдат, пытаясь навести хоть какой-то порядок, а для пущей остротки лупят их плашмя мечами. Теперь Конану стало видно, что край выемки, откуда появились бандиты, уходит вглубь и резко поднимается, совсем как крепостная стена, а на ней стоят ряды лучников. К счастью для атакующих, все, кроме нескольких шемитов, с луками обращались довольно посредственно. А потом он увидел того, кто с явным удовольствием наблюдал за кровавой бойней.

— Тахарка! — выдохнул Конан, указывая подъехавшей Калье на человека в сверкающих на солнце доспехах.

— Если этот негодяй здесь, значит, и его белобрысый прихвостень должен быть неподалеку.

Она пришпорила коня, и Конан устремился вслед за ней. В этот момент Тахарка обернулся. Он заметил всадников. На его лице явственно проступил ужас. Он вытянул руку, приказывая что-то лучникам. Те прицелились в Конана и Калью.

Конан изловчился, схватил лошадь Кальи за поводья и резко осадил обоих коней. Стрелы воткнулись в землю прямо перед ними.

— Быстро назад! — крикнул он. — У нас нет ни щитов, ни доспехов.

Издав вопль разочарования и ярости, Калья подчинилась. Акробаты же, которым вообще-то смелости было не занимать, тоже с облегчением повернули своих коней: зачем искушать судьбу понапрасну. Когда они ехали по склону вниз, они увидели мрачных отступающих всадников.

— Ты был прав, чужестранец, — сказал командир эскадрона подъехавшему к нему Конану. — Мне следовало послушаться тебя, а не бросать своих людей очертя голову в атаку. Этот холм, чтоб ему совсем пропасть, наверное, пустой внутри. Иначе откуда взялось столько этих бандитов? — Командир замолчал и с минуту кипел от злости. — Не

со согласишься ли ты сходить ночью на разведку? Я заплачу тебе золотом.

Конан уже открыл рот, чтобы отказаться от денег, но в разговор вмешалась Калья:

— Сколько?

— Пятьдесят, — предложил тот.

— Сто — и я приведу вам пленника для допроса, — сказал Конан, который всегда был сообразительным учеником.

— Согласен. Что тебе для этого потребуется? Оружие? Доспехи? Говори, я все тебе дам.

— У меня есть все, что мне надо, — ответил Конан. — Я пойду туда после полуночи, когда большинство будет спать.

— Иди, когда считаешь нужным, — ответил командир и повернулся к своим офицерам. Он принялся отдавать распоряжения по расстановке постов, чтобы ни один бандит не смог ускользнуть. Конан отъехал в сторону и спешил.

— Возьми меня с собой! — потребовала Калья.

— Нет! Одно дело — уметь обращаться с мечом, и совсем другое — проникнуть незаметно в лагерь противника. Я научился этому еще в детстве. А кроме того, я иду туда только лишь на разведку. Ты ведь, завидев Аксандриаса, сразу набросишься на него, поднимется шум, нам будет не уйти живыми. А теперь оставь меня в покое. Мне надо немного отдохнуть.

Он лег на траву и через мгновение уже спал, положив руку на рукоятку меча. Калья возмущенно передернула плечами и удалилась.

Той же ночью командир гвардейцев сидел у маленького костерка, разговаривая со своими офицерами. Они невольно вскрикнули, когда в круг света вступила какая-то призрачная фигура.

— О Митра! Что это? — вскричал офицер, чья бородка была выкрашена в голубой цвет.

— Всего лишь ваш разведчик, — ответил Конан.

Мечи и кинжалы были отправлены обратно в ножны, когда стало ясно, что перед ними действительно Конан. Киммериец выглядел по меньшей мере странно. На нем не было даже сандалий, только набедренная повязка и пояс, к которому крепились меч и кинжал. И тот и другой были завернуты в куски темной материи, чтобы не гремели при движении и не отражали случайный свет. Сам Конан с головы до пят был вымазан золой из костра.

— Ты похож на гобблина из Дебрей Пиктов, о которых ты нам рассказывал, — сказал командир, — но поскольку ты отправляешься не на парад, а на разведку, думаю, ты выглядишь как раз подходяще. Разузнай, на что похож их лагерь, приведи с собой пленного, и ты получишь свое золото.

Конан молча кивнул, повернулся и бесшумно исчез в темноте. Он двигался так тихо, что никто из офирских солдат не заметил, как он прошел мимо них. Вскоре он оказался уже у подножия крутого склона. Конан и не думал пробираться в логово бандитов через расщелину — там-то уж наверняка была сильная охрана, а вот как сделать это по-другому, он пока еще не знал и двинулся влево вдоль холма.

Пройдя ярдов двести, он нашел то, что искал. Склон здесь был настолько крут, что Конану пришлось карабкаться на него с помощью обеих рук. Иногда попадались заросшие высокой травой участки. Конан медленно и осторожно взбирался все выше и выше. Его вымазанное золой тело сливалось со склоном. Сейчас никто не сумел бы разглядеть Конана и с двадцати футов.

Добравшись до верха, Конан заглянул за край гребня. Он увидел огромную впадину, на

дне которой горело множество костров. Не делая резких движений, он осмотрел гребень. Справа от себя, по направлению в сторону расщелины, он никого не заметил. Слева, приблизительно в семидесяти-восемидесяти футах, скорчился на камне, положив голову на колени, часовой. Конан задумался на миг, не прикончить ли его, но решил, что спящий не представляет для него угрозы и, наоборот, может оказаться полезным на обратном пути.

Как ящерица, Конан скользнул вниз по склону. Когда он спустился достаточно низко, то встал на ноги и продолжал спуск, низко пригнувшись. Как он и предполагал, большинство бандитов спали у маленьких костров, некоторые разговаривали вполголоса. Конан понимал не все языки, но интонации собеседников звучали довольно угрюмо. Да это и понятно: хоть они и с легкостью отбили вчерашнюю атаку, но перспектива их ждала не самая радужная. Ведь они оказались запертыми в своем убежище, и надежд прорваться на волю было мало. Ночной атаки они не ждали, регулярным войскам такие маневры не были свойственны, но что скоро может прийти подкрепление, было очевидно.

Конан пересек всю ложбину, нашел загоны для лошадей, для коров и овец, но рабов не нашел. Потом заметил несколько пустых отсеков и по запаху догадался, что, скорее всего, именно здесь еще недавно содержали невольников. Может быть, их переместили в пещеру, вход в которую виднелся в отдалении? Конан неслышно приблизился к черному проему. Оттуда доносился невнятный говор.

Конан отступил немного в сторону и легко полез вверх по скале, будто перед ним была лестница. Очутившись наверху, Конан пополз дальше, пока не наткнулся на небольшую трещину, через которую смог увидеть внутренность пещеры. Голоса отсюда тоже были ясно слышны. Бандиты обсуждали, что лучше всего предпринять завтра. Многим нравилась идея прорыва: каждый берет столько, сколько может унести, и все бегут в разные стороны.

— Кончайте рассусоливать, трусы! — прогремел суровый властный голос. — Конан раньше его не слышал, но сразу догадался, чей он. Из глубины пещеры появился высокий темнокожий человек. Его доспехи сверкали в отблесках огня. Бандиты пристыжено умолкли. — Бабы мы, что ли, чтобы бояться горстки изнеженных горожан? — Рядом с высоким южанином возник светловолосый человек пониже, в шелковой накидке. Конан понял, что это Аксандриас, но его было почти не узнать, так он изменился: исхудалый, с впавшими щеками, глаза затравленно глядят исподлобья, глаза дикого зверя, который, кажется, сам еще не решил, что лучше — вцепиться в горло или бежать. После выразительной паузы Тахарка продолжил громовым голосом: — Вы же играючи отбили их атаку! А наш храбрец Аксандриас принял на себя главный удар и сразил трех всадников тремя же ударами! Нам ли бояться этих никчемных бездельников, которые только и умеют, что щеголять на парадах?

Бандиты приняли эту речь без особого восторга. Теперь заговорил Аксандриас:

— Мы напьемся их кровью! Не смейте говорить о бегстве! Если найдется такой предатель, я сам разберусь с ним. Может, кто-нибудь со мной не согласен?

Все отводили глаза, не желая встретиться с ним взглядом. Воцарилось молчание. Конан диву давался — этот свирепый оборотень с горящими глазами ничуть не походил на того ловкого проворного щеголя, который спустился тогда с Кальей на арену постоянного двора. Но не это заботило Конана, а совсем другое: где гиперборей?

— Завтра с первыми лучами солнца мы нападём на них, — рокотал Тахарка, — и развеем, как мякину по ветру!

Конан оторвался от трещины. Виденного и слышанного ему было достаточно. Конечно,

заманчиво было бы пробраться в пещеру и убить обоих, но поскольку оттуда выход только один, шансов выбраться живым не много. Ничего, можно потерпеть и до завтрашнего утра. На обратном пути Конан прихватил с собой незадачливого стража. Удар по голове рукояткой кинжала еще больше углубил сон часового, и Конан легко перекинул его через плечо. Теперь стало ясно, что с дисциплиной у бандитов туговато. И даже со своей ношей на плечах он ускользнет незаметным.

В офирском лагере Конан сбросил пленника на землю, к ногам командира. Пока стражник медленно приходил в себя, Конан рассказал обо всем, что узнал о бандитах и об их планах. Пока он говорил, подошла Калья с акробатами и тоже стала слушать.

— Очень хорошо! Великолепно! — Командир отряда был просто поражен способностями Конана. — Поступай ко мне на службу разведчиком, я буду хорошо платить, а участвовать в парадах тебе не обязательно.

— Может быть, позже, — отвечал Конан. — Сначала хочу закончить кое-какие свои дела, а уж потом будет видно, что делать дальше.

— Что ж, твое право решать. А теперь поговорим с этим негодяем, он, кажется, приходит в себя.

— Можно, я его спрошу первый?

— Да, ты заслужил это.

Пленник сел и огляделся. По выражению его лица было ясно, что он готов рассказать все.

— Где рабы? — спросил Конан.

— Отправлены на юг два или три дня назад.

— Кто их повел? Гиперборей?

— Да, и еще человек двадцать. Жаль, что я не с ними.

— Твоя участь не изменилась бы. Куда их повели?

— В Хоршемиш.

Вперед выступил Вулпио:

— Как они связаны?

— По десять в ряд, — ответил пленный. — На каждом железный ошейник, приклепанный к главной цепи.

Вулпио выругался:

— Плохо наше дело!

— Объясни, что случилось, — попросил Конан.

— Если бы они были в обыкновенных кандалах, ручных или ножных, не говоря уже о веревках, Риула могла бы освободиться от них в мгновение ока. Освобождение от оков всех видов — это один из наших обычных номеров. Но никто не может освободиться от заклепанного ошейника, не распилив его.

— Мы догоним их прежде, чем они смогут дойти до Хоршемиша, — успокоил его Конан. — Они ведь двигаются пешком, медленно. Мы на лошадях легко догоним их.

— Их будет двадцать человек, не считая гиперборей, — напомнила Калья.

— Может, мы придумаем какую-нибудь хитрость. — Конан повернулся к командиру отряда. — Возвращаю вам вашего пленника. Желаю интересной беседы.

— Сейчас он мне все выложит как миленький. А ты иди и отдохни. Сегодня ты уже достаточно потрудился. И не забудь о моем предложении.

Вернувшись к своим лошадям, Конан и Калья завернулись в плащи и уселись на землю.

Конан еще раз подробно рассказал о своей вылазке.

— Значит, оба живы-здоровы, — сказала Калья. — Может быть, завтра мы наконец отомстим. А что ты собираешься делать дальше? Ехать за Риулой и остальными? Надо ли? Ведь гиперборей нам в общем-то ни к чему, по мне, так пускай живет хоть тысячу лет.

— Ты права, спорить не буду. Но видишь ли, хоть я тогда ляпнул вроде как в шутку, мол, если мы будем охранять их, им не о чем беспокоиться, но все же хотелось бы довести дело до конца. Да и Вулпио — наш друг.

Калья улыбнулась в темноте:

— Да, я знаю, что ты не бросаешь друзей в беде. И мне тоже хочется освободить Риулу и остальных. Даже если я и покончу завтра с Аксандриасом, на сердце будет неспокойно. А теперь давай спать. До рассвета осталось не больше трех часов. Мне бы не хотелось проспять завтрашний бой.

Солнце еще не взошло, а они уже были в седлах, готовые к атаке бандитов. Командир отряда очень хитро расположил свои силы. Он не стал вытягивать их длинной узкой цепью, а приказал выстроиться в три ряда. На флангах же он разместил лучников, чтобы они по возможности уменьшили количество атакующих. Взошло солнце, а бандиты все не показывались. Видно, что-то случилось в их лагере. Наконец они появились. Но это не была мощная согласованная атака, а какие-то беспорядочные попытки прорыва отдельных маленьких групп. Как только командир отряда уверился, что это не отвлекающий маневр и единой атаки можно не опасаться, он отдал команду окружать и ловить бандитов.

— Ну что, киммериец, где же твоя мощная атака? — крикнул он, заведя Конана.

— Пока не знаю, — отозвался Конан, — но скоро выясню.

Он направил коня вверх по склону, в расщелину. Те бандиты, которых он видел, думали только о спасении собственной шкуры. Один из них, бестолково размахивая мечом, налетел на Конана, когда тот въезжал в расщелину. Меч Конана просвистел в воздухе, и бандит рухнул на землю, истекая кровью. Лошадь переступила через него, и Конан въехал в ложбину. Там уже почти никого не было. Несколько человек пытались взобраться на своих лошадях на крутые склоны, надеясь ускользнуть труднодоступными горными тропами. Убедившись, что среди них нет ни Тахарки, ни Аксандриаса, Конан двинулся к пещере. Калья не отставала от него ни на шаг.

— Когда я войду внутрь, — сказал Конан, — ты отсчитай два медленных вдоха и после входи. Если поспешишь, смогу случайно оцарапать тебя мечом.

Конан обнажил меч и вбежал в пещеру. Он взмахнул мечом направо и налево с такой быстротой, что невозможно было уследить глазом, описал вокруг себя стремительные круги и через секунду уже знал наверняка, что никто внутри не подкарауливает. Если бы кто и был, то обязательно попал бы под удары Конана.

Появилась Калья и, увидев, что Конан прячет меч в ножны, сделала то же самое. Ее глаза расширились, когда она увидела, сколько награбленного хранится в пещере. Сундуки были частично опорожнены бандитами, которые стремились прихватить с собой хоть что-то. Все хранило на себе следы поспешного бегства.

— Куда же они делись? — спросила Калья. — Может быть, мы их прозевали в толпе бегущих?

— Сомневаюсь. Аксандриаса, конечно, можно было бы прозевать, но Тахарку пропустить просто никак нельзя. Он выделяется среди других, как лев среди шакалов.

Они принялись обследовать пещеру, не упуская возможности прихватить что-нибудь

особенно приглянувшееся. Вскоре к ним присоединился командир отряда в сопровождении своих офицеров.

— Мы поймали почти всех, и тех, кто ускользнул, тоже поймает. Их головы украсят большую королевскую дорогу на много миль. — Он оглянулся. — Вот это да! Ну и задачка у меня: проследить, чтобы мои собственные солдаты не растащили это все. А почему ты, киммериец, крутишь головой во все стороны?

— Я чувствую движение воздуха, слабую тягу, — ответил Конан.

— Твои чувства острее моих, — заметил командир, — я ничего не замечаю. Ну, и что же должен означать этот таинственный зефир?

— Похоже, что здесь имеется еще один выход. Моя родина богата пещерами, я кое-то в этом понимаю. Пошли!

Конан повел их по боковому проходу в дальний конец пещеры, к кипе хвороста. Он отодвинул хворост, и все увидели солнечный свет. Через проход они вылезли наружу. Командир огляделся вокруг.

— Здесь у них были привязаны лошади. Две лошади, я бы сказал. Предусмотрительные негодяи, ничего не скажешь.

Конан, сначала отчаянно ругавшийся из-за того, что Тахарка и Аксандриас оставили их опять с носом, вдруг разразился неудержимым смехом.

— Ты что, с ума сошел? — с перекошенным от ярости лицом закричала на него Калья. — Они же почти были у нас у руках, а теперь опять все сначала!

— Да ты только представь себе, — сквозь смех возразил Конан, — как восхитительно разглагольствовал этот негодяй, а у него кони стояли все это время наготове! Сначала он призывает своих людей на подвиги, а сам бросает их, когда они больше всего в нем нуждаются! Видел ли когда-нибудь свет подобного мерзавца?

— Да уж, таких поискать надо! — командир кивнул. — Коварен, как змея. Ладно, ничего тут теперь не поделаешь. Нам надо собрать все эти сокровища и отвезти в город. А об этом бандите пусть беспокоится король Кофа. Года два тому назад к нам от них перекинулась чума. Будем считать, теперь мы квиты.

— А преследовать тех, кто увел отсюда рабов, вы не собираетесь? — спросил Конан. — Ведь эти люди — подданные офирского короля.

Командир пожал плечами:

— В другое время непременно сделал бы это, но сейчас... Мы как-никак воюем, а освобождение рабов не входит в мои задачи. Мне было приказано уничтожить шайку разбойников и сразу возвращаться обратно. Могу лишь пожелать вам успеха.

Тахарка и Аксандриас скакали всю ночь напролет. В их переметных сумках лежали тщательно отобранные драгоценности — самые легкие и занимающие мало места. Взошло солнце и осветило обоих. У Тахарки вид был, как всегда, довольный. И даже мрачный Аксандриас немного повеселел.

— Наши недавние друзья, наверно, в эту самую минуту атакуют офирцев, — заметил Тахарка. — Если они будут строго следовать моему плану, не исключено, что многим удастся прорваться на волю.

— Маловероятно, — буркнул Аксандриас. — Эти трусы ни на что не годны, если у них нет строгого командира.

— Мне кажется, наш отряд тебя уже не угнетает.

Прошлой ночью Тахарка почти что силой заставил Аксандриаса следовать за собой. Аквилонец все еще пребывал в драчливом настроении, владевшем им все последние дни. Он жаждал вступить в бой с офирцами.

— Да, — подтвердил аквилонец, — кровь закипела. Я был готов к хорошему мордобою. Даже ценой жизни.

— И впрямь, иногда очень трудно отказаться от возможности помахать мечом. Когда у воина играет кровь, его тянет на бранные подвиги. — Тахарка усмехнулся.

— Вот-вот, так оно и было. Но ничего страшного, представится другой случай, и я думаю, еще не один.

— Да, не один, конечно, не один, — поддакнул Тахарка.

В душе он веселился, ведя этот разговор. Ему было совершенно ясно, что его заместитель повадился глотать таблетки жреца. Даже страшно видеть, насколько быстро сжигало Аксандриаса это дьявольское зелье. За последние дней десять он, казалось, постарел на десять лет. Шелковистые когда-то светлые кудри висели теперь тусклыми прядями, кожа сморщилась. Аксандриас сильно похудел, остались только кости да жилы.

— Что же нам теперь делать, хозяин? — спросил Аксандриас. — Ведь мы потеряли все, кроме той малости, которую захватили с собой.

— Что ты мелешь? — воскликнул Тахарка. — Мы обобрали целый край, и нам это ничего не стоило. Ты что, собирался стать лордом, жениться, нарожать толстых ребятишек? Ведь нет же. Так что же мы тогда особенного потеряли? Некоторое время мы жили по-королевски. Скоро мы доберемся до нового места и опять устроим себе чудную жизнь. Ну, потеряли мы нескольких людей... Так что с того? Я тебя уверяю, что и на новом месте люди найдутся.

Несмотря на свое мрачное настроение, Аксандриас не удержался от улыбки:

— Да, хозяин, ты совершенно прав. Что таким, как мы, мужчины, женщины, боги? Едем, разграбим еще один край, как сундук с сокровищами.

Тахарка расхохотался и хлопнул аквилонца по плечу:

— Ну, вот и молодец! Теперь ты похож на прежнего Аксандриаса, с которым я познакомился три года назад и с тех пор люблю, как родного брата! Забудь о потерях. У нас еще все впереди, сам увидишь! Впереди великие времена!

— Так и будет, хозяин, — с воодушевлением подхватил Аксандриас, хотя про себя решил, что Тахарка совсем спятил и в один прекрасный день доиграется. А падая в пропасть, прихватит с собой и его. — Так какую-нибудь, куда мы едем?

— Сначала догоним Куулво с его караваном. Расскажем им ужасную историю, как на нас напало несметное войско офирского короля и разгромило подчистую. У Куулво там человек двадцать, именно столько было тогда с нами в Киммерии. Продадим рабов и с выручкой да еще с тем, что прихватили в Офире, начнем новое дело.

— Отлично, хозяин, — сказал Аксандриас. — Значит, займемся тем же, чем и в Офире?

Тахарка немного подумал.

— Пожалуй, нет. Мы уже столько времени занимаемся грабежами, что мне это надоело. И потом, там совсем другие условия, никакой войны, особенно не разгуляешься. Я думаю, лучше мы отправимся еще дальше на юг, через Шем к стигийской границе.

— Но, хозяин, ведь в Стигии сильная государственная власть, мы просто не сможем развернуться!

— А в Шеме, наоборот, никакого порядка. И границей между ними в сущности является сам Стикс, где бы они эту границу ни проводили. А Стикс — замечательный водный путь, по которому товаров перемещается больше, чем по всем хайборийским королевским дорогам вместе взятым. Мне давно уже хотелось попробовать новое дело. Почему бы не это?

— Грабить речные торговые суда?.. — Аксандриасу это показалось удачной идеей. Хотя кое-какие сомнения оставались. Разбой на суше никого не удивляет, пиратство на море — обычное дело, но речное пиратство?..

— Когда-то и этим занимались люди, — ответил Тахарка. — Но никто не сумел правильно поставить дело, а я сумею.

Куулво скучал. Не то что он не обрадовался возможности вырваться из лагеря, который считал настоящей западней, но и теперешнее времяпрепровождение было не самым лучшим. Мало существовало дел столь же обременительных, как то, чем он был сейчас занят. Переправка рабов на такое большое расстояние могла опротиветь и наскучить даже более терпеливому человеку, нежели гиперборей.

Караваны с рабами обычно движутся очень медленно, и всадники изнывают в своих седлах. Вот и сейчас рабы шли нога за ногу, еще медленнее, чем передвигались, к примеру, пехотинцы: тех-то хоть специально обучали быстрой ходьбе. Если среди рабов были женщины, как на сей раз, то дело обстояло еще хуже. А если были еще и дети, — так вообще и говорить не о чем. С детьми выходили из положения просто: самым надоедливым разбивали головы о первый подвернувшийся камень. Но тогда всю оставшуюся дорогу приходилось слушать вопли и причитания их матерей. И это тоже очень раздражало. Короче говоря, переправа рабов была сплошной морокой. По сравнению с этим жизнь простого наемника казалась гиперборейю раем.

Куулво ездил взад-вперед вдоль каравана, щелкая бичом, чтобы воодушевить отстающих. Правда, среди рабов были такие, что почти не причиняли хлопот. В этой десятке собралось пять женщин, и казалось, что они устают меньше других. Куулво подумал, что они из последней захваченной партии пленников, бродячие актеры. А если так, то что ж удивительного в том, что они так хорошо держатся.

Гиперборей вытащил платок и вытер потную шею. Дни стояли очень жаркие. Внезапно раздался крик одного из бандитов:

— Капитан! С севера едут два всадника!

Куулво придержал лошадь.

— Два всадника нам ничего не сделают, — проговорил он. И все же по давней привычке проверил, легко ли вынимается меч из ножен. Он всмотрелся в приближающихся всадников. С каждой минутой они делались все больше и больше. — Тот, кто повыше, если я не ошибаюсь, наш командир, ну, а второй, кому же еще быть, аквилонец.

— А где остальные? — спросил тот же бандит.

— Сейчас они сами нам все расскажут. — Однако Куулво обо всем догадался.

Тахарка и Аксандриас эффектно осадил лошадей.

— Привет вам, друзья! — вскричал Тахарка. — Удачным ли было ваше путешествие?

— Не хуже, чем ожидали. А как ваши дела? — спросил Куулво. — Я вижу, что вы путешествуете налегке и в полном одиночестве. Как это вышло?

— О, это очень печальная история, — со вздохом проговорил Тахарка. — Да, очень печальная история. Но ведь жизнь вообще полна опасностей и неожиданных поворотов судьбы. Кое-кто из наших проявил легкомыслие. Стражники заметили врага слишком поздно. И вскоре большое войско офирцев, пешие и конные, расположились лагерем прямо, можно сказать, у нас под носом. Была грандиозная битва, мы сражались, как львы. — Он опять испустил глубокий вздох. — Увы, силы были слишком уж неравны. Почти все погибли, и лишь немногим удалось бежать. Мы с Аксандриасом спаслись почти что чудом.

Послышались испуганные возгласы бандитов, кто-то спросил, поглядывая на север:

— Они не погнались за вами?

— Погнались, но мы сумели оторваться. Наверное, боги покровительствуют нам.

— Мы поздравляем вас со счастливым избавлением от смерти, начальник, — сухо проговорил Куулво. Он заметил, что доспехи Тахарки ничуть не пострадали от того тяжелого боя, который он только что столь красочно описал. На них не было заметно даже царапины. И лишь по Аксандриасу можно было понять, что тот принимал участие в сражении. Однако Куулво уже догадывался, откуда у аквилонца эта повышенная в последнее время воинственность.

— Соберитесь же вокруг меня, мои верные друзья! — вскричал Тахарка. — И по дороге я расскажу вам о своих новых планах, великих планах!

Они тронулись в путь, и бандиты как замороженные внимали Тахаркиным рассказам о том, какое замечательное будущее их ожидает в самое ближайшее время. Кроме его воодушевленного голоса, стонов рабов, мягкого стука копыт, время от времени резкого щелканья бича, слышно ничего не было.

— Ну, и как же мы это сделаем? — спросила Калья. Лежа на вершине низкого холма рядом с Конаном, она глядела на юг. Далеко-далеко на горизонте был едва различим караван Куулво. Своих спутников, равно как и лошадей, Конан и Калья оставили с другой стороны холма, чтобы кто-нибудь из бандитов не увидел случайно их силуэты на фоне неба.

— Подождем темноты, — сказал Конан. — Тогда мы сможем подобраться к ним поближе. Судя по всему, они не ожидают преследования, и хорошо. Скорее всего, и серьезной охраны они не выставляют.

— Но их же не меньше двадцати. — Калья напрягла глаза, пытаясь сосчитать всадников. — А может, даже больше. Ты думаешь, если мы нападём ночью, то сумеем перебить их полусонными?

— Вряд ли. Во всяком случае, если среди них находятся Тахарка и гиперборей, то точно нет. Мне кое-то пришло в голову. Мой план займет несколько дней, так ведь все равно им еще идти и идти до Хоршемиша.

— Ну и как же мы его осуществим?

— Не мы, а я. — Конан увидел вытянувшееся лицо Кальи и рассмеялся. — Не беспокойся, никто твоего аквилонца трогать не собирается. Он твой, и только твой.

— Ну, смотри, я верю. А как же ты собираешься действовать в одиночку?

— Как пикт, — ответил Конан.

Вечером она опять помогала Конану натираться золой. Акробаты удрученно молчали, они знали, что их женщины рядом, но ничем не могли помочь. Киммериец встал и приготовился идти.

— Вот твой меч, — сказала Калья.

— Мне будет достаточно кинжала. — Конан взял в руки свой тяжелый кинжал длиной в десять дюймов и лезвием настолько острым, что оно могло перерезать в воздухе волосинку. Секунда, и киммериец растаял в темноте.

Гирас был очень недоволен. Его самого вместе с его другом, тоже заморийцем по имени Наргал, назначили нести охрану с северного конца лагеря. А он-то надеялся скоротать вечерок с какой-нибудь рабыней.

— И какой смысл стоять на часах? — брюзжал он, обращаясь к напарнику. — Ведь командир сам сказал, что погони нет.

— Знаешь, — Наргал сплюнул через плечо, — ему просто нравится корчить из себя большого начальника. Отсюда и часовые, и, — он еще раз выразительно сплюнул, — <дисциплина>. — Лицо заморийца, изрытое оспой, скривилось в уродливую гримасу. — Вот от этого я и сбежал из заморийской армии.

— Что тебе сказать, — задумчиво проговорил Гирас, — порой мне кажется, что в шадизарских казармах было лучше, чем в этих пустынных равнинах.

— Единственная радость, что здесь не наказывают плетьюми, — заметил Наргал. — Но какая какую-нибудь глупость эта ночная вахта. Сэт бы побрал наших начальников. Они сейчас крепко спят, и я собираюсь последовать их примеру.

Он положил голову на седло и закрыл глаза. Гирасу стало не с кем разговаривать. И он тоже заклевал носом. Некоторое время поборовшись со сном, он вскоре тоже задремал. Ни тот ни другой не почувствовали и не услышали, как рядом с ними возникла чья-то неясная тень.

Гирас проснулся как от толчка. Солнце еще не взошло, но небо на востоке сияло. Звезды поблекли. Раздался птичий щебет. Гирас виновато посмотрел по сторонам — вроде никто не заметил, что они спали. Наргал все еще не проснулся. Его иссиня—черная бородка все так же лежала на темно-красной рубашке.

Гирас потянулся и почесался, размышляя о том, что приготовит повар на завтрак. Но потом вдруг его осенило: вчера ведь на Наргале была желтая, а не красная рубашка! Наргалу почему-то эта рубашка очень нравилась. Он даже убил ее прежнего владельца. Аккуратно так свернул ему шею, чтобы рубашки не попортить.

Гирас подполз и дотронулся до плеча своего друга, желая разбудить его. Но рука его отдернулась сама собой. Она стала липкой и влажной. От его движения тело Наргала повалилось, голова откинулась назад, и Гирас увидел, что горло его перерезано, а глаза бессмысленно смотрят в небо.

Гирас вскочил на ноги и сдавленно закричал. Потом огляделся, как безумный, но никого не увидел.

— Вставайте! К оружию! Тревога! Наргала убили! — закричал он истошным голосом и кинулся со всех ног в лагерь.

Тахарка перехватил его:

— Кто убил Наргала?

— Я не знаю! — истерично выкрикнул Гирас. — Я, должно быть, закрыл на секунду глаза, а когда открыл, он был уже мертв. Это все демоны!

Тахарка отшвырнул его в сторону:

— Демоны! Не придумывай, идиот! Показывай, что там!

Вместе с другими он отправился к тому месту, где вчера оставил двух часовых. При виде трупа Наргала с располосованным горлом бандиты разразились криками и проклятиями.

— И впрямь, это работа демонов! — сказал бандит из Хорайи. Он повел рукой, указывая на поросшую травой равнину. — Посмотрите, здесь же нет ничего, кроме травы. Ни даже самого малюсенького кустика! Кто же смог подобраться к ним? Как он убил одного так тихо, что другой и не заметил? Такое под силу только демонам.

— Зачем демону клинок, чтобы убить человека? — фыркнул Куулво. — Я видел в жизни не одно перерезанное горло, и знаю, как это делается. Думаю, Гирас давно затаил обиду на Наргала, а теперь воспользовался случаем. Так что же вы, Гирас, не поделили? Женщину? Или Наргал надул тебя при дележе?

— Клянусь, я не убивал его! — вскричал Гирас. — Он был моим другом! Мы вместе бежали из заморийской армии и уже много лет неразлучны.

— Думаю, ты лжешь, — проговорил Тахарка. — Одно дело — честный поединок, а совсем другое — убийство исподтишка.

Он кивнул Аксандриасу, и тот, ни секунды не медля, поразил Гираса мечом в самое сердце. Удивленный замориец не успел и глазом моргнуть. Тахарка удовлетворенно оглядел трупы.

— Ну вот, все справедливо: один наказан за убийство, а другой заслужил смерть, потому что спал на посту. А теперь, когда мы все здесь уладили, можно идти завтракать. У нас сегодня длинный переход.

Они вернулись в лагерь. Бандиты принялись сворачивать свои одеяла, когда вдруг раздался испуганный возглас.

— Это Пушта! — дрожащим голосом проговорил немедиец. — Я думал, он спит, а он убит. Как Наргал.

Люди столпились вокруг нового трупа.

— Два убийства за ночь? — проворчал Тахарка. — Что-то многовато... — Он сохранял спокойствие, однако в голове его царила полная неразбериха. Как такое могло случиться!

— Он ведь всю ночь лежал рядом со мной, — сказал немедиец, — а я ничего не слышал!

— Я тоже ничего не слышал, — еле выдавил из себя бледный офирец, а ведь я лежал с другой стороны.

— Возможно, мы поторопились, прикончив Гираса, — протянул Аксандриас.

— Если ваши друзья мертвы, то лишь потому, что вы все дрыхнете без задних ног, когда следует быть настороже! — гневно воскликнул Тахарка. — Странно, что нас всех еще не перерезали, — так вы перепиваетесь каждый вечер. Однажды ночью эти рабы задушат вас своими цепями, и я тогда наконец от вас, идиотов, избавлюсь! Быстро собирайте барахло и поехали. Надо убираться поскорее с этого проклятого места.

Весь день Тахарка был мрачен. Он размышлял о загадочных событиях и не мог решить, связаны ли они с жрецами и их жуткими древними богами. Может, они нарочно подталкивают его к какой-то ужасной, неведомой ему судьбе?

Вечером все боялись уснуть. Сидя вокруг костров, люди вполголоса переговаривались, бросали боязливые взгляды в ночную мглу. Все же мало—помалу к утру почти все задремали. А когда взошло солнце, то еще два трупа лежали на земле с перерезанным от уха до уха горлом.

На этот раз паника была даже сильнее, чем накануне. Некоторые вскочили на лошадей, пытаясь удрать, Тахарке пришлось собственноручно разрубить двоих, чтоб остальным было неповадно.

— Еще одна такая ночь, и нам всем конец, — сказал Куулво, когда они тронулись в путь.

— Но что же это может быть? — Тахарка сам начал паниковать. — Кто проникает в охраняемый лагерь и безбоязненно убивает людей? Это просто невозможно.

— И все же, — заговорил Аксандриас, — если это повторится и следующей ночью, они начнут убивать друг друга просто от страха.

— Я согласен, — сказал Куулво, — и вот что я предлагаю. Сегодня мы ляжем в стороне ото всех: нас-то они попытаются убить в первую очередь, но если мы будем ночью нести вахту, на нас не смогут напасть незаметно.

— Да, это лучше, чем ничего, — произнес Тахарка. — А сколько нам еще осталось до

Хоршемиша?

— Если поторопимся, — ответил Куулво, — то дойдем к вечеру третьего дня, не считая сегодняшнего. Завтра к ночи мы достигнем более цивилизованных мест, там будут уже попадаться деревни и фермы.

— Значит, еще одна ночь в этой дикой местности, а потом, завтра, мы найдем деревню побольше и расположимся в ней. Я думаю, хорошая высокая стена, ограждающая нас со всех сторон, была бы очень кстати, — сказал Тахарка.

— Какой прок от стены, если наш враг — демон? — возразил Аксандриас. Выглядел он ужасно: глаза ввалились, волосы наполовину поседели, рот ввалился, отчего казалось, что зубы стали гораздо длиннее, чем раньше. С тех пор как начались ночные убийства, он постоянно принимал зелье жреца.

— Даже ты, мой друг, поверил в сверхъестественное? — ухмыльнулся Тахарка. — Уж от тебя-то я этого ожидал меньше всего.

— Да нет, — Аксандриас еще больше помрачнел, — я вообще-то так не думаю, да только как поверить, что это дело рук простого смертного.

Тахарка вовсе не хотел обнаруживать свои собственные опасения. Хотя, надо сказать, несколько странный способ выбрали жрецы, чтобы досадить ему за то, что он отказался от общения с ними. Если это, конечно, жрецы.

Этой ночью кошмару, который, как им всем казалось, длился уже целую вечность, прибавилось нечто новое. Оставшиеся в живых бандиты соорудили большой костер и расположились вокруг него. Ночь прошла спокойно, но за час до рассвета усталость предыдущих дней начала брать свое. Многие задремали, но почти сразу были разбужены воплем. Немедиец недоуменно смотрел на стрелу, шесть дюймов которой торчало у него из груди.

Все вскочили на ноги, выхватили мечи и глазами, полными ужаса, вглядывались в предрассветную мглу.

— В какую сторону он сидел лицом, когда в него попала стрела? — задал вопрос Куулво.

Ни один не мог сказать точно. Внезапно послышался звук удара, будто кто-то шлепнул с размаху плетью, и человек, шатаясь, выпал из круга — со стрелой в груди. Все повернулись лицом туда, откуда прилетела стрела. Опять послышался какой-то звук, затем крик боли. Офирец упал на колени, потом рухнул лицом вниз. Из-под его левой лопатки торчал кинжал.

— Мы все обречены! — вскричал горбоносый шемит. Вне себя от охватившего его ужаса, он ринулся в темноту, продолжая кричать. Через несколько мгновений раздался душераздирающий вопль, и шемит умолк навсегда.

Тахарка схватил хлыст и подскочил к рабам.

— На ноги, собаки, все на ноги! — Он обернулся к оставшимся. — Идите все сюда. Если уж у нас нет каменной стены, спрячемся за живую.

Бандиты торопливо поставили рабов таким образом, чтобы они образовали круг, а сами расположились внутри. Рабы ничего не понимали, но стояли покорно. Их опущенные вниз лица ничего не выражали. Одна темноволосая гибкая красавица слегка подтолкнула локтем стоящую рядом женщину, и обе они посмотрели на кинжал, торчащий из спины бандита. Еще три женщины смотрели туда же. И все пятеро украдкой улыбались, так чтобы бандиты не заметили.

— Светлеет, — Куулво огляделся. — Может, теперь мы сможем увидеть наших врагов.

Но когда солнце встало, они не увидели ничего, кроме расстилающейся перед ними

зеленой пустыни.

— Осталось одиннадцать, — сказал Конан. — Сегодня мы с ними покончим.

— Я рада, что мы сегодня с тобой, — произнесла Калья. — А то все ты да ты.

— Да, и я тоже потешил свое сердце, — вступил в разговор Вулио. Его приземистая гнедая кобыла потихоньку трусила между лошадьми Конана и Кальи. — Приятно было прикончить одного из этих мерзавцев. А главное, я собственными глазами увидел, что Риула жива.

— Завтра на рассвете вы будете уже вместе, — сказал Конан. — Только запомни, когда мы нападём на них, не отходи от меня ни на шаг. И не сцепляйся ни с кем. А когда я укажу тебе на человека, сразу кидай кинжал, пока тот не успел чего натворить.

— Не беспокойся, я не подведу. Я буду бросать кинжалы так быстро, что ты их даже не увидишь в воздухе — только в горле у того, на кого ты мне укажешь.

— А ты, Калья, ни в коем случае не связывайся с Тахаркой. Он мой. Если он нападет на тебя, постарайся удрать. Я думаю, что нам надо прежде всего покончить со всеми остальными, а уж потом заняться Тахаркой, Аксандриасом и гипербореем. Если начать с них, нам будет уже не до других.

— Мне нужен только Аксандриас, ты это прекрасно знаешь, — ответила Калья. — Остальных хоть всех забирай себе, но убегать от кого бы то ни было я не собираюсь.

Конан сверкнул на нее глазами:

— До чего же с тобой трудно договориться.

Она улыбнулась:

— А с тобой? И вообще, будь я другой, что с меня было бы толку.

Деревня стояла на месте старого поселения. Глинобитные домики выросли прямо на древних развалинах. Когда-то здесь был каменный храм, но его обвалившиеся стены уже давно были растащены по кускам. Камни использованы для постройки большого загона для скота.

Этих камней хватило на нижние пять футов, а еще пять футов сверху были из глины.

Тахарка договорился с деревенским старостой, и овец убрали на ночь из загона. Тахарка поморщился, наблюдая за рабами, пытавшимися навести хоть какую-то чистоту на площадке внутри загона.

— Вонь от этих овец еще хуже, чем от рабов. Но будем надеяться, что запах не смертелен. Куулво, проследи, чтобы наши люди не отправились напрямиком в кабак и не перепились бы.

— Хорошо, только не это должно нас сейчас беспокоить. Главное, чтобы кто-то из них не захотел смыться.

— Ты прав, их вообще нельзя никуда отпускать. Аксандриас, походи и закажи на всех хороший ужин. Возьми с собой рабов. Пусть принесут еду сюда. Это должно всех взбодрить. Но вина много не бери, только чтобы запить еду. Да еще разбавить его как следует водой.

— Разве мы здесь не в безопасности, хозяин? — спросил Аксандриас.

— Откуда я знаю? Боюсь, что нет. Ведь так до сих пор и не известно, кто нас преследует. Лучше поостеречься. Куулво, ступай к воротам и никого не выпускай.

— Хорошо, хозяин, — ответил Куулво.

Тахарка вынул изящную расческу из слоновой кости и задумчиво расчесал свою ухоженную бороду. После вчерашней ночи он уже не сомневался, что их жизнь превратили в ад отнюдь не сверхъестественные силы. Стрелы и кинжал — оружие людей. Но кто же, кто их преследует? Одноглазая ведьма со своим киммерийцем? Но как двое полоумных юнцов, у которых молоко-то на губах не обсохло, могли перебить столько людей и нагнать на остальных такого страха? Он просто не позволял себе поверить в это. Да и почему, с какой такой стати им преследовать его с такой маниакальной одержимостью? Тахарка слышал, конечно, древние сказания о королях и героях, на которых за многие их прегрешения разгневанные боги насылали преследователей, и продолжалось это до тех пор, пока виновные не сходили с ума или не лишали себя сами жизни. Но ведь это сказка, миф. Да кроме того, что уж такого страшного он сделал, чтобы так наказывать его? Но если это не боги и не одноглазая с киммерийцем, значит, это дело рук проклятых жрецов с их дьявольскими задумками. Чего бы это ни стоило, что бы и кого бы ни пришлось для этого принести в жертву, но надо держаться от них как можно дальше.

Направляясь к единственной в деревне таверне, Аксандриас, в отличие от Тахарки, не мучился сомнениями. Он был уверен, что преследует их именно Калья. И специально убивает его спутников, чтобы поиздеваться над ним и побольше помучить его. Калья стала для него постоянным ночным кошмаром. Да если бы только ночным — он помнил о ней ежесекундно. Иногда она представлялась ему маленькой девочкой, которую он знал когда-то давно. Иногда она представлялась ему той одноглазой фурией, которая набросилась на него в Кротоне. Иногда он просыпался ночью с криком: ему чудился запах паленого мяса.

В таверне Аксандриас потребовал себе обильных кушаний, но когда из кухни до него стали доноситься щекочущие аппетит запахи, удовольствия он не почувствовал. Ему Тахарка не запрещал пить, поэтому Аксандриас велел подать себе вина. Но вино показалось отвратительным на вкус. Последнее время Аксандриасу приходилось заставлять себя съесть хоть что-нибудь, аппетит пропал у него абсолютно, а вот теперь он уже не мог и пить. Ничего больше не имело для него смысла, кроме кровавых схваток и женщины, вернувшейся с того света.

Когда тени удлиннились, а свет стал тускнеть, Тахарка отвел Куулво и Аксандриаса в сторонку.

— Друзья мои, — сказал он, — вы знаете, я человек осторожный и предусмотрительный, поэтому я принял некоторые меры предосторожности. Идите за мной. — И он повел их за ворота.

Бандиты, оставшиеся в загоне, продолжали свой роскошный ужин.

Глубокой ночью Конан со спутниками кругом обходили деревню. Где-то залаяла собака, почуяв, возможно, их присутствие. Раздался писк — видно, неосторожная мышка попалась в когти совы. Больше ничего не было слышно.

Они незамеченными подошли к загону. Конан сделал знак акробатам, и один из них встал спиной к стене, а пальцы сцепил перед собой замком. Второй акробат поставил ногу на сцепленные руки и легко взобрался на плечи своего друга, повернулся и встал точно в такую же позу. Они продумали комбинацию заранее, вот только потренироваться на голой равнине не было возможности. Два других акробата с легкостью вскарабкались на стену по

лестнице из человеческих рук, а за ними последовал и Вулпио.

Конан глубоко вздохнул и тоже двинулся вверх, стараясь как можно быстрее переносить тяжесть своего тела с одних сомкнутых рук на другие. Под ним живая лестница закачалась, но Конан сумел взобраться на стену и распластаться наверху. Потом он протянул свою длинную руку и втянул наверх Калью. Пристраиваясь рядом с Конаном, Калья не заметила, как задела мечом о стену. Раздался резкий металлический звук.

— Что там? — послышался сразу голос внизу. — А ну-ка, добавьте огня!

Выругавшись, Конан спрыгнул вниз и выхватил меч. Поднимать на стену двух акробатов, составлявших живую лестницу, уже не было времени. Калья приземлилась рядом с Конаном и сразу стала искать глазами Аксандриаса. Конан бросился к костру — Вулпио за ним по пятам. Вспыхнувший с новой силой огонь осветил их, и кто-то удивленно воскликнул:

— Да это всего лишь люди!

Рослый аргосиец набросился на Конана с поднятым двуручным мечом. Первым ударом Конан отбил опускающийся ему на голову клинок, вторым располосовал врагу лицо, а третьим сильно ранил в плечо.

В этот момент на него одновременно напали справа и слева. Он указал Вулпио на того, кто был слева, и повернулся вправо. Тот, кто, судя по одежде, был офицером, направил Конану в живот страшного вида копье с зазубренным острием. Конан схватил копье за древко возле наконечника и дернул к себе, выставив вперед меч, который так глубоко воткнулся в грудь офицера, что Конану пришлось выдергивать его двумя руками. Юноша оглянулся и увидел, что тот, кто был слева, лежит на земле с кинжалом в горле. Калья в это время уже разделалась с коринфийцем.

Еще один офицер напал на Конана, но со стены просвистела стрела: выстрел акробата оказался удачным. Потом на Конана налетели сразу трое, и некоторое время ему приходилось туго. Едва успев заметить блеск клинка справа, Конан нырнул вбок, чтобы избежать удара, и одновременно сам нанес удар, отрубив руку нападающего прямо с мечом. Конан почти увернулся от удара дубинкой и даже сумел смертельно ранить нападавшего, но и от прошедшего по касательной удара дубинкой у него из глаз посыпались искры. С трудом удержавшись на ногах, он повернулся к третьему — с обоюдоострым топором, но тот упал как подкошенный: из горла у него торчал кинжал.

Еще один бандит появился в поле зрения Конана, он безуспешно старался выдернуть из бока стрелу. Еще одна стрела вонзилась в него в нескольких дюймах от первой.

Бандит упал лицом прямо в костер.

Конан быстро подсчитал трупы.

— Трех не хватает! Где они?

Вместе с Кальей он еще раз обежал овечий загон.

— Их здесь нет! — воскликнула Калья. — Какой бог их охраняет? Так они и будут всегда бегать от нас?

Акробаты обнимали своих жен. Остальные пленники шумно радовались и просили, чтобы их освободили от цепей.

Конан бросился к Риуле и Вулпио.

— Риула! Где еще трое? Где кешанец, аквилонец и гиперборей?

— Они ушли из загона еще с вечера, — ответила Риула. — Сказали, что будут сторожить снаружи.

Конан бросился к воротам — снаружи они оказались запертыми. Изо всех сил

подпрыгнув, он сумел ухватиться кончиками пальцев за край стены, напряг свои мощные мускулы и подтянулся. По ту сторону никого не было. Однако издали доносился звук удаляющихся копыт. Ругаясь на чем свет стоит, Конан спрыгнул с наружной стороны и отпер ворота. Деревенские жители выглядывали из окон и дверей, привлеченные неожиданным шумом. Конан вошел в загон, где все собрались вокруг недавних пленников.

— Нам придется расстаться с вами, — сказал Конан. — Они ускакали. Риула, ты не слышала, что они собирались делать после того, как продадут вас?

— Они много рассуждали о том, — на миг она замолчала, чтобы еще раз поцеловать своего, мужа, — как они отправятся на юг к стигийской границе... — еще один поцелуй, — и станут пиратами на Стиксе. — Риула смеялась и плакала одновременно, ее слова было трудно разобрать.

— Пиратством они на нашей памяти еще не занимались, — сказала Калья. — Что же еще они выкинут!

— Значит, опять в путь. Попробуем отыскать их след. Вулпио, ты был верным, надежным другом, и хоть ты и не обучен воинским искусствам, я был просто счастлив, твои кинжалы выручали меня сегодня. Вот, возьми, — сказал Конан, вытаскивая из кармана несколько золотых монет. — Завтра у деревенского кузнеца работы будет невпроворот, пока он снимет со всех ошейники. Этих денег должно хватить, чтобы и ему заплатить да еще купить еды на обратную дорогу.

— Как нам благодарить тебя, — сказала Риула, — ты спас нас.

Конан пожал плечами:

— Я здесь оказался потому, что должен был убить кое-кого.

Он повернулся и пошел прочь. Калья шла за ним, вытирая на ходу лезвие меча.

— Да их было-то всего человек пять, — ворчал Куулво, — и чего, спрашивается, было уезжать. Прикончили бы — и дело с концом.

Они ехали на юг, и переметные сумы с награбленным в Офире радовали их глаз.

— Да, я согласен с тобой, — ответил Тахарка, — конечно, лучше было бы их прикончить. А тебе известно, сколько лучников притаилось на стене? Вот то-то и оно. На их стороне оказалось явное преимущество, и неразумно было ввязываться в драку. Если они когда-нибудь опять найдут нас, тогда уж мы будем диктовать условия.

— Ладно еще, хоть мы узнали, кто они, — сказал гиперборей, — простые смертные, а никакие не демоны.

— Но эти двое, женщина и киммериец, — хрипло проговорил Аксандриас, затравленно оглядываясь, — я вовсе не уверен, что они простые смертные.

— Это и есть река?

Конан не мог прийти в себя от изумления. От берега до берега не меньше мили. Деревни вытянулись вдоль Стикса. Их было так много, что они сливались одна с другой. Плодородные поля уходили в глубь суши, перерезаемые бесчисленными оросительными каналами.

Вдалеке виднелись башни и купола храмов, по обоим берегам вились широкие мощные дороги, и по ним ехали, скакали и шли пешком вереницы людей. Однако больше всего потряс Конана сам Стикс. По его широкой мутной глади сновали туда-сюда лодки, проплывали барки, длинные плоты и даже суда вполне солидных размеров.

На лодках чаще всего попадались треугольные паруса на косых реях, иные лодки передвигались с помощью парных весел, у других было одно длинное кормовое весло, которым человек загребал туда-сюда, как рыба хвостом. Совсем маленькие лодчонки почти не удалялись от берега, на них использовались шесты или короткие весла.

— Смотри! — воскликнула Калья, указывая на реку.

Из-за поворота появилось большое судно. Два длинных параллельных корпуса были соединены широкой общей палубой. Около сотни весел ритмично поднимались и опускались по обеим сторонам каждого корпуса. Багряные паруса на мачтах были убраны. На фок-мачте развевался большой алый флаг, на нем золотыми нитками было вышито нечто, напоминающее кобру. Борта судна сияли яркими красками, в основном голубыми и зелеными. Форштевни и ахтерштевни были украшены золотыми силуэтами кобр, грифов, шакалов и львов. В центре палубы возвышалась деревянная башня, обшитая листами полированной бронзы. Множество катапульта, размещенных на палубе и на башне, не оставляло сомнения в том, что это боевой корабль.

— О, великий Митра! Что это? — воскликнул Конан. Он никогда не видел ничего похожего на эту плавучую крепость. По воде до них долетело буханье барабана, определяющего ритм гребли.

— Стигийский боевой корабль, — ответила Калья. — Я видела подобные на картинах, но, конечно, они давали слабое представление о таких кораблях. Говорят, что у Верховного жреца их сотни.

— Сотни, — недоверчиво повторил Конан. — Да этого же просто не может быть, подумай, сколько денег надо, чтобы снарядить один такой корабль. — Конан был несказанно потрясен увиденным. Да, ради такого зрелища стоило покинуть холодную туманную Киммерию.

— Я знаю, что у стигийских жрецов золота больше, чем у всех остальных правителей и королей вместе взятых. Раньше я только слышала об этом, но теперь склонна поверить. Гляди-гляди! — Калья показала на готовое отчалить небольшое суденышко, позолоченное сверху донизу, — даже весла, за которыми сидели идеально подобранные по росту черные рабы, тоже были позолоченные. Нос украшала вырезанная из дерева и позолоченная голова львицы, а корму — голова коровы с большими рогами. — Должно быть, на нем поплывет принцесса или какая-нибудь знатная дама!

— Откуда ты знаешь? — С этого расстояния Конан, как ни напрягал зрение, не мог разобрать, кто сидел на возвышении посередине палубы.

— Я читала когда-то, что зверобогини львица и корова покровительствуют женщинам.

Конан, который стоял в стременах с тех пор, как они подъехали к реке, сел наконец обратно в седло.

— Потрясающее зрелище. У меня, наверное, ушли бы годы, чтобы исследовать все это. Но что же нам делать? Как мы найдем Тахарку с его компанией среди этого скопища народа? Да я в эту самую минуту вижу людей больше, чем видел за всю свою жизнь! А сколько здесь темнокожих! Там, на севере, легко было искать Тахарку.

— Придумаем что-нибудь завтра, — ответила Калья. — Не зря же мы сюда ехали.

Конан и Калья пересекли Коф и Шем. Они часто теряли след бандитов, но, расспрашивая людей в каждой деревне и на каждой ферме, находили кого-нибудь, кто их видел. Однако с тех пор, как они в последний раз слышали о бандитах, прошло уже несколько дней.

— А вдруг они перебрались на тот берег? — подумал вслух Конан.

— Вряд ли, ведь южная сторона для них была бы опаснее. Стигия — древняя страна, и жрецы с незапамятных времен держат ее жителей под жесточайшим контролем. Как чужеземцы они сразу бы попали в поле зрения властей. Скорее всего, они будут орудовать на северном берегу или в крайнем случае — на каком-нибудь острове.

— И ты думаешь, что мы сумеем их отыскать?

Калья хрипло рассмеялась:

— Посуди сам, может ли такой, как Тахарка, остаться незамеченным где бы то ни было? Поехали, поищем какой-нибудь город с большой пристанью. Скоро мы услышим о грабежах и насилиях на реке и тогда будем знать, где их найти.

Город звался Папгун. Он не был ни на правом, ни на левом берегу Стикса, а располагался на большом острове, чуть ближе к северному берегу. По любовному соглашению между Стигией и Шемом ни та ни другая страна не претендовала на него, а совместно пользовались им как удобным портом и перевалочным пунктом при перевозке товаров вверх и вниз по реке. Несколько мелких, но тем не менее судоходных притоков впадали здесь в большую реку, и остров был естественным и удобным местом встреч для купцов и путешественников, а также для агентов и шпионов королей близлежащих стран, плетущих свои интриги против соседей.

В центре острова, в самой высокой его части, было выстроено несколько таверн, и Конан с Кальей устроились в одной из них. Цены на острове были, конечно, высоки, но они заплатили бы и больше за такое выигрышное расположение. Они находились на острове уже третий день. Сидя за столиком на плоской крыше таверны, Конан и Калья смотрели на южный берег. Вдали виднелись гигантские пирамиды, и Конан все еще с трудом верил, что это — дело человеческих рук, а не детали естественного ландшафта. Он уже знал, что это гробницы древних стигийских правителей и что им много сотен лет.

— Зачем они это делают? — спросил Конан, указывая рукой на далекий берег. Прямо против них на стигийском берегу высился храм. Крохотные фигурки, одетые в белые одежды, непрерывно сновали вокруг него, махали кадилами, трясли систрами и били в барабаны, не слышные на таком расстоянии. — Они днем и ночью заняты одним и тем же. Зачем?

— Так у них принято. Они верят, что именно ревностное служение богам сделало их такими богатыми и сильными. Это позволяет Верховным жрецам сохранять свою власть над простыми людьми.

Конан передернул плечами:

— Ну и какой же толк от всего их богатства, если они должны проводить жизнь за таким скучным занятием: бормотать молитвы, трещать в трещотки и бить в барабаны для своих богов, которым все это нисколько не интересно, ведь они никогда им не показываются и ничего не отвечают.

Калья улыбнулась:

— Ты, Конан, действительно настоящий варвар. Ты не способен понять обычаев цивилизованных народов.

— И за это я весьма признателен Крому, если принять во внимание, что мы никогда его ни за что не благодарим. — Конан отхлебнул глотокпряного вина, в котором плавали кусочки фруктов. Сначала его вкус казался ему странным, но теперь оно нравилось ему все больше и больше.

— А ваш бог Кром, какой он? — спросила Калья.

— Он внушает страх. Мы его интересуем очень мало, да и он нас тоже. Он живет в пещере высоко в киммерийских горах. Когда мы появляемся на свет, он дарит нам воинскую отвагу, силу переносить тяготы и убивать наших врагов. Мы думаем, что от бога большего и не требуется. Все остальное время он занят тем, что враждует с нордхаймерским Имиром.

— Да, такой бог как раз подходит холодным северянам, — сказала Калья. — Боги южан гораздо причудливее. В Стигии их целая пропасть. Сегодня утром я разговаривала с одним ученым человеком, так он, наверное, три часа подряд рассказывал мне о них. У стигийцев есть боги для любой погоды, для каждой птицы, каждой рыбы, каждого зверя, для каждого дня недели, для каждой части человеческого тела. Самый главный из них — старый змей Сэт, Отец Ночи, но ему служат только специальные жрецы, а обыкновенные люди стараются даже не вспоминать о нем, такой он ужасный.

Конан вспомнил о жреце в древнем кротонском храме, о том, как он говорил, что Сэт просто молокосос по сравнению с их богами. Весь этот разговор о богах нагнал вдруг на него ужасную тоску.

На крышу поднялся человек и стал оглядываться в поисках свободного места. Он был одет как купец из Кеми, порта в устье Стикса. В том месте, где великая река впадает в Западное море. Увидев, что все столики заняты, он направился к Конану и Калье, там оставались еще свободные места.

— Разрешите присоединиться к вам? — спросил он и, получив утвердительный ответ, сел.

— Я вижу, вы из Кеми, — сказала Калья. Они многому успели научиться здесь за последние три дня. — Как торговля?

— Процветает, ведь наш отец Стикс заботится обо всех нас. Взгляните сюда. — Он показал на бесконечную вереницу баркасов. Груз на них был прикрыт парусиной, которая в свою очередь удерживалась и стягивалась сетью, сплетенной из пеньковых веревок. — На этих баркасах зерно для Мессантии: в южном Аргосе засуха и большой неурожай. А теперь посмотрите вон туда. — Он указал на целую флотилию маленьких рыбацких лодок у северного берега: люди собирались на ночной лов, на носу и корме горели фонари, виднелись приготовленные сети. — Рыбаки заняты своим промыслом не только днем, но и ночью. Днем им приходится опускать свои сети глубоко. С наступлением вечера тучи насекомых спускаются к воде в поисках пропитания. Рыбы поднимаются наверх, чтобы ловить насекомых, а рыбаки выходят на ночной лов, чтобы поймать эту рыбу. В этой

последовательности содержится какая-то прелесть, не правда ли?

— Я с вами согласна, — ответила Калья. — Но всегда ли река так милостива к вам?

— Вы ведь оба с севера, — проговорил купец, — и, как я понимаю, впервые на нашей великой реке?

— Мы только что приехали, — откликнулся Конан.

В ответ на его слова кемиец разразился целой речью.

— Узнайте же тогда, чужестранцы, что Стикс—кормилец может быть несказанно щедрым, но в то же время он своенравен и не только дарит, но и отнимает тоже обеими руками. На юге река кишит крокодилами и гиппопотамами. Гиппопотамы с виду вроде даже кажутся смешными, но на самом деле это опасное легковозбудимое животное. Еще в реке водятся ядовитые гадюки, а поскольку все змеи в Стигии священны и убивать их нельзя, то развелось их видимо—невидимо. — Купец секунду помолчал и заговорил вновь с еще большим воодушевлением: — Сейчас река спокойна, но ведь на ней случаются штормы большой разрушительной силы. И не так уж они редки: стоит двум богам поспорить о чем-то — и, пожалуйста, река бушует, как безумная. Она ведь неглубокая, значит, волны на ней большие, а у речных судов осадка невелика, они легко переворачиваются, и много народу каждый год тонет.

— А разбойники на реке шалят? — отпивая из кубка, спросила Калья.

— Редко, но случается. Однако им никогда не удастся подолгу бесчинствовать. Как только где-то появляется банда, ближайший наместник сразу посылает туда военный корабль или отряд конных гвардейцев. Они наводят порядок. Вот, кстати, я только что проплывал через провинцию Хопшеф, это к западу отсюда, там больших городов нет, и я уверен, что туда скоро пошлют кого-нибудь усмирять расходившихся негодяев.

— А что же такое случилось в этой провинции? — Конан старался не слишком проявлять свою заинтересованность. От волнения он чуть не сломал рукой свой кубок.

— Недели две или три тому назад, — охотно начал рассказывать купец, — там стали находить небольшие суденышки, с которых было все украдено, а владельцы исчезли. Дно у барок, как правило, было пробито, но хоть они и тонули, сильное течение реки иногда выносило их и прибывало к берегу. А еще на берег выносило тела или части тел. Животы вспороты, чтобы трупы в воде не раздувало от газов, но некоторые все равно всплывали. Или части тел. Это отец наш Стикс говорит так своим детям, что на реке появились злые люди и надо истребить их поскорее.

— А на какие суда нападали пираты? — спросила Калья.

— На небольшие купеческие барки, такие, что перевозят небольшие грузы и берут на борт пассажиров. Проезд на них обычно стоит дороже, и грузы они берут чаще всего ценные.

— Значит, и пассажиры на них люди состоятельные? — сделала вывод Калья.

— Именно так. А как раз в это время года знатные стигийцы привыкли совершать паломничества во всякие знаменитые храмы. Сами понимаете, по воде ведь путешествовать намного удобнее, чем по суше.

В этот вечер они еще долго говорили с купцом из Кеми. Всю жизнь проведенный на реке, он знал о ней все. Ему было приятно встретить столь неосведомленных людей, которые хотели узнать как можно больше. Конан и Калья поили его вином, а он рассказывал и рассказывал. Было уже совсем поздно, когда они вернулись в свою комнату и принялись строить планы.

Рано утром они были уже на причале, расспрашивая всех, не собирается ли кто

отправиться на запад. Еще перед тем, как перебраться на остров, они продали лошадей и седла, решив, что путешествовать по реке проще: на берегу было уж слишком много кордонов и пропускных пунктов.

У причала стояло несметное количество судов. Одни были грязными и пахли рыбой. Другие выглядели такими старыми, что вот-вот развалятся. Потом они увидели готовую отчалить барку. На ее палубе лежали рулоны дорогих шелков, а в воздухе струились ароматы пряностей. Выглядела она вполне надежной и крепкой, а пассажиры ее были богато одеты.

— Куда плывете? — окликнул Конан человека, стоящего на верхней палубе и отдающего приказания корабельной команде.

— До Кеми, — ответил тот.

— Возьмете еще двоих? — спросил Конан.

— Все каюты заняты, но если вы готовы сразу взойти на борт и согласны спать на палубе, тогда — милости прошу.

Конан и Калья мгновенно оказались на барке.

— Я слышал, что ниже по течению пошаливают разбойники, — сказал Конан. — Мы оба привычны к оружию.

Корабельщик пожал плечами. На его голове алел тюрбан, а в левом ухе поблескивало золотое кольцо.

— Значит, ваши жизни будут в большей безопасности. Плата за проезд одинакова для всех. Она установлена законом и отсюда до Кеми составляет либо двадцать серебряных шемитских монет, либо две золотых стигийских.

— Но мы вовсе не... — начал было Конан, но замолчал, когда Калья ткнула его локтем в бок.

— Годится. — Калья отсчитала требуемую сумму.

— Поищите место для своих одеял вон там. Я капитан Амир, и мое слово на борту «Гордости Луксура» закон.

Он отвернулся и принялся орать на зазевавшихся матросов. Те сразу встрепенулись и принялись переносить с берега на судно небольшие бочонки.

— Ты зачем заплатила ему до Кеми? — Конан был недоволен. — Мы же не собираемся в Кемь.

— А ты собирался ему сказать, что мы поплывем только дотуда, где разбойничают речные пираты? Как ты полагаешь, что бы он подумал?

Они расстелили свои одеяла на свободном куске палубы и принялись с любопытством наблюдать за происходящим вокруг. Барка со славным именем «Гордость Луксура» представляла собой плоскодонную посудину длиной около шестидесяти и шириной около двадцати пяти футов. Новой ее назвать было нельзя, но она казалась достаточно крепкой и, недавно выкрашенная, выглядела даже нарядно. Конан и Калья выяснили вскоре, что их палубные попутчики — это слуги людей, занимающих каюты.

— В жизни своей не видел столько невооруженных людей сразу, — поделился Конан своим наблюдением с Кальей, когда они стояли на носу, глядя по сторонам.

— В Стигии сильная власть, — напомнила ему Калья, — и люди привыкли рассчитывать на нее. Ты же сам видел, сколько здесь везде солдат короля. Правители богаты и могущественны, у них тут есть полиция и суды, народ миролюбивый, зачем им всем ходить с мечами?

— Эта ваша цивилизация порождает в людях слабость, — ответил Конан. — Человек

должен рассчитывать на свой меч, а не на какой-то там закон.

— Я же не спорю с тобой, — отозвалась Калья и после короткой паузы добавила: — Значит, Тахарка нашел себе новые охотничьи угодья, хотя дни его здесь сочтены, раз уж местные власти начали им интересоваться.

— Однажды в Дебрях Пиктов мне рассказывали о пиратах на Западном море, — сказал Конан. — Ваниры особенно отличаются лихостью. Их галеры обрушиваются на прибрежные деревни, как смерч. Еще есть зингарские пираты. Они поселяются на островах, нападают в основном на купеческие суда. Должно быть, Тахарка делает что-то в этом роде: взял корабль, соответствующим образом оснастил его, собрал очередную шайку и грабит всех подряд.

Калья некоторое время молчала, глядя вдаль, потом сказала:

— Нет, я думаю, они действуют по-другому. Пиратское судно обязательно привлечет внимание, когда причалит к берегу, а ведь им же надо когда-то и причаливать. Берега реки очень плотно заселены, и на самой реке движение просто сумасшедшее. Напасть на судно и остаться незамеченным практически невозможно.

— Они могут орудовать с какого-нибудь маленького островка. Вон их здесь сколько. И нападать они могут по ночам, когда судно стоит у берега. А кроме того, некоторые суда плывут и ночью.

— Да, это возможно, но подумай вот о чем: ты обратил внимание, с какой легкостью нам удалось договориться о проезде до Кеми? Наверное, это всегда так. Если бы мы с тобой были речными разбойниками, нам не трудно было побродить по пристани, приглядеть что-нибудь подходящее и договориться о проезде. А в удобный момент мы перебили бы их всех и команду, и пассажиров — может, даже спящими. Если проделать все это в заранее оговоренном месте, тогда наши сообщники могли бы приплыть с берега на маленьких лодочках, забрать все, что есть ценное, и отвезти в укрытие. А мы в это время отплыли бы куда-нибудь подальше от этого места и избавились бы там и от трупов, и от судна. А потом мы бы просто нашли следующую жертву, и она отвезла бы нас обратно.

— В том, что ты говоришь, есть смысл. Такую банду разбойников было бы очень трудно поймать, даже если бы ее искали не один, а множество патрулей. — Он ухмыльнулся. — У тебя мозги работают не хуже, чем у бандита.

Калья серьезно кивнула:

— Я смогла бы стать ловким преступником. Посвятив свою жизнь преследованию одного из них, мне пришлось бы научиться думать как они.

Путешествие вниз по реке было спокойным и легким. Когда дул попутный ветер, матросы поднимали парус и сила ветра слагалась с силой течения. Конан узнал, что, если бы они поднимались по реке вверх, все было бы намного сложнее и гребцам приходилось бы все время работать веслами.

Барка часто причаливала к берегам, то шемитскому, то стигийскому. Одни пассажиры сходили, другие поднимались на борт. В иные ночи они швартовались у пристаней, в другие — просто бросали якорь недалеко от берега. Конан и Калья расспрашивали всех, продолжают ли грабежи на Стиксе в провинции Хопшеф, и обычно им отвечали, что и дня не проходит без очередного пиратского нападения. Но пока никто из-за этого особенно не беспокоился. На реке с таким большим движением исчезновение нескольких суденышек казалось случайным и не заслуживающим внимания. Это движение приводило Конана в уныние.

— Их же тут не счесть! Как же мы найдем нужные среди этой прорвы судов?

— На это может уйти масса времени, — согласилась с ним Калья. — Вот если бы нам удалось угадать судно, которое Тахарка собирается захватить... Иначе придется ездить по реке вверх-вниз, пока случайно не наткнемся на них.

— Да у нас же никаких денег на это не хватит, — запротестовал Конан.

— Ты мог бы выучиться грести, — отрезала девушка.

— Я воин и не собираюсь потеть на веслах, — возмутился Конан.

— Успокойся, я пошутила. Вот что я думаю: ведь когда Тахарка со своими бандитами захватывает судно, они забирают с него все ценное, а не одно только золото и серебро. А раз так, им надо где-то этот товар сбывать. И скорее всего, они делают это в темноте, чтобы избежать лишнего внимания. Значит, здесь в округе должен быть купец, который принимает товар днем и ночью. Нам надо отыскать его, и тогда мы сможем найти ниточку, которая приведет нас к Тахарке.

— Ну и как же мы отыщем такого человека? — спросил Конан.

— Не тревожься. Может, там, в своих северных лесах, ты и великий воин, зато мне знакомы повадки воров в цивилизованном мире.

— Какой сейчас месяц? — спросил Конан, когда они перенесли свои пожитки на берег.

Капитан барки был несказанно удивлен, когда Конан и Калья сообщили ему о своем решении сойти именно здесь. Но поскольку возврата части денег за неиспользованный проезд они не требовали, к их решению он отнесся достаточно равнодушно. Теперь он мог взять на борт еще двух пассажиров и заработать на них лишние деньги.

— Сейчас вторая неделя после первой полной луны года. Голодный месяц по аквилонскому календарю. А почему ты спрашиваешь?

Конан посмотрел на финиковые пальмы, сады, в которых деревья гнулись от плодов, на крестьян, сеющих пшеницу.

— У нас на севере сейчас зима, самое тяжелое ее время. А здесь весна. А может, даже лето. На этом юге ничего не разберешь.

Конан вскинул мешок на плечо, и они направились к небольшому городку под названием Нахмет. Он носил стигийское название, но располагался на шемитской стороне. Ничего странного в этом не было — великая южная страна частенько в старые времена прихватывала земли своего северного соседа.

— Что верно, то верно, эта страна как сон. Здесь нет ни зимы, ни лета, а люди определяют время года по тому, поднялась или опустилась вода в реке. Один урожай собирают, и тут же снова начинают сеять. На одних деревьях спелые плоды, а другие в цвету. Странно, правда?

— А еще очень жарко, — сказал Конан. — На той стороне в Стигии жрецы захватили уж больно много власти, и люди там робки и малодушны, а вот в Шеме мне нравится.

— Да, в Шеме хорошо, — рассеянно откликнулась Калья. — Боюсь только, что Тахарка чувствует себя здесь как рыба в воде. Он южанин. Здесь все для него привычно. Это на севере он был очень заметен, а в Шеме может сойти и за местного. Его родной Кешан еще южнее, и Стикс там тоже протекает.

Мысли о дальних странах всегда сопутствовали Конану:

— Я разговаривал с людьми, странствовавшими в тех краях. В Пунте и Зембабве много золота и слоновой кости. В Куше и Дарфаре живут люди с кожей цвета черного дерева. Мне

говорили, что южнее лежат еще какие-то страны,

чьих названий даже никто не знает. И я обязательно доберусь до них.

— Ты бродяга по натуре, — сказала Калья. — Я тоже поскиталась по свету, но только потому, что меня гнала моя жажда мести.

Конан давно перестал спрашивать Калью, что она станет делать, когда отомстит Аксандрисиасу. Он уже знал, что, одержимая этой идеей, она не в состоянии думать о будущем. Когда раньше он пытался заговаривать с ней на эту тему, она сердилась.

Гордостью Нахмета был великолепный храм, построенный в честь одного из шемитских богов. И Конан, и Калья уже знали, что местные жители особой набожностью не отличались. Однако наличие в городе грандиозного храма явно льстило их самолюбию. Во время своего путешествия Конан и Калья уже заметили, что во многих городах шло усиленное строительство храмов. Башни их были в строительных лесах. Горожане из кожи вон лезли, пытаясь надстроить башню так, чтобы она хоть на пару футов оказалась выше, чем у соседей.

Конан и Калья зашли в таверну неподалеку именно от такого храма, посвященного маленькому уродливому божку по имени Баал—Сэпа. У хозяина таверны, скользкого типа с елейными манерами, борода, завитая, по местному обычаю, идеально ровными колечками, была напояжена и надушена до такой степени, что уже издалека ощущалось ее благоухание. Завидев Конана и Калью, он сорвал головной убор и поклонился почти до земли.

— Приветствую вас, дорогие друзья. Чем могу быть полезным? Вы уже посетили наш храм? Статуй Баал-Сэпа в нем намного больше, чем в других храмах Шема. А какие там мраморные барельефы! Минарет на целых пять футов выше, чем...

— Да-да, великолепное зрелище, — перебила его Калья. — Мы непременно осмотрим его самым подробным образом, как только у нас будет время. А сейчас нельзя ли получить у вас комнату?

— И еще — мы умираем от голода, — добавил Конан, пытаясь таким образом заткнуть фонтан красноречия хозяина.

— Вы получите мою самую лучшую комнату, — проникновенно заверил их хозяин. — А пока, пожалуйста, располагайтесь, чувствуйте себя как дома, я пришлю слугу, который исполнит все ваши желания. — И он умчался навстречу следующему гостю.

Путники сели и огляделись по сторонам. За соседними столиками располагались в основном мужчины, причем весьма сомнительной наружности. В Нахмете сходились три дороги, и многие присутствующие в общем зале были, судя по их виду и запаху, исходящему от них, караванщиками.

— Наконец-то, — сказал Конан, — нормальные физиономии. А то я уже устал от этих приличных якобы людей.

— Да, — ответила Калья, — здесь мы, возможно, услышим что-нибудь интересное.

Они поели, и хозяин провел их в <лучшую комнату>, которая оказалась такой же убогой, как и другие. Она была маленькой и тесной, но Конану и Калье приходилось ночевать в гораздо худших условиях. По крайней мере в ней было большое окно, и им не грозила духота.

— Комната подходит, — сказал Конан. — А теперь ответь—ка мне, любезный хозяин, пожелай мы, например, продать кое-какие вещички, куда бы с ними сунуться, но так, чтобы нам не задавали лишних вопросов?

С понимающей улыбкой хозяин закивал, потом высунул голову за дверь и посмотрел в обе стороны, закрыл дверь и тихо заговорил:

— Если ваши вещи маленького размера, то я бы сам с удовольствием на них взглянул.

Конечно, зачем вам морочить себе голову всякими утомительными формальностями, получением патента, уплатой налога и тому подобным. Так я могу их увидеть?

— Вообще-то у нас их с собой нет, — сказала Калья. — Вы же понимаете, что в делах необходима осторожность. И потом, товар наш объемист, я бы даже сказала — весьма, так что тот, кто его купит, должен располагать местом, достаточным для его хранения, вы понимаете меня?

— Гм, да-да, понимаю. Сам я не имею возможности приобретать подобные вещи, но в Ашабале, следующем городе вниз по течению, живет купец Ра—Харахте. Он стигиец, это и по имени понятно. Так вот он относится к торговле безо всяких там глупых предрассудков.

— Сколько отсюда до Ашабала? — спросил Конан.

— Да это совсем рядом, прогуляетесь утречком по дороге вдоль реки, как раз и придете. Я вас попрошу только об одном, если вы с ним договоритесь, не забудьте упомянуть, что это я посоветовал вам обратиться к нему.

— Идет, — Калья кивнула.

— Желаю вам приятных сновидений. — И, несколько раз поклонившись, хозяин таверны вышел, мягко прикрыв за собою дверь.

— Не ожидал я, что нам так быстро повезет. — Конан повесил пояс с мечом на крюк.

Калья, поджав под себя ноги, села на кровать — тоненький матрас на веревочной сетке. Ее доспехи маленькой горкой высились на полу.

— Еще неизвестно, тот ли это человек, который нам нужен, — отозвалась Калья. — Он всего лишь один из многих скупщиков краденого в этой провинции. Но, похоже, и впрямь начало многообещающее. Тахарка со своими дружками не видел нас уже давно. Скорее всего, они думают, что мы потеряли их, и чувствуют себя совершенно спокойно.

— Потерять-то мы их действительно потеряли, но скоро это исправим. — Конан сел рядом с Кальей, потом упал на спину и потянулся. — Никогда бы не подумал, что путешествие по реке может быть столь утомительным.

— Ну и насколько же сильно ты утомлен? — спросила Калья. Жажда мести перестала мерцать в ее глазах, уступив место чему-то иному.

— Утомлен, но не слишком... — И Конан притянул девушку к себе.

На следующий день Конан и Калья стояли перед длинным складским помещением в двух шагах от ашабалской пристани. Перед дверью сидел громадного роста чернокожий в белой набедренной повязке и белом тюрбане. Он сидел на низенькой скамеечке, опираясь о стену, рядом с ним лежала короткая дубинка с железными шипами. Увидев, что они направляются к дверям, чернокожий страж встал и посмотрел с подозрением.

— Мы ищем человека по имени Ра-Харахте, — сказал Конан. — Он здесь?

— Он мой хозяин, — высокомерно процедил страж. — А вам-то что?

— А вот это мы скажем ему самому. — Калья нахмурилась.

— Мой хозяин — человек состоятельный, ему не о чем говорить с голодранцами, — презрительно бросил чернокожий гигант.

Конан, не говоря ни слова, заехал ему кулаком в челюсть. От мощного удара страж врезался в стену, сполз по ней вниз и упал поперек входа. Из уголка рта на пыльную землю тоненькой струйкой текла кровь.

Они перешагнули через неподвижное тело и вошли в сумрачную прохладу склада.

Нарядно одетый человек в черном шелковом тюрбане, с холеным порочным лицом, перекладывал в углу какие-то тюки. Из-за пояса у него торчала усыпанная драгоценными камнями рукоятка кинжала.

— А ведь сколько раз я предупреждал этого черномазого олуха, что надо вести себя поскромнее, иначе когда-нибудь доиграется. И оказался, как всегда, прав.

— Ты Ра-Харахте? — спросил Конан.

— Он самый. А вы кто? — Судя по всему, стигиец не склонен был терять время на предварительные любезности, столь свойственные южанам, а предпочитал перейти сразу к делу.

— Конан из Киммерии и Калья из Аквилонии, — ответил Конан.

— Далековато от дома вы забрались. Чем могу служить?

Они огляделись по сторонам. Вокруг лежали рулоны драгоценных шелков, стояли бочки с вином, громоздилась золотая и серебряная утварь.

— Мы ищем работу, — сказал Калья.

— А у меня ее нет, — ответил стигиец. — Почему вы пришли именно ко мне?

— Мы ищем опасную работу, которая бы хорошо оплачивалась, — сказал Конан, решив не ходить кругами — Мы оба хорошо владеем оружием и не слишком жалуем власти. Нам сказали, вы можете что-нибудь посоветовать.

— Вам сказали неправильно, — отрезал Ра-Харахте. — Я законопослушный верноподданный своего короля.

— Просим извинить нас за беспокойство, — Калья повернулась к выходу, — по-видимому, мы что-то не так поняли.

— Не спешите покидать наш чудный город, — проговорил стигиец. — Оставайтесь на денек, сходите в наш замечательный храм, посвященный богу Ветров Ашару. У него самый большой купол во всем Шеме. Помолитесь ему, чтобы он надоумил вас и помог вам. А если вы, например, захотите посидеть вечером в Таверне Четырех Ветров, может случиться так, что к вам подойдут люди и предложат вам работу, которую вы ищете. Наш бог Ашар милостив.

— Мы с радостью вверим ему наши судьбы, — сказала Калья. — Пойдем, Конан, сходим в храм Ашара, бога Ветров.

Они вышли на яркий свет солнца и подобрали свои мешки.

— Может, мы на верном пути, — с надеждой в голосе проговорил Конан.

Ближе к вечеру они явились в Таверну Четырех Ветров и долго сидели там за вином. Однако так к нему и не притронулись.

Над городом сгушались сумерки. Последние лучи солнца золотили купол храма Ашара. Они заходили туда днем. Калья даже бросила несколько монет в медный сосуд при входе и поставила ароматическую свечку перед позолоченным изображением грациозного и прекрасного бога Ашара.

Когда Конан стал поддразнивать Калью за столь подозрительную набожность, та пожала плечами:

— Задобрить местных богов нам не помешает.

А сейчас она прикоснулась к руке Конана:

— Смотри, кто бы это мог быть?

Приближались двое. Один — высокий, хорошо сложенный стигиец. Другой — южанин. Конан было встрепенулся, но сразу понял, что это не Тахарка. Волосы этого южанина были

заплетены в множество мелких косичек, а на щеках, лбу и подбородке отчетливо виднелись параллельные шрамы. Южанин и стигиец подошли к столику и, не дожидаясь приглашения, сели.

— Мы слышали, будто вы похвалялись своей лихостью, — без всяких околичностей обратился к ним стигиец.

— Ничего мы не хвалились, — ответил Конан, — просто мы уже давно зарабатываем себе на жизнь мечами.

— Так уж вышло, что нам пришлось покинуть северные земли, — добавила Калья, — а эта страна на удивление тиха и спокойна. Нам говорили, что такие, как мы, сумели здесь неплохо устроиться.

Южанин осклабился:

— Была ли когда-нибудь на нашей великой реке девка-пират?

— Зато ее никто не заподозрит! — возразил стигиец. — Это большое преимущество.

— Вы не пожалеете, — вмешался Конан, — приняв нас в свою компанию. Мы умеем обращаться с мечами и не бросаем товарищей в беде.

— Думаю, у вас будет возможность показать себя, — заявил стигиец. — Хорошие воины, которые не слишком щепетильны в способах добывания денег, нам всегда пригодятся. А здорово ты уложил этого дурня, который сторожит склад Ра-Харахте. Поделом ему! — Стигиец расхохотался, и Конан с изумлением заметил у него во рту два золотых зуба. — Черный очухался лишь два часа спустя и вряд ли сможет в ближайшие дни есть что-нибудь, кроме жидкой каши.

— А кто у вас верховодит? — спросил Конан.

Стигиец пригнулся к столу и сказал едва ли не шепотом:

— Наш предводитель — человек из Кешана по имени Тахарка.

Конан и бровью не повел, лицо Кальи тоже осталось невозмутимым, только пальцы ее инстинктивно сжали руку Конана.

— Соображает он в нашем ремесле? — поинтересовался Конан.

— Ему просто нет равных! — восторженно провозгласил южанин. — Он сам разрабатывает все налеты, и при этом ни один человек не знает — кто мы и где находится наше укрытие. У кешанца ума палата, и мы, его люди, живем припеваючи.

— Здесь слишком людно. — Стигиец оглянулся. — Пошли к нашей лодке. Она привязана у южной пристани. Там мы можем спокойно выпить и поговорить, не опасаясь, что нас кто-нибудь услышит.

Все четверо спустились к реке. Легкая лодка, сплетенная из тростника, была очень валкой. Конан пошатнулся, садясь в нее. У него промелькнула мысль, что если это ловушка, то ему придется несладко в этой шаткой скорлупке. Он к такому не привык, а у их новых знакомых, можно не сомневаться, за спиной солидный опыт.

Южанин рассмеялся:

— Ты, как я посмотрю, сухопутная крыса. Придется тебе многому научиться, раз уж ты с нами.

— Давайте-ка лучше выпьем. — Стигиец снял крышку с большой плетеной корзины и достал бурдюк с вином. Он пустил его по кругу и, когда все выпили, принялся рассказывать: — Удобнее всего действовать маленькими группками по четыре-шесть человек. Такие группки привлекают меньше внимания. Сначала мы приглядываем подходящее судно, узнаем, куда оно направляется, какой груз везет, какие на борту пассажиры и прочее. Если

нас все устраивает, мы садимся, как обыкновенные пассажиры, но всегда по отдельности. В крайнем случае по двое. Иногда приходится лететь как угорелому по берегу до следующего городка, чтобы ни в коем случае не вызвать у капитана подозрений.

Бурдюк опять пошел по кругу. Конан спросил:

— А вдруг на судне окажется вооруженных людей больше, чем вы думали? Я видел барки, на которых многие пассажиры были с мечами.

— Тогда мы просто ждем следующего порта, где нас поджидают наши сотоварищи. У нас разработаны специальные сигналы, по которым мы узнаем друг друга. Если мы подадим знак, что нам нужны еще люди, тогда они поднимутся на борт.

— Здорово у вас все предусмотрено, — сказала Калья. — Ну, а дальше? Как же вы управляетесь с пассажирами?

— Проще всего убивать их спящими, — откровенно ответил стигиец. — Когда мы доплываем до заранее оговоренного места, мы ждем, пока они не бросят якорь или не пристанут к какому-нибудь острову.

— Сами понимаете, свидетелей оставлять нельзя, — вступил в разговор южанин. — Наш предводитель на этом настаивает. Убейте, вспорите им животы, груз к ногам, чтобы не всплыли, и за борт. — Южанин выразительно махнул рукой.

— А где это оговоренное место? — спросил Конан.

— А оно меняется каждую неделю. Время от времени со мной связывается посыльный, он-то и сообщает мне, где оно. Мы стараемся захватить судно как можно ближе к этому месту, подаем соответствующий сигнал, с берега к нам подходят на маленьких лодочках и забирают груз.

— А если судно не останавливается вблизи нужного места? — спросил Конан.

— Изредка приходится начинать и в дневное время, или вечером, когда они еще не спят. Вот почему нам всегда нужны опытные воины вроде вас. Если мы все будем с мечами, на нас непременно обратят внимание, но такие два чужестранца с севера... — Он пожал плечами. — Все знают, что северяне без оружия не ходят. Значит, никто ничего дурного и не подумает. — Он заметно воодушевился. — Представьте себе, что мы выбрали подходящее судно. Обычно там бывает не больше трех-четыре человек, способных оказать серьезное сопротивление. У них могут оказаться кинжалы или дубинки. Наши речники любят хорошую драку, хотя среди них редко попадаются люди, толком умеющие владеть мечом. В таком случае вы располагаетесь поблизости от них и по моему сигналу убиваете их, пока они не разобрались, что к чему.

— А когда с опасными людьми будет покончено, — продолжил его мысль южанин, — с остальными пассажирами справиться уже легко. Обычно они бухаются на колени и умоляют о пощаде. Тогда их можно резать, как овец.

— Это не по-мужски, — угрюмо буркнул Конан.

Речные пираты подумали, что это он о пассажирах, и согласно закивали.

— Отлично все придумано! — воскликнула Калья, делая вид, что слегка захмелела. — Нас утомила законопослушная жизнь. Что скажешь, Конан?

— Дело верное, все продумано. Клянусь Кромом, те, кто не способен постоять за себя и за свое имущество, вообще не имеют права владеть чем бы то ни было!

— Включая свою собственную жизнь, — добавила Калья. Затем с наигранным безразличием она спросила: — И когда же мы увидим вашего замечательного предводителя?

— Возможно, очень скоро. Он иногда присутствует во время захвата судна. — Стигиец

поднял бурдюк с вином в шутовском приветствии: — Добро пожаловать в наше братство!

Тахарка сидел на веранде своей виллы и созерцал идиллическую картину. Внизу широко растекся Стикс, по нему сновали лодки, степенно проплывали суда. Тахарка смотрел на них и думал, что, если он захочет, ему будет принадлежать все. Как если бы птицы и звери сами являлись к нему ощипанные, выпотрошенные и насаженные на вертел.

Он упивался сознанием того, что, в отличие от людей там, внизу, реальность жизни не была для него тайной за семью печатями. Он узнал, под этой безмятежной гладью на самом деле скрываются кровь и смерть. Раб принес и поставил рядом с ним поднос с засахаренными фруктами. Тахарка бросил приглянувшийся ему кусочек в рот и раскусил белыми, крепкими зубами.

Эту старую, давно покинутую виллу у самого берега реки он обнаружил на одном из небольших островков. Кроме нее на островке были еще руины древнего храма — обычное для Стигии зрелище. Настолько древней была эта страна, что каждые полмили натыкаешься на развалины каких-то старых построек. Место ему понравилось. Он занял виллу, рабы привели ее в порядок. Если кто-то из проплывающих мимо и обратил внимание на новых обитателей острова, то подумал бы, скорее всего, что какой-то купец или знатный человек решил здесь поселиться. Во всяком случае, власти не интересовались новыми поселенцами.

Посмотрев вниз, Тахарка увидел Куулво, поднимающегося по длинной белой лестнице. Нижние ступени ее были темного цвета: во время поднятия Стикса их покрывала вода.

Куулво и в жару не расставался со своей гиперборейской одеждой. «Похоже, варвары вообще не в состоянии приспособливаться к новым условиям», — подумал Тахарка, а вслух сказал:

— Ну, как дела, мой друг? — И жестом указал на грудку подушек рядом с собой.

Гиперборей тяжело плюхнулся на подушки и стянул с головы шлем.

— Все отлично, хозяин. — Он отдувался от жары. — На этой неделе мы захватили шесть приличных посуды, товар уже сбыли. Кто бы подумал, что можно с легкостью заниматься пиратством в центре цивилизованного мира. В Офире хоть все было понятно: война, беззаконие, разгул бандитов всех мастей.

— Другие страны — другие возможности, — ответил Тахарка. — Здесь мы не берем рабов и не захватываем пленников, чтобы потом требовать за них выкуп. Страна настолько богата, что нам это, в сущности, и не нужно. Судов на реке не счесть, и когда время от времени какое-нибудь пропадает, никому до этого и дела нет. Большие расстояния, которые они проходят до места своего назначения, тоже облегчают нам задачу: когда еще кто-то там спохватится об исчезновении судна.

— Все это очень для нас удобно, — заметил Куулво. — Ведь на севере совершишь один — два рейда — и пожалуйста, королевские стражники тут как тут. А уж если пропадет караван — вся провинция встает на дыбы. Противно даже вспоминать.

— Ну вот, разве здесь не лучше? Разве эта страна не создана для парней вроде нас с тобой?

— Так-то оно так, — не очень уверенно отозвался Куулво. — Но здесь есть кое-то, что мне не по душе. Слишком уж все просто получается. Захватывать эти суда — все равно что работать на скотобойне. Не нужна ни тебе дерзость, ни быстрая сметка. Нет риска, никто не скачет за тобой по пятам. Пиратство на Стиксе не требует от человека никаких усилий.

Тахарка вздохнул:

— Твоя правда. Это даже скучно. Мне так же, как и тебе, не хватает жара схватки, яростной битвы. Но не беспокойся, я думаю, скоро власти спохватятся и начнут за нами охоту. Это неестественное спокойствие не может продолжаться до бесконечности. А власти здесь грозные.

— Грозные, но уж больно медлительные. — Куулво поморщился. — Пока они собираются, мы уже будем далеко отсюда. — Он взял кубок охлажденного вина, который ему поднесла полуобнаженная невольница. Черты прекрасного лица девушки указывали, что родом она из юго-западных пустынь. Отпив глоток, Куулво заговорил вновь: — Я все не могу забыть киммерийца и одноглазую. Интересно, что с ними случилось? Они причинили нам хлопот больше, чем все короли отсюда до самой Аквилонии вместе взятые.

Тахарка с неудовольствием поерзал на месте. На миг ему показалось, будто на солнце набежала туча.

— Ты знаешь, они потеряли наш след. Далеко отсюда, еще на севере Кофа. Они никогда нас не найдут. Может, их и на свете-то давно нет.

— Они живы, — послышался голос из раскрытой двери. Человек, появившийся следом, с таким же успехом мог быть выходцем с того света. — Одноглазая ведьма все еще ищет меня, я это чувствую. Тот, кто не умер однажды, не умрет никогда.

Аксандриас выглядел не многим лучше скелета, так он похудел. Мускулы, как веревки, проступали под пергаментной кожей, обтягивающей выпирающие кости. Голова его, покрытая тонкими редкими волосами, была и в самом деле похожа на череп. Бескровные губы судорожно кривились, обнажая длинные желтые зубы. А взгляд его так ужасен, что даже издававшие виды Тахарка и Куулво отвели глаза.

— Спокойнее, мой друг, спокойнее. — Голос Тахарки задрожал. — Даже если они и живы, даже если они найдут нас и явятся сюда, чего бояться нам, троим сильным мужчинам? Один воин и одна одноглазая с вороньим голосом. Зачем нам бояться этой швали? — Голос его теперь звучал неуверенно даже для его собственных ушей.

— Они придут сюда, — произнес Аксандриас замогильным тоном, — и придут скоро. — Он повернулся и, как слепой, вышел.

— Хозяин, — сказал Куулво, — по-моему, он окончательно свихнулся. Почему ты не убьешь его и не прекратишь его мучений?

— По правде сказать, мой друг, — доверительно проговорил Тахарка, — я вовсе не уверен, что могу убить его. Плоть его разрушается на глазах, но с каждым днем он становится все опаснее. Он теперь никогда не спит, и поймать его врасплох невозможно. Хоть он и выглядит точно ходячий труп, но он вдвое сильнее и проворнее, чем тогда, когда мы были в Кротоне. — Тахарка помолчал и подавленно продолжил: — А вчера, когда мы с ним шли по вилле, то наткнулись в коридоре на двух обнявшихся рабов. Почему-то это привело его в ужасную ярость, он выхватил из-за пояса нож и прикончил их так быстро, что я не успел и глазом моргнуть. Ты не представляешь себе — простым ножом он разрубил их обоих, можно сказать, пополам! Потом пришлось полдня отмывать пол и стены. — Он откинулся назад, отпил большой глоток вина. — Да, мой друг, я допустил ошибку, мне следовало убить его еще тогда, когда он только начал принимать проклятое снадобье жреца. Но что хуже всего, он жутко мне надоел. А ведь как он забавлял меня прежде! Теперь же он не может ни о чем думать, кроме своей одноглазой ведьмы. Мне иногда даже хочется, чтобы она появилась и они прикончили бы друг друга. Или мы прикончили бы победителя, пока он или она

торжествовали бы победу.

— Вот еще морока на нашу голову, — Куулво вздохнул.

Тахарка наклонился к нему поближе.

— Послушай, а почему бы тебе не попробовать пристукнуть его? Я с радостью отдам тебе его долю.

— Уволь меня, хозяин, — ответил, не задумываясь, гиперборей. — Я придерживаюсь правила убивать только нормальных людей. Но это снадобье наверняка и так в ближайшие дни доведет его до могилы. Удивительно, что он вообще еще жив.

— Хотелось бы верить, — мрачно откликнулся Тахарка.

Куулво поднялся на ноги.

— Что ж, пора. Нынче ночью ожидается захват двух барок. Это, конечно, хорошо, но как бы нам не увлечься. Даже медлительные власти рано или поздно очнутся.

— Не думай об этом, — сказал Тахарка, потягиваясь. — Мы ведь здесь долго не пробудем. Месяц-другой — и только нас и видели. А то можно будет совсем умереть от скуки.

— Отлично, — откликнулся Куулво. — А куда мы двинемся?

— Можно будет спуститься вниз по Стиксу до устья, а оттуда в какой-нибудь бойкий порт. Например, в Мессантию. Или на Барахские острова. Это речное пиратство — приятное дело, но уж больно скучное. Говорят, на море веселее.

Куулво расплылся в широкой улыбке.

— Я думаю, это будет здорово! Настоящий бой — что может быть лучше! И настоящие противники вместо этих трусливых овец. Скорее бы податься туда.

Тахарка задумчиво смотрел вслед гиперборею, спускающемуся по ступенькам к реке, где его ждала узкая легкая лодочка. Да, жизнь на Стиксе спокойная и привольная, но он будет рад убраться отсюда. Что-то удручало его. Почему-то именно на этом чудном острове ему было особенно тошно. Сам не зная почему, он взглянул на развалины храма. Да, он будет рад убраться отсюда. И возможно, даже раньше, чем собирался.

Эта барка была больше, чем та, на которой Конан и Калья приплыли в Нахмет, и гораздо роскошнее. Каюты намного просторнее и убраны заметно пышнее. На ней плыли состоятельные граждане из города, лежащего далеко на востоке в нескольких неделях пути. Они отправились поклониться великим храмам Кеми. Путешествие паломников должно было продлиться в общей сложности год. Одним словом, они представляли собой идеальную поживу для пиратов. Грузовой отсек барки был занят главным образом принадлежащим пассажирам добром: богатыми нарядами и прочими вещами.

— Уже скоро, — сказала Калья.

Они расположились на носу барки среди канатов, якорей, заляпанных грязью, и клеток с кудахтающей и кричающей птицей, не ведающей о своей близкой кончине под ножом повара.

— Похоже, что так. — Конан сидел на палубе, скрестив ноги, и его громадный меч лежал у него на коленях. В руках он держал точильный камень, которым ритмично водил по острию клинка, сверкающего на солнце. Кожа у него и так всегда была обветренная, а палящие лучи южного солнца сожгли ее до такой черноты, что не многие признали бы в нем северянина.

Они сели на барку три дня назад, заплатив за проезд на палубе. Стигиец и темнокожий

южанин были уже там: они нанялись на судно матросами, заранее позаботившись об освобождении рабочих мест: накануне они напоили, а потом прирезали двух членов команды.

Киммериец со своей спутницей были предоставлены самим себе. У обоих был облик иноземцев, особенно у Кальи, которая из-за жары отказалась от своего вечного плаща. Их это вполне устраивало. Пока еще никто с ними не заговаривал, и, судя по всему, никто их не узнал.

Они подняли глаза, когда между ними прошлепала пара босых ног. Это был стигиец. Он притворился, что не обращает на них никакого внимания. Делал вид, будто разыскивает что-то среди разбросанного на носу корабельного барахла.

— Сегодня ночью, — тихо проговорил он, — когда причалим. Дождитесь, пока они уснут. С севера придут две лодки. Как только увидите их, начинайте. Ты, Конан, возьмешь на себя капитана, ты, женщина, — помощника. Ну, а мы позаботимся о команде. — Не сказав больше ни слова, он ушел.

— Сегодня ночью, — выдохнула Калья. — Сегодня ночью мы покончим с ними.

— На этот раз они от нас не уйдут, — откликнулся Конан. Он поднял клинок и внимательно оглядел его со всех сторон. Решив, что лезвие еще недостаточно острое, опять принялся водить по нему точильным камнем.

Солнце клонилось к закату. Несколько часов назад они оставили позади один небольшой городок, а следующий был еще не скоро. На этом участке реки деревни встречались не так часто, как в других местах. На южном берегу пустыня почти подступала к Стиксу, на северном простирались обширные пастбища. Поселения отстояли друг от друга на несколько миль.

Пассажиры заканчивали ужинать, когда капитан приказал бросить якорь ярдах в десяти от северного берега.

— Узрите злосчастие, что принесла война, — высокопарно изрек жрец в одеждах храма, посвященного одному из местных богов, Бэсу. Он простер руку в сторону голого южного берега. — Когда-то это была процветающая провинция, с плодородной землей и тучными стадами, где в довольстве и достатке жило много людей. Но королю, который правил здесь в те давние времена, показалось этого мало, и он напал на своих соседей. Ему сопутствовала удача, и жителям провинции пришлось по душе легкая добыча, которую они захватили у соседних народов. Они перестали сеять и жать, их оросительные каналы засорились и пересыхали, дамбы разрушались, плодородные земли зарастали сорняками. К тому времени, когда их король умер, награбленное ими добро иссякло, а земля их оскудела из-за долгих лет небрежения.

Пассажиры выслушали слова жреца в почтительном молчании.

— А мне так представляется, что эти люди славно пожили, пока ими правил король, — громко заявил Конан. — Совершать набеги на соседей намного веселее, чем всю жизнь гнуть спину на кучу бездельников-жрецов. — Он обглодал до конца ребро, которое держал в руках, и швырнул его в реку.

— Ты варвар и ничего не понимаешь! — возмутился жрец. Наверное, в первый раз в жизни ему кто-то возразил. — Вы, северяне, подобны диким зверям, которые поедают друг друга. Предназначение цивилизованного человека состоит в том, чтобы служить королю, поклоняться богам и почитать их слуг, жрецов.

— Тогда сохрани меня Кром от цивилизации, — бросил Конан. — Она лишает мужчин

мужества.

— Как ты думаешь, — спросила Калья немного позже, — Тахарка будет в одной из этих лодок?

— Сомневаюсь, — ответил Конан. — Но кто-нибудь наверняка знает, где его найти, его и Аксандриаса. Не забудь, всех убивать нельзя. Кто-то должен остаться для допроса.

Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь храпом пассажиров. Конан ощутил толчок в плечо. Перед ним, приложив палец к губам, стоял стигиец. Он присел на корточки рядом с Конаном.

— Лодки на подходе. Займите свои места.

Конан и Калья встали, потягиваясь.

— А где твой друг-южанин? — спросил Конан, не заботясь о том, чтобы приглушить голос.

— Тихо ты! — прошипел стигиец. — Разбудишь! Он прямо под нами на главной палубе. Зачем он тебе?

Калья начала спускаться вниз по трапу, а Конан задал еще один вопрос:

— Какой сигнал ты подаешь лодкам, чтобы они подошли?

— Три раза поднимаю и опускаю фонарь, — ответил пират. — Да что это на тебя нашло?

— Ничего, — ответил Конан.

Он выхватил меч и нанес единственный удар. Тот рухнул на палубу, не издав ни звука.

Услышав придушенный возглас, Конан птицей слетел на главную палубу и увидел Калью, которая, вытирая клинок, стояла над неподвижным телом южанина. Конан прошел на корму, лавируя между спящими.

Капитан сидел у почти угасшего огня, разведенного в ящике с землей.

— Кто там? — спросил он тихо, чтобы не разбудить своих состоятельных пассажиров. — Мне послышался какой-то шум.

Конан взял фонарь, стоявший у ног капитана.

— Вам не о чем беспокоиться, — ответил он, перегнулся через леер и опустил фонарь почти до воды, потом выпрямился и поднял его, и так три раза подряд.

— Что это ты делаешь? — строго спросил капитан. — Ты пьян? Или сошел с ума?

— Не угадал. Просто сейчас сюда явятся пираты. Хочешь жить — сиди тихо.

— Какие пираты?! Нет, ты точно рехнулся!.. — Слова замерли у него на губах, когда он вдруг увидел над фальшбортом чью-то отвратительную физиономию.

— Живых не осталось? — поинтересовался новоприбывший.

— Все в порядке, влезайте, — ответил ему Конан.

Глаза капитана полезли на лоб, когда через борт вскарабкалось с полдюжины бандитов. В это время причалила вторая лодка.

— Сэт! — воскликнул вдруг один из пиратов. — Да они живы! Они просто спят!

Люди на палубе зашевелились, ничего не понимая спросонья.

С леденящим кровью боевым кличем набросился Конан на пиратов. В доли секунды он отрубил одному руку с кинжалом и снес голову другому. Он обернулся и увидел Калью, пронзившую насквозь какого-то здоровенного бандита. В этот момент начали перелезать через борт и люди из второй лодки.

С боевым кличем Конан устремился на них и успел прикончить двоих, еще не успевших перелезть через борт. Калья вступила в схватку с человеком, который, судя по всему, знал, как

обращаться с мечом. Один из бандитов поскользнулся в луже крови и упал на палубу. В тот же миг нога Конана переломила ему шею. Но вот через борт перемахнула знакомая фигура.

— Ну, наконец кто-то решил дать нам отпор! — прогремел голос с сильным гиперборейским акцентом.

Держа в правой руке плащ, Куулво замер, озираясь по сторонам. Два испуганных матроса метнулись мимо него. Почти не глядя, гиперборей взмахнул пару раз мечом, будто отмахиваясь от докучливых насекомых. Смертельно раненные матросы с воем покатались по палубе.

В этот момент серые глаза гиперборей остановились на обнаженной спине Кальи, продолжавшей бой со своим умелым противником. Куулво шагнул вперед, намереваясь пронзить ничего не подозревающую девушку мечом. Но Конан мгновенно отбил его удар. Куулво, быстрый как кошка, молниеносно повернулся в сторону новой угрозы.

— Киммериец! Ты жив! — прорычал он. — Отлично! Теперь я убью тебя!

На барке царил хаос. Матросы и пассажиры металась как угорелые, не в силах понять, что тут происходит. Они скользили и падали на мокрые от крови доски палубы. Другие в свою очередь спотыкались об упавших и тоже падали. Кто посмелее, вытащили свои нарядные кинжалы и бестолково размахивали ими вокруг себя. А более сообразительные попрыгали в воду и устремились к берегу вплавь.

— Не ты мне нужен, гиперборейский пес, — презрительно бросил Конан. — Мне нужен твой хозяин и еще мерзкая змея Аксандриас. Где они? — Конан глядел на гиперборей с лютой ненавистью. Над головой он держал обеими руками меч.

— Ты скоро увидишь их. Я сам отвезу им твою голову и голову одноглазой. Кстати, как зовут тебя, мальчик?

— Я Конан из Киммерии, воин.

— Я Куулво из Гиперборей, воин. Почему ты преследуешь моего хозяина?

— Он убил моих друзей. — Конан зорко следил за всеми движениями гиперборей.

— Мой хозяин — великий человек, но он не понимает северян.

И Куулво коршуном налетел на Конана. Его первый, быстрый, словно молния, удар обрушился сбоку. Конан, хоть и был готов к атаке, с трудом успел отбить его. Он рубанул сплеча, метя Куулво в шею, но тот отступил на шаг и парировал удар мечом. Они продолжали обмениваться короткими, расчетливыми ударами, обычными для близкого боя. Оба, несмотря на большой рост, были легки и подвижны и орудовали тяжеленными мечами с такой же легкостью, с какой мальчики фехтуют прутиками.

На Конана случайно налетел какой-то пират, и юноша, мимоходом стукнув его в висок эфесом, подхватил падающее тело и бросил в гиперборей, лишив того возможности преимущества. Он высоко поднял меч, готовясь мощным ударом поразить Куулво, но меч лишь воткнулся в деревянную рею над его головой.

С торжествующим криком гиперборей обрушился на Конана всей своей тяжестью. Конан полетел кубарем и с силой врезался в фальшборт. Искры посыпались у него из глаз, но он вовремя очнулся и заметил, что ему прямо на голову опускается страшный палаш. Он мгновенно перекатился в сторону, и как раз вовремя: тяжелый клинок вонзился в дерево там, где только что была его голова. С проклятьями Куулво принялся освобождать застрявший меч. Тогда Конан схватил гиперборей за ноги и с усилием перекинул через борт. Раздался оглушительный всплеск.

Готовясь последовать за своим врагом, Конан крикнул через плечо:

— Калья, оставь одного в живых!

Он нырнул туда, где еще расходились круги от падения Куулво, а когда вынырнул, никого не увидел. Конан принялся вертеть головой во все стороны, но тут чья-то мощная рука схватила его сзади за шею. Конан попытался ударить Куулво кинжалом, но тот перехватил его руку и сжал, точно клещами. Задыхаясь, Конан протянул свободную руку и ухватился за шлем Куулво. Из последних сил он дернул шлем вверх, порвал подбородочный ремень и сорвал шлем с головы Куулво. Потом Конан вцепился Куулво в волосы, а ногами стал колотить его под водой. Гиперборей не выдержал и разжал свои железные руки. Но прежде Конану пришлось выпустить кинжал. Некоторое время они боролись, но ни тот ни другой не мог взять верх над противником. Илистое скользкое дно реки давало мало опоры. Улучив момент, Куулво обхватил Конана обеими руками, прижав его руки к бокам. Как Конан ни старался, он ничего не мог сделать. Гиперборей был самым сильным человеком из всех, кого ему приходилось встречать.

Если бы Куулво продолжал прижимать подбородок к груди, он, скорее всего, сумел бы сломать Конану спину. А если тот потерял бы сознание, гиперборей мог его без хлопот утопить. Но ему захотелось насладиться агонией побежденного. Он поднял голову, чтобы взглянуть на Конана. Но как только подбородок Куулво оторвался от груди, Конан вцепился зубами ему в горло. Он почувствовал хруст какого-то хряща, и в рот ему хлынула горячая кровь.

Куулво тщетно пытался оторвать от себя киммерийца. Конан схватил его за кисти рук и рванул назад. Оба скрылись под водой.

Через несколько минут Конан перелез через борт барки. Таким изнуренным Калья его еще никогда не видела: на него страшно было смотреть. Киммериец искал глазами свой меч. Он так и остался торчать воткнутым в рею. Конан рывком вырвал его из дерева и сунул в ножны. Не обращая внимания на причитающих пассажиров и успокаивающих их офицеров, Конан подошел к Калье:

— Где у тебя живой?

Калья кивнула головой в сторону связанного бандита:

— Не желает разговаривать.

В волосах Конана запутались водоросли. Он был весь измазан речным илом. Из ссадин и царапин сочилась кровь, расплываясь по мокрой коже. Глаза его горели диким огнем. Он был похож на демона, вынырнувшего со дна Стикса. Конан схватил пленника за одежду и рывком приподнял. Тот с ужасом смотрел на киммерийца.

— Слушай, речная крыса! Я только что перегрыз горло твоему командиру, и с тобой будет то же самое, если ты немедленно не ответишь мне, где скрывается Тахарка!

Дрожа от страха, бандит принялся выкладывать все, что он знал. Он подробнейшим образом описал местонахождение острова и всех его обитателей. Когда уже нечего было больше сказать, Конан повернулся к капитану:

— Он ваш. А мы уходим, чтобы уничтожить его хозяина. Пошли, Калья. — Когда они перелезли через борт и спустились в одну из пиратских лодок, Конан обернулся и с презрением посмотрел на пассажиров. — Ни разу не встречал таких трусливых слюнтяев, как вы! Пеняйте на себя, если на вас опять нападут бандиты. Поделом вам будет!

Пораженные пассажиры молча смотрели вслед удаляющейся лодке.

Тахарка был озабочен. Окончательно вывел его из равновесия сегодняшний рассказ случайно забредшего к ним торговца. Речь шла об острове, на котором поселился Тахарка. И вот сегодня он узнал, что остров уже много веков пользуется дурной славой, поэтому на нем никто и не живет. Оказывается, многие люди, привлеченные красотой и удобным расположением острова, строили здесь свои дома. Последний, кто это сделал, был богатый купец. Ему-то и принадлежала вилла, занятая теперь Тахаркой. Однако все покидали остров через короткое время. Некоторые кончали жизнь самоубийством. Люди говорили, что все несчастья происходят из-за храма, руины которого видны на холме. В этой стране сотен богов никто уже не мог вспомнить, кому именно посвящен этот разрушенный храм.

Тахарка решил немедленно сворачивать все дела на реке и убираться подобру-поздорову с острова. Приказ укладывать вещи уже был отдан. Такой срочный отъезд означал, конечно, что часть награбленного придется бросить; оно было либо запрятано на самом острове, либо хранилось в разных, часто далеко отстоящих друг от друга складах. Но подобные мелочи никогда не волновали Тахарку, а сейчас менее всего. Нечего жалеть это барахло — он, если захочет, добудет себе еще больше и еще лучше. Теперь он ожидал только своего верного помощника Куулво. И куда он запропастился? Ему уже давно следовало вернуться. Услышав звук шагов, он обернулся и нахмурился.

— Все без толку, — сказал Аксандриас. — Можем попытаться опять убежать, но они снова найдут нас.

Сначала Тахарка даже не понял, о чем говорит аквилонец.

— Найдут нас? — переспросил он. — Ах, ты имеешь в виду одноглазую с ее другом-варваром. Ты решил, что мы уезжаем из-за них? — Тахарка вышел из себя, поняв, что Аксандриас вновь талдычит о своем.

— Да, они найдут нас! — вскричал тот. — Она преследует меня во сне и наяву! Я ослепил ее и убил уже тысячу раз, но она все равно возвращается!

Тахарка покачал головой. Вне всякого сомнения, аквилонец окончательно потерял рассудок. И почему он не убил его еще тогда?..

— Ты ошибаешься, мой друг, — начал он. — А теперь иди и...

— Нет, он не ошибается, — произнес женский голос у него за спиной. Тахарка резко обернулся, одновременно выхватывая меч из ножен.

— Вот видишь! — придя в жуткий экстаз, выкрикнул Аксандриас. — Я же говорил! Она пришла за мной, моя маленькая одноглазая возлюбленная! Иди сюда, дитя, дай мне завершить то, что я начал столько лет назад.

Калья вошла в большую комнату. За ней, словно гигантская тень, следовал киммериец. Тахарка быстро оглянулся, запоминая точное расположение окон и дверей, стойки с оружием, канделябров, кресел и столов. В такой момент ему не хотелось никаких неожиданностей.

Вид аквилонца поразил Калью. Когда она видела его последний раз, он был настоящим красавцем, таким же, как тогда, когда она увидела его впервые. И этот неотразимый мужчина превратился за несколько месяцев в ходячий скелет!.. Калья чуть было не пропустила первой атаки Аксандриаса.

Аквилонец был быстр, как молния. Расстояние, разделяющее их, он преодолел одним

прыжком. Его клинок мелькал, будто язык кобры. Она отразила его удар, потом, отступая, еще один. Под таким натиском ей приходилось отступать быстро, но она делала это с умом, описывая по комнате широкий круг и внимательно следя за Аксандрiasом: не допустит ли тот какой промах. У него был истощенный вид, но удары он наносил точные и сильные.

«Как у него это получается? — промелькнуло в голове у Кальи, но вскоре ей уже стало не до размышлений — бой с Аксандрiasом отнимал у нее все силы.

— Ты кто, варвар? — спросил Тахарка. — И почему ты преследуешь меня по всему свету? — Его манера держать меч сказала Конану, что перед ним искушенный, выдавший виды боец.

— Я Конан из Киммерии, воин. Ты со своей бандой убил моих друзей. — Конан разговаривал с Тахаркой, не обращая внимания на яростное сражение, кипевшее между Кальей и так странно изменившимся Аксандрiasом. Ведь он обещал Калье не вмешиваться ни при каких обстоятельствах. — Хозяина дома звали Халга. В дверном косяке остался меч, которым он убил жену и дочь, чтобы они не достались вам. У нас в Киммерии такой вот меч в косяке означает: <Отомсти за нас>. Но я бы отомстил в любом случае. Хоть они были и не из моего клана, я был их гостем и жил под их крышей. И покоя мне не будет, пока не отомщу за них.

— Ты, наверное, шутишь! — Тахарка был уверен, что Конан скрывает другую, более весомую причину. — Кто станет тратить столько времени и сил, чтобы отомстить за смерть каких-то никому не известных варваров!

— Твой гиперборейский пес был совершенно прав. Ты не понимаешь северян. Куулво негодяй, но он был мужчиной. И те, кого ты убил, не были безмянными. Их имена запечатлены в сказаниях и хранятся здесь. — Конан указал себе на грудь. — Их души вызывают о мщении, и они будут отомщены!

Оба одновременно бросились друг на друга. Искры посыпались во все стороны от первого же обмена ударами. Конан удивился: Куулво был силен, но Тахарка оказался еще сильнее. Они перемещались по комнате, то атакуя, то отступая, но и тот и другой старались не приближаться слишком близко к другой паре.

Калья сражалась с упоением, почти в экстазе, ей казалось, что настал критический момент — высший миг всей ее жизни. Аксандрias дышал тяжело, со свистом, его необыкновенная, нечеловеческая скорость немного снизилась. Она сделала выпад, целясь ему в грудь, а когда он не слишком удачно парировал удар, сумела ранить его в живот. Аксандрias продолжал бой, словно ничего не случилось.

Теперь она уже не сомневалась, что Аксандрias принимает снадобье, которое так усиливало смелость гладиаторов в Кротоне. Без сомнения, оно же, даруя неправдоподобную силу и ловкость, разрушило его здоровье. Ее это даже устраивало. Ей хотелось колоть, резать и рубить его как можно дольше. Не успела она подумать об этом, как ей удалось ранить его в шею. Аксандрias опять не обратил на рану никакого внимания. Но когда и его выпад достиг цели и Калья была, хоть и не сильно, ранена в бедро, она тоже ничего не заметила и располосовала аквилонцу правую руку от локтя до ладони.

Аксандрias отступил на шаг. Калья почувствовала, что еще немного — и победа будет за ней. Его зелье быстро теряло действенность. Меч Кальи замелькал в воздухе с новой силой. Она будто плела вокруг Аксандрiasа паутину из сверкающих стальных кружев, и ему все труднее было блокировать ее удары. И тут она сделала полный выпад. Учителя фехтования предупреждали, что подобный удар можно наносить только в случае крайней

необходимости, он оставлял нападающего уязвимым для любого удара. Но Калья прекрасно все рассчитала: острое меча вонзилось Александриасу прямо в глаз, пробило мозг, истончившуюся кость черепа и на целый фут вышло с другой стороны головы.

Александриас повалился на пол. Калья стояла над неподвижным телом, глядя на него в каком-то недоумении. Потом лицо ее прояснилось. Она издала победный ликующий вопль.

Тахарка не верил свои глазам: этот молодой киммериец, почти мальчик, был сильнее его. Ни разу еще ему не приходилось встречать равного по силе противника. Ни разу не было у него повода сомневаться в своем превосходстве над другими людьми. А этот юный варвар был сильнее, быстрее и даже искуснее. Излишняя щепетильность не была свойственна Тахарке. Он решил бежать. Умело маневрируя, он отступил к креслу, на которое была наброшена дорогая ткань. Молниеносным движением сорвав ткань, швырнул ее в лицо Конану. Конан инстинктивно поднял руку, и Тахарка, пользуясь секундной заминкой, метнулся к двери.

Конан отбросил в сторону ткань и увидел, что Тахарка выхватил из стойки с оружием дротик и с силой метнул ему в грудь. Отбивать дротик мечом уже не было времени, и Конан легко уклонился. Он уже готов был ринуться следом за убегающим Тахаркой, но его остановил крик боли за спиной. Конан с ужасом обернулся, уже догадываясь, что случилось.

Длинный острый конец дротика воткнулся Калье в бок, прошел насквозь, разорвал внутренности и вышел с другой стороны. Девушка схватилась за древко обеими руками. Лицо ее выражало муку. Конан подхватил ее и осторожно опустил на пол.

— О, Калья! Неужели и ты оставишь меня?

Она посмотрела на свою рану, перевела глаза на труп Александриаса, потом слабо улыбнулась Конану. Ее лицо было белым как полотно.

— Не грусти, Конан, все к лучшему. Александриас мертв. Мне больше незачем жить. — Ее лицо побелело еще сильнее. — Но я хочу сказать тебе вот что. С самого детства я ненавидела мужчин. Сейчас я рада, что не ушла из жизни, не полюбив одного из них. — Она протянула руку и погладила юношу по щеке. — А теперь, любовь моя, иди и убей для меня этого паршивого пса. — Ее рука упала, по телу пробежала судорога.

Конан бережно завернул ее тело в драгоценную ткань. Потом он взял меч и отправился на поиски Тахарки.

Кешанец рвал и метал: у маленького причала не было ни одного судна! Эта сумасшедшая со своим киммерийцем отвязали и пустили по течению не только все его лодки, но и свою тоже. Тахарке оставалось одно — он начал взбираться на холм, к развалинам древнего храма. Сгушался туман. В тусклом свете луны замшелые камни выглядели странно и жутковато. Гранитные плоскости отливали серебром. И Тахарка решил, что это особая игра света. Да, конечно, что же это еще может быть? Тахарка даже и думать ни о чем больше не хотел: это всего лишь игра света.

Верхняя часть храма лежала в руинах, но в том, что осталось от стены, Тахарка увидел дверь. В темноту, куда-то вниз, уходили ступени, и он решил попытать счастья: спрятаться там, чтобы застать Конана врасплох. Держа меч в правой руке, кешанец начал на ощупь спускаться по лестнице.

Конан увидел, как Тахарка поднимался на холм. Сам он оказался там на несколько минут позже. Его острый слух уловил осторожные удаляющиеся шаги, и он безошибочно догадался, куда скрылся враг.

Нелепая и неожиданная смерть Кальи ошеломила Конана и притупила его чувства. Но

руины древнего храма почему-то повергли его в трепет. Смятение охватило киммерийца. Но он знал, что не покинет острова, не обагрив кровью Тахарки свой меч. Что-то необъяснимо знакомое и гнетущее чудилось ему в каменной кладке стен. Секунду помедлив, Конан, держа меч наготове, двинулся вслед за Тахаркой по ступенькам, уходящим во мрак.

Спустя короткое время Конан понял, что внизу, куда он спускается, не так уж и темно. Казалось, что сами камни излучают странное слабое свечение, достаточное для того, чтобы различить окружающее. Конану казалось, что стены длинного коридора, в котором он очутился, покрыты барельефами каких-то диковинных существ. Он всмотрелся, но так ничего и не понял, хотя осталось ощущение чего-то чуждого, враждебного и в то же время смутно знакомого.

Конан резко потряс головой, пытаясь сбросить чары. Некогда глядеть на стены. У него есть единственная и четкая цель — убить Тахарку. И он не уйдет, пока не сделает этого. Коридор, по которому Конан шел, казался ему бесконечно длинным, боковых ходов заметно не было. Он все шел и шел. Ему казалось, что остров давно уже должен был кончиться. Но некогда было ломать голову над подобными загадками.

Впереди возник зеленоватый свет. Конан уже видел такой однажды. Какой там свет — зеленый или не зеленый — волновало его мало. Главное, чтобы он помог ему вовремя увидеть врага. Потом Конану стало мерещиться, что он слышит отдаленный шум моря: будто волны мерно бьют о крутой берег. Наконец он дошел до источника света — высокого, стрельчатого дверного проема. Переступив порог, Конан буквально ахнул от изумления.

Помещение, в котором он очутился, было столь велико, что, несмотря на яркое пламя посередине, потолок и стены едва угадывались где-то вдали. Перед ним простирался бесконечный ряд колонн, точная копия тех, со змеиными головами, что он видел в кротонском храме. Только эти колонны были в десять раз больше тех, тоже огромных.

В центре зала в углублении горел огонь. Вокруг огня стояли три человека. Дальше он разглядел множество людей в черном, произносящих нараспев какие-то слова — именно это и показалось ему издали шумом прибоя. Конан подошел ближе к огню. Два человека были в черных одеяниях. Причем один из них — тот самый жрец из Кротона, а другой — великий маг Гураппа из Леукты, который показал Конану волшебное зеркало. Но киммерийца интересовал только тот, кто стоял между ними. На лице кешанца, в правой руке держащего меч, отражалась странная смесь ужаса и триумфа. Чуть в стороне, на маленьком возвышении, находился третий жрец. Конан сначала не обратил на него внимания. Дождавшись, когда Конан подойдет поближе, третий жрец произнес глубоким рокочущим голосом:

— Претенденты собрались. Можно начинать.

Конан проигнорировал это загадочное заявление.

— Я пришел сюда, чтобы убить вот того человека. А вы лучше не вмешивайтесь.

— Помедли! — Жрец простер свою костлявую руку, и Конан остановился, будто налетел на стену. Он просто кипел от злости: когда же наконец ему перестанут мешать?!

Жрец продолжил торжественным речитативом:

— Ритуал не должен быть нарушен. Лишь один из вас может остаться в живых. Множество богов будет наблюдать за вашей битвой. Ее исход и определит, вернутся на землю Древнейшие или же останутся те боги, что правят сейчас. Ни один из вас не владеет великой силой магии. Поэтому судьба мира зависит от вашего поединка.

— Очень хорошо, — вклинился Конан в размеренную речь жреца, — давно пора

приступать. — Он рванулся вперед, но тщето. Невидимая стена стояла перед ним незыблемо. Словно и не заметив, что его перебили, жрец неторопливо продолжил:

— Кандидат Древнейших — Тахарка из Кешана. Если он одержит победу, Древнейшие вернутся. Тогда настанет эра истинно злых начал. — Сквозь нарочитую бесстрастность в голосе жреца проглянуло почти неприличное ликование. — Если победы добьется Конан из Киммерии, мы уйдем в тень еще на пятьдесят поколений.

Другой жрец, маг Гураппа из труппы бродячих актеров, прервал свое молчание:

— Вы двое, разумеется, лишь орудия, избранные богами. Ваша битва — лишь земное отражение вселенской битвы богов-иейолинов за верховную власть. Некая ирония заключается в том, что избранники судьбы на этот раз не короли, не императоры, не великие чародеи, а всего-навсего примитивные дикари. Похоже, и у богов есть своеобразное чувство юмора.

Конана раздражала эта заминка. Он хотел только одного — начать бой с Тахаркой. А тут эти жрецы со своей непонятной дребеденью о мировом владычестве! Только тянут время! Конан видел, что и Тахарку они удерживают тем же необъяснимым образом, что и его.

Распевное бормотание массы людей, которое показалось Конану рокотом морских волн, изменило свой ритм и теперь звучало словно раскаты грома.

— Пусть битва начнется! — провозгласил жрец, стоящий на возвышении.

Невидимые путы спали с Конана, и в тот же миг он бросился на Тахарку. Тот не уступил ему в стремительности атаки.

— Ты убил моих друзей! — вскричал Конан. — Ты убил мою подругу! Смерть тебе, Тахарка!

Неистовая ярость киммерийца странным образом контрастировала с мрачным хладнокровием Тахарки, который без особого труда блокировал все удары Конана, поджидая удобного момента для ответного удара.

— Твои друзья... для меня... ничто... мальчик, — с паузами отвечал Тахарка, продолжая энергично работать мечом. — А что до твоей подруги, это просто несчастный случай. Если бы ты не пригнулся, дротик попал бы в тебя, а не в нее. И она бы не умерла. — Ему показалось, что Конан наконец открылся, но юный варвар, обладая звериной реакцией, сумел избежать попадания.

Продолжая наступать, Конан почти столкнул Тахарку в углубление в центре зала, где горел зеленый огонь. Холодные языки пламени вдруг взметнулись чуть ли не до потолка. Конану показалось, что у кешанца прибавилось сил. Или, может быть, это он сам начал уставать? Тахарка изменил тактику и непрерывно наступал, заставляя теперь пятиться Конана.

— Чувствуешь, мальчик? — Лицо Тахарки блестело от пота. — Древнейшие жульничают. Они одолжили мне силу. До чего же нечестная публика эти Древнейшие. Именно поэтому я и пришелся им по вкусу. Хотят сделать меня властителем вселенной. Но ты, мальчик, мне не завидуй. Моя судьба ужасна.

— Зачем же ты дерешься? — спросил Конан. Он тоже обливался потом, даже рукоятка меча скользила у него в руках. Он уже с трудом отбивал атаки кешанца. Ему не хватало дыхания. И даже этот короткий вопрос стоил ему громадного усилия. Он решил молчать до конца боя.

— А потому, малыш, что прежде, чем они заберут меня, мне предстоит много-много лет наслаждаться всеми земными благами. А еще потому, что ты должен умереть раньше меня. И

потому, что я просто люблю убивать!

Стремительный натиск Тахарки заставил Конана попятиться, он споткнулся о край возвышения и полетел кубарем. Меч выпал у него из руки и покатился в сторону. Торжествующий Тахарка занес свой стальной клинок для последнего удара. Их разделяло всего несколько футов. Тахарке оставалось сделать несколько шагов и пронзить беззащитного Конана. Киммериец понял, что секунды его жизни сочтены.

— Прощай, мальчик, — наслаждаясь своим триумфом, произнес Тахарка. — Ты лучший из всех, кого мне довелось убить.

Рука Конана внезапно метнулась к поясу. Затем последовал сильный взмах — взмах, в который он вложил остаток всех своих сил. Глаза Тахарки сошлись к переносице, будто он пытался рассмотреть рукоятку кинжала, вонзившегося ему в лоб. Шатаясь, он сделал шаг, другой. Потом рухнул прямо в зеленый огонь. Языки огня на мгновение взвились в воздух, но сразу же опали и потускнели.

— Как это случилось? — спросил третий жрец. — Ведь предзнаменования сулили победу Древнейшим. — Он с бешеной яростью уставился на Конана.

— Этот смертный — самый непредсказуемый, — проговорил жрец из Кротона. — Из тех, что носятся по свету как угорелые и рушат замыслы богов.

— Грандиозный замысел, плод трудов многих столетий, — с горечью произнес маг из Леукты, — разрушен с помощью фокуса трюкача—жонглера.

Конана не интересовала вся эта болтовня. Точно груз упал с его плеч — долг мести больше не тяготел над ним.

— Вы же недавно говорили, что наш бой — это всего лишь отражение вселенской битвы богов. Я думаю, сам Кром направил мой кинжал в переносицу Древнейшим.

Он глазами поискал свой меч, наклонился, чтобы поднять его. А когда выпрямился, вокруг не было ни души. Зеленое пламя совсем угасло. Конан бросил меч в ножны и, тяжело ступая, двинулся прочь.

Конан выбрался на берег. Он обернулся и в последний раз посмотрел на остров. Вилла все еще горела. Когда он, выйдя из храма, дошел до виллы, он застал там рабов, деловито растаскивающих все самое ценное. Он разогнал их. Сложил подобие погребального костра из мебели красного и черного дерева. Сверху водрузил тело Кальи в полном снаряжении, так чтобы ноги ее упирались в труп Аксандриаса. Затем он поджег костер, спустился к реке и проплыл милю, отделяющую его от северного берега.

Он думал, куда же ему теперь податься. На север — к дому? На восток? В те страны, зов которых он услышал, выйдя впервые на зеленые равнины Офира? На запад, к великому морю со всеми его кораблями и таинственными островами? На юг, где чернокожие дикари живут в своих необъятных джунглях? Об этом так часто говорили они с Кальей, плывя на барке по Стиксу. Он не знал, что ему делать.

Но у киммерийцев с давних пор существовал простой способ разрешения сомнений. Конан вытащил свой меч. Теперь надо подбросить его высоко в воздух. А когда меч упадет, остается лишь идти туда, куда укажет острие. Если, конечно, оно не воткнется в землю. Конан широко размахнулся, и меч, крутясь, полетел в небо. Яркое южное солнце сверкало на широком клинке.